

НАТАЛИ ХАРД

ЭЙ
В
А

Э

16+

Натали Хард

Эйваз

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Хард Н.

Эйваз / Н. Хард — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Как пережить в раннем детстве убийство семьи, похищение брата, смену религии, страны, потерять веру в людей и Бога, но не сломаться самой? Эта история нечто большее, чем мы можем себе представить. Интригующее путешествие по опасному пути вместе с героиней, одержимой чувством мести и готовой, несмотря ни на что, выдержать любые испытания ради достижения цели. Но как быть, если непрерывный поиск врага открывает момент истины – прошлое хранит множество жутких тайн...

© Хард Н., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Благодарности	5
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	29
Глава 4	38
Глава 5	52
Глава 6	62
Глава 7	72
Глава 8	84
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Благодарности

На написание этой книги у меня ушло гораздо больше времени, чем я предполагала. Словно писала её на неизвестном мне языке. Во время создания приходилось просматривать и изучать много материала, что безусловно притормаживало процесс творения. Но несмотря на все сложности, я получила огромное удовольствие от работы над романом. И должна выразить благодарность всем, кто был рядом, кто помогал, и кто деликатно принимал долгие периоды моего молчания. В первую очередь родным и друзьям.

Хочу горячо поблагодарить своего отца, за неоценимые советы и помощь, за возможность ошибаться, чтобы в итоге найти верный путь! Смело заявляю, что без него эта книга никогда не была бы написана.

Надеюсь, что переписанные мной бесчисленное количество раз страницы, наконец, найдут своё пристанище в сердцах читателей.

Если вы держите в руках эту книгу, значит вы – дорогой мне человек и я действительно вас люблю!

С глубокой благодарностью ко всем, кто терпеливо ждал, верил и непрерывно поддерживал...

Ваша Натали Хард

Глава 1

Я был и остаюсь искателем, но я прекратил задавать вопросы звездам и книгам. Теперь я прислушиваюсь только к голосу моей крови.

Герман Гессе

С наслаждением вдохнув чистый горный воздух, разглядываю небесное полотно, усыпанное мерцающими звездами. Я словно под куполом волшебного мира, отрезанного от настоящего своими законами. До ноздрей доносится запах пряных яблок и миндаля, но это лишь игра моего воображения, так как здесь неоткуда им взяться.

Последнее время меня окружали сплошные головоломки, но, пожалуй, впервые не спешу их разгадывать. Мои чувства нацелены на другое – сейчас я принимаю скопом все подарки судьбы, застрявшие на целую вечность где-то в пространстве. Словно кто-то из небесных курьеров наконец заметил завалившуюся на облачном складе посылку и столкнул ее адресату вниз.

Но что мне с ней делать? Может все сразу не распаковывать? Во-первых, не знаю, как обращаться с содержимым, ведь у меня совсем нет опыта общения с радостью; во-вторых, жаль, что не останется счастья на потом.

Я переминаюсь, утопая в сомнениях – осознать, что у меня есть своя собственная коробка с плотно утрамбованным счастьем, пока сложно.

Но все же решаюсь...

Тр-р-ык – и розовый атласный бант легко поддается.

Думаю, поступила верно. Ведь кто знает, выпадет ли возможность насладиться этим пресловутым счастьем когда-нибудь еще?

И даже мелькает шальная мысль: «А не опрокинуть ли на себя целиком всю коробку сразу? Чтобы застыть в ожидании, как чудотворные ноты опьяняющей эйфории начнут проникать под кожу, застряют по венам и наконец насытят весь организм пресловутыми эндорфинами...».

Запрокидываю голову и позволяю вековым ветрам перебирать мои длинные локоны, вплетая в них ароматы целебных трав в звенящей тишине, которая всегда понимала меня как никто другой. Я протягиваю в темноту руки, желая обнять белые пики Гималаев. И лунный диск, похожий на сырную голову, что вышел в свой дозор на ночном небе, наблюдает с интересом за происходящим далеко внизу.

Мягкая ткань облегает мой округлившийся животик. В скором будущем мне предстоит стать мамой. Для меня это необычно и странно. Не предполагала, что однажды мне предстоит подарить жизнь.

Я иду аккуратно по краю горной вершины. Ориентироваться в пространстве помогают лунный свет и россыпь крошечных белых огоньков у подножия. Напрасно ночь пытается скрыть под своим темным покрывалом захватывающие дух виды: горные вершины, покрытые нетающим снегом, безмолвное ущелье, склоны, кое-где поросшие лесом, седловину перевала, скрытую под туманной вуалью и высокогорные луга – я чувствую эту красоту даже сквозь тьму!

Тихие шаги за спиной отвлекли от размышлений, и мои губы самопроизвольно родили улыбку. Теплая заботливая рука опустилась на мое плечо, и я, прикрыв веки, с наслаждением потерлась щекой о слегка шероховатую ладонь дорогого человека. Меня охватило невероятно сокровенное ощущение – счастье находиться здесь, вдали от всего человечества. Словно мы совсем одни на огромной земле, на «крыше мира».

– Я очень счастлива быть с тобой... – прошептала я с удовольствием и вновь улыбнулась. Только ему одному.

– А уж как я счастлив, – звук чужого голоса, которого не знала, разрушил мое счастье. В один миг кожа покрылась испариной, внутри все похолодело. Мозг понял быстрее тела. Я попыталась развернуться лицом к опасности, но было уже поздно.

Мой противник приготовился лучше меня. Острая сталь пронзила тело, заставляя согнуться в болезненной спазме. Все произошло ментально. Удар был точен – я знаю, что обречена. Все последовавшие затем удары были сделаны лишь для удовольствия нападавшего.

Сомнений нет – передо мной настоящий профессионал, кого я так долго искала, и к встрече с кем готовилась. Только не здесь и не сегодня. Ему удалось застать меня врасплох в моей колыбели, где я уютно свернулась клубком, расслабилась и, наконец, обрела свое право на счастье, научившись жить заново.

В последний миг я попыталась поднять взгляд, чтобы разглядеть «чудовище», лишившее меня жизни. Его глаза – последнее, что видели мои близкие перед тем, как покинуть этот мир...

Истекая кровью, я упала на колени, безуспешно пытаюсь зажать раны рукой – их слишком много. Не получилось активизировать резервные силы организма, чтобы побороться за две жизни – свою и малыша. Не было сил даже закричать. По щекам потекли слезы, капая вниз, где смешивались с потоками крови, покидавшей мое тело.

Вновь я сидела в луже крови. Только теперь она была моей, а не матери, как когда-то в глубоком детстве. Ощущения же были схожими. Бессилие, изливаясь горячими потоками, прожигало душу подобно кислоте. Сейчас я впервые плакала с того момента, понимая, что проиграла...

– Ну, вот и встретились, – чудовище подмигнуло мне. – Слышал, что ты искала меня? – издевательская ухмылка скривила губы.

– Всю жизнь, – хрипло ответила я и, не желая сдаваться так просто, изобразила ответную улыбку, которая была больше похожа на кровожадный оскал.

– Зачем, малышка? – издевательски ласково поинтересовался он, взирая сверху на мою покорность.

Я чувствовала, как с каждой секундой силы покидают мое тело. Что в этот момент чувствовало крохотное создание внутри меня? Понимало ли оно, что тоже скоро погибнет, потому что оберегающий его кокон был нарушен? Мне хотелось ему помочь, спасти – но я не в силах...

– Чтобы вырвать твоё сердце... – с ненавистью прошептала я.

– Это было ошибкой, – «чудовище» демонстративно прищелкнуло языком и почти заботливо опустило ладонь мне на затылок. – Видишь, это ты вынудила меня забрать у тебя два сердца, – мне слышно, какое удовольствие ему доставляет поучать меня.

Я сжала зубы до скрипа, думая только о крошечной, недавно зародившейся во мне жизни, и кажется, именно это придавало мне силы оставаться все еще в сознании.

– Скоро... здесь будет лежать их три, – выдавила я с трудом, чувствуя, как горло наполняется кровью. – И одно из них скормят диким псам! – с отвращением выплюнула в склонившееся ко мне лицо скопившуюся во рту кровь и слюну.

Жесткий удар в грудь отправил меня напрямик в бездну.

– Катись к своей семейке, сучка! – злобное шипение сопровождал разъяренный взгляд.

Раскинув руки, я летела с застывшей улыбкой, любуясь, как в лунном свете отрубленная голова моего врага летит вслед за мной.

– Та-а-я-я!!! – разорвал долину истошный крик подоспевшего Сей-Мана.

Он опоздал всего на мгновение, но успел исполнить мою мечту. Прежде, чем я навсегда закрыла глаза, увидела, что мой враг мертв. В полете подняла вверх два пальца «в жесте победителя» и еле слышно, с трудом перебирая губами, хотя меня уже никто не слышал, прошептала:

– Виктория, учитель... Мы победили...

Монотонный звук и тьма поглотили меня, и я... Резко вскочила в постели... Чертовщина! Приснится же такое...

Нащупав под рукой пульт, выключила телевизор с пустым экраном и шипением, которое пробралось в мой сон. Я так и уснула в джинсах, футболке, с недоеденным бутербродом на груди. Только на экране уже нет накачанного парня, спасающего мир людей от мира машин.

Я провела рукой по лысому затылку и жадно присосалась к бутылке с минералкой, и пока жидкость вливалась в мой организм, задумалась о том, что длинные локоны мне все же идут...

На часах – половина шестого.

Пора вставать, и в лесопарк, на пробежку. Начался новый день моей жизни. И один шаг к логову моего врага...

На улице привычная осенняя морось. При очередном шаге едва удерживаюсь на ногах. Мокрая после ночного ливня тропинка проверяет меня на прочность. Я не выпалась, и мой внутренний баланс оставляет желать лучшего.

Добегаю до знакомых полусгнивших пеньков и начинаю планомерную растяжку под мелодичное сопровождение утреннего леса. Когда наконец мышцы начинают откликаться и сотрудничать в полную силу – зависаю между пеньков в воздушном шпагате. Опускаю веки и потрошу гигабайты памяти, чтобы снова оказаться на несколько минут рядом с учителем. Тем более что давно себе этого не позволяла, слишком давно...

Спокойный, глубоко проникающий взгляд изучает меня так пристально, что я вздрагиваю от чересчур живого видения.

Мучительно-прекрасная греза заставляет понять: как на самом деле я сильно скучаю по Тибету. Неумолимо тянет вернуться на вершину – хочу оказаться рядом с Сей-Маном, потрепать по холке Скурудж и залюбоваться парящим в небесах Покером.

Восхищенно-задиристый свист пробегающего мимо парнишки возвращает меня обратно. Дорогие образы растворяются в утреннем тумане, и я соскакиваю с бревен, недовольная вторжением. Накидываю капюшон толстовки и бегу в спринтерском формате до отдаленной поляны, где могу размяться без посторонних глаз.

Я так и не смогла проникнуться комфортом спортивных залов, предпочитая поддерживать себя в форме на свежем воздухе независимо от погоды...

Еще пара километров спокойной пробежки – и возвращаюсь к дому. На сегодня – достаточно: через четыре часа вылетаю в Доху, пора завершать слишком затянувшиеся переговоры с арабами по поставкам. А завтра – снова в Москву, по пути сделав пересадку во Франкфурте-на-Майне.

Там, в маленьком Штайнбахе есть человек, готовый поделиться нужной мне информацией. Надеюсь, что он не разочарует. Хотя – как показывает жизнь – разочарования обязательно подкрадываются в самый неожиданный момент, заставляя веру в чудеса сбрасывать свои белые пушистые крылья, перематывать их бечевкой и спешно покидать опустошенные души сквозь болезненные дыры самообмана.

Прозрение, шагающее вслед за разочарованием – будто неотъемлемый его спутник – всегда тут как тут, в ожидании выйти на сцену, примерив на себя главную роль. Как правило, впервые эта гнусная парочка, разрушающая нашу уютную самобытность, панибратски навевается в канун зимнего праздника, помогая обнаружить под наспех накинутой красной шубой громогласного Деда Мороза отцовские штаны или уловить разоблачительный запах алкоголя из-под ватной бороды чародея. Взрослые, как ни в чем не бывало кружась в хороводе, с восторгом заывают «подделку» подойти к елке, тянутся к мешку, полному чудес, а вот ты...

А ты, оглушенный хлопущими и фальшивым хохотом, чувствуешь, как скорлупа твоего кокона, надежно защищавшая от всех невзгод до этого момента, внезапно треснула и развалилась на части, безжалостно даруя внешнему миру маленького человечка. Подобно тому, как если бы капитан покинул комфортабельную каюту в шторм и, поднявшись на палубу, принял

на себя мощь ледяных потоков отрезвляющей реальности. Миф о некогда воодушевлявшей сказке, санях, оленях и далекой Лапландии предательски разлетается вдребезги, грубо опрокидывая вверх тормашками детское доверие и затапливая его нежное уязвимое нутро вязкой массой никчемных иллюзий. И наше детство – вперемешку с его волшебными мечтами, плюшевыми медведями, экскаваторами и куклами – безжалостно летит в сундук, мы чувствуем себя несправедливо обманутыми, и с досадой отпихиваем его ногой в дальний угол. Там, среди чердачной пыли, паутины и таинственного света луны, едва проникающего сквозь морозные узоры на стекле, осознаем: даже пустота, некогда обнаруженная в развернутом конфетном фантике, и первое шоколадное эскимо, выпавшее из рук в лужу, не могли сравниться по силе разочарования с этим чудовищным открытием.

Так впервые мы спотыкаемся о хитроумную улыбчивую ложь. И ничего не подозревая встаем и отряхиваемся, а подняв голову – обнаруживаем себя перед таинственными массивными воротами с вульгарно поблескивающей вывеской «Добро пожаловать во взрослую жизнь!»

Оттуда сквозит несвежими интригами, пресной суетой и подгнившим дефицитом искренней дружбы.

Браться за кольцо и тянуть на себя тяжелые двери вовсе не хочется, но пути назад уже нет. Тонкий перешеек, за которым остались мультики, размазанная по щекам каша и любимый плюшевый слон, рухнул в небытие под тяжестью бремени. И все, что было до этого, предательски растворилось в сознании, словно колибри, взмахнув крошечными крылышками в грустном вихре сладостных воспоминаний, безвозвратно унесла наше уютное прошлое за тридевять земель – в страну с изобилием вкусных бабушкиных пирожков, маминой заботой и счастливым отцом, приносящим под Новый год колючую елку и ароматные мандарины...

Я бы многое отдала, чтобы судьба подкинула меня к воротам, ведущим в мир, где играют в покер и, не моргнув глазом, предают таким же образом, но в жизни произошло все совсем иначе...

На самом деле, в какой момент каждый из нас проходит ту самую точку невозврата, за которой остаются детство, беззаботность и вера в чудеса – неизвестно. Просто в определенный период мы начинаем осознавать, что на земле есть не только справедливость со счастливым концом, но и гнусное коварство, запряженное в одну колесницу с предательством и жестокостью, в противостоянии которым не всегда можно выйти победителем. И зло это – отнюдь не так безобидно, как Великий и Ужасный Гудвин на книжных страницах, что не спеша перелистывая перед сном, читала мама.

Все совсем не так...

Все гораздо опаснее...

* * *

– Яблочный, апельсиновый или томатный? – с дежурной улыбкой на лице прерывает мои размышления стюардесса.

Зачастую подобные банальные вопросы отнимают время на раздумья. Хотя, казалось бы, на что еще можно его потратить, когда ты заточен в металлической посудине, внизу километры пространства, а за бортом температура, пригодная лишь для белых медведей.

Посмотреть фильм? Погрузиться в книгу? Задуматься над судьбой, уставившись в иллюминатор? Или провалиться в сон и проспать весь полет?

Для большинства вариант досуга ограничен. Но есть и другая каста людей: те, кто вершат судьбы, летя среди облаков; те, кто спасают или уничтожают мир, кружа над огнями ночного аэропорта; те, кто при взлете профессионально распределяют миллиарды в офшорах на Кирибати и Барбадосе...

В детстве и представить не могла, что коснусь этого круга. Мечты были светлыми, а надежды казались нерушимыми – я хотела стать принцессой или ветеринаром.

Мой взор машинально скользит по безукоризненно отглаженной униформе стюардессы с именем Екатерина на бейджике и спотыкается о яркую помаду на идеально очерченных губах. Красиво! Но внимание притягивают наполненные тревогой глаза. Девушка явно взволнована, хотя и пытается это скрыть под густыми ресницами и натянутой улыбкой. От меня такие вещи не утаить!

Чтобы перехватить ее взгляд, обращаюсь с глупым вопросом о длительности полета. Желание понять причину ее беспокойства настолько велико, что я слишком откровенно подаюсь вперед, проникая в чужое сознание и нарушая собственные правила.

Бряканье табло с просьбой «пристегнуть ремни» словно щелчком по носу возвращает к действительности, заставляя откинуться обратно на спинку кресла практически через силу, и я улавливаю вполне понятное недоумение в глазах стюардессы.

«Да, что за...» – для меня несвойственен интерес к жизни людей, и уж тем более – к их проблемам.

– Томатный... – достаточно грубо выдавила я ответ, практически не разжимая губ, словно выплюнула косточку от вишни.

Глупо, конечно: девушка абсолютно ни при чем, реакция адресована исключительно моим внутренним сбоям. Я недовольна потому, что не нахожу ответа на вопрос: «Что же вынудило меня заглянуть стюардессе в глаза?»

Будто внутренний дежурный уснул на посту и спросонья дернул не за тот рычаг, вынудив систему, которую сама же и программировала, допустить ошибку.

Мысленно запускаю «антивирусную» программу внутри себя, но она ничего не выявляет. Это тревожно...

Стюардесса возвращается к тележке с напитками, забирая с собой и мои мысли. Я улавливаю акварельную, тихую вуаль аристократичной лаванды и индийского жасмина.

Прекрасно!

Мне удастся раскинуть невидимый «защитный барьер» между нами и переключиться на насущные вопросы дня. Но не полностью – в поле моего зрения ухоженные бледные руки, дрожа, наполняют стакан красной вязкой жидкостью. Хочется верить, что отделаться от этой девушки мне все же не дает ее аромат, он ненавязчиво окутывает пространство – я будто касаюсь хрупкого, едва уловимого шлейфа. Надо признать, что у небесной феи прекрасный вкус – аромат великолепен!

Напиток аккуратно приземлился на мой столик. Кивнув бортпроводнице в знак благодарности, я отвернулась к иллюминатору.

«Боинг» ловит воздушную яму, и в салоне лайнера становится оживленно.

К моему соседу – крепкому мужику за сорок с удушающим перегаром – это не относится, храп мне на ухо лишь усиливается.

Приходится оторвать кусок журнальной страницы с потрясающим декольте Евы Мендес на фото и, скатав бумажный шарик, закинуть аппетитные формы красавицы в открытый рот соседа, словно в баскетбольную корзину.

Не помогает!

Что ж... Лениво достаю из кармана беруши и снова отворачиваюсь к иллюминатору, разглядывая исцарапанное самолетами небо.

Итак...

На земле, как правило, я выбираю яблочный, а в воздухе – томатный...

К чему думать?

Все просто!

Мои мысли разложены аккуратно по файлам и хранятся на жестком диске – это и есть моя память, мой фонд накопленных за годы знаний. Все опломбировано и засекречено, как бумаги

в стенных сейфах унылых кабинетов спецслужб. Если меня что-то интересует из прошлого – я «иду» в хранилище и выуживаю оттуда нужную мне информацию.

При таком отработанном до автоматизма подходе – в «парадном» моего сознания всегда просторно и чисто. Я не развешиваю там по стенам папки с ленивым содержанием: доделаю завтра, подумаю позже, исправлю в другой раз...

Уборке подвергается сразу каждый угол...

Это – и безопасный способ хранения информации, и ко всему прочему – очень удобный. А главное: он экономит самый дорогой ресурс на планете – время!

К сожалению, не все понимают, что растрчивать его впустую – преступление. Это самое ценное, что есть у каждого из нас. Ни родители, ни дети, ни друзья...

Лишь время!

Из него сложена наша жизнь, но оно же приближает и нашу смерть...

В его власти – спасти или убивать. Оно внезапно забирает у нас стариков и ожидаемо дарит малышам. Подкидывает шанс на исправление или жестоко наказывает. Перетряхивает опаленное воображение и дарует жизненную мудрость, играя по своим особым правилам – не задумываясь о человеческих желаниях.

Мы можем – смирившись – принять это, или же – сопротивляясь – безгранично страдать...

Выбор за нами: подписать мирный договор с Вселенной, закрепив за собой статус союзника, или же, единожды навесив на себя ярлык противника – безрезультатно воевать до конца дней с «ветряными мельницами». Ведь если задуматься: что может быть безрассуднее, чем расположить время в противоположном углу жизненного ринга в качестве соперника?

Найти подход и приспособиться ко всему, имея все шансы прожить в гармонии и не создавая себе проблем, можно практически везде и всегда. И в этом случае время гарантированно будет работать на нас. Главное – осознать: соблюдая достаточно простые законы бытия, можно выровнять свой жизненный путь от ухабов и кочек. Рельсы, конечно, не проложишь, но подскакивать на неровностях придется гораздо реже.

У меня никогда не возникает проблем, они обходят меня стороной...

Так сложилось вовсе не потому, что я родилась под счастливой звездой – все гораздо проще: я упорно не признаю способ приписывать обычным жизненным неурядицам статус проблемы. В момент, когда я еще не переступила ту самую точку невозврата, когда, словно зародыш во чреве матери, жила в некоем пузыре, наполненном заботой и уютом, а самым желанным подарком на День рождения был лохматый щенок, я усвоила мудрость Великого Далай-ламы, произнесенную когда-то моим отцом: «Если проблему можно разрешить – не стоит о ней беспокоиться. Если проблема неразрешима – беспокоиться о ней бессмысленно...»

Если это основательно закрепить внутри себя, а не просто бегло восхититься мудростью Великого, переживая уже спустя мгновение, что пирог подгорел, а гости вот-вот появятся на пороге – жить становится значительно проще, это проверено...

Я кладу пальцы в уголки глаз и устало опускаю веки...

Шасси «Боинга» касается влажного асфальта – я в Москве...

Мой сосед снова храпит, его не разбудили даже восторженные аплодисменты пассажиров при посадке.

Я выгнула спину, чтобы размять затекшие мышцы и заодно ненавязчиво толкнуть его в бок. Пора просыпаться!

– Всего хорошего, – все с той же натянутой улыбкой стюардесса прощается с потоком пассажиров, стоя у кабины пилотов и кивая каждому без исключения.

Екатерина...

Катя...

У этой девушки сейчас лишь одно желание – поскорее покинуть борт и гнать свое авто в сторону детской больницы, куда сегодня был экстренно доставлен ее сынишка, провалившийся в плохо прикрытый канализационный люк прямо в школьном дворе, на глазах учителя и одноклассников.

Не в моих правилах, но перед самым выходом я слегка касаюсь миниатюрной ладони, упакованной в белоснежные перчатки, и незаметно для всех подмигиваю стюардессе.

– Не стоит так переживать. Он поправится, все будет хорошо.

Пассажиры, желающие поскорее покинуть самолет, подталкивают в спину – мне это на руку, поскольку уже уловила вспышку удивления в глазах бортпроводницы, и немой вопрос, застывший на приоткрытых губах.

Это все, что могу ей сказать. Желания говорить большего – нет. Мои слова дадут надежду и временное успокоение – этого вполне достаточно. В остальном, надеюсь, она убедится сама уже совсем скоро...

Москва встречает вечерней прохладой и суетой...

Я кинула рюкзак на выдавшееся виды сиденье «Шевроле» цвета грязной охры и назвала таксисту адрес.

Хочется принять душ и немного выспаться. Последнее время сплошные перелеты – иной раз за сутки пересекаю по несколько часовых поясов. Джетлаг – пока не беспокоит, но понимаю, что нужна пауза. Длительная прогулка на свежем воздухе и отвар из гинкго билоба, вместо утреннего кофе – пожалуй, то, что надо!

Надеюсь, что завтра получится попасть на вечеринку благодатного альянса – «тишины» и «уединения» – хотя бы на несколько часов. Где проходят такие мероприятия, мне хорошо известно.

Подходя к дому, я свернула в знакомую арку с единственной мечтой – о кружке чая и удобной кровати. Несколько часов крепкого сна мне бы не помешали, а завтра постараюсь посвятить день медитации на природе...

Неожиданно впереди себя я уловила в темноте движение...

Что там происходит?

Вроде какая-то возня, но ни хрена не видно.

Прислушалась...

И тут сквозь тишину прорвался женский крик:

– Помогите! Помог... – голос оборвался и стал каким-то глухим.

Время на понимание происходящего мне не потребовалось – я бесшумно вынырнула из арки, увидев парня, грубо прижавшего молодую девчонку к стене дома.

– Молчи, сука! Молчи, я сказал, а то прирежу! – прошипел он.

В его руке действительно сверкнул нож, он бесцеремонно попытался вырвать сумочку из тонких рук, но жертва стойко держала оборону, а заметив меня, начала истошно вопить, призывая на помощь.

– Шіркін! – поняв, что без свидетелей не обошлось, парень сильным рывком все же выдернул сумку из рук жертвы и бросился наутек.

Он попытался раствориться в темноте, и я, сбросив с плеча рюкзак к ногам девчонки, сорвалась за ним, не теряя из виду силуэт и чертыхаясь, что впуталась в чужую ситуацию – уже дважды за день.

Парень – быстрый, но через несколько секунд я влетела ему в спину, ударив в прыжке ногой чуть выше поясницы.

Он мощно пролетел вперед и, не успев выставить руки, лицом пробороzdил доселе спокойную поверхность дворовой лужи, а еще, кажется – проверил носом и щекой прочность лежащего под ней асфальта. Его руки рефлекторно разжались, и зажатая в них сумка девчонки и нож разлетелись в разные стороны.

Подбежав, я тут же пресекла его попытки подняться на ноги, слегка наступив ему сзади на шею.

– Затихни, гаденыш, – мой голос был тих и спокоен. – А теперь – повернись, – не дав приподняться я позволила парню повернуться в луже на спину.

В его глазах плескался страх, он прикрыл голову руками в ожидании последующих ударов. Но мне хотелось поскорее скрыться, не привлекая лишнего внимания, поэтому спокойно подобрав сумку девушки, я откинула ногой в чахлые кусты нож и, поддав на прощанье ему ногой в грудь, прошипела сквозь зубы:

– Еще раз тебя здесь замечу – вырву кадык! Это понятно?

Парень в испуге кивнул, а я поспешила вернуться к девчонке, снова погрузившись мысленно в кружку чая и удобную кровать...

– Спасибо вам, – запыхавшаяся девушка в слезах прибежала мне на встречу. – Я так... Я так благодарна, что спасли меня!

– Не стоит, – протянув ей сумочку, устало бросила я. – Он не поранил тебя?

Девушка вернула мне рюкзак и помотала истерично головой.

– Нет... Потому что... Вы вовремя... Я видела... – она все еще с трудом могла говорить. – Простите, я просто никак не могу прийти в себя.

– Я понимаю. Просто иди домой, и все пройдет.

– Нет. Сейчас придет мой отец, я позвонила уже ему. Пожалуйста, не уходите, прошу вас. Я видела, как вы круто его... Того парня... Ну как круто вы с ним...

– О, нет, нет! Никаких показаний и поездок в полицию – я спешу. Скажи спасибо, что... – я оборвалась на полуслове, услышав громкий мужской оклик – Тома! Детка! Где ты? – и звуки сирены подъезжающей патрульной машины, и не одной.

– Это мой отец, – обрадовалась девушка и бросилась сквозь темноту на голос отца. – Папа, я здесь!

Воспользовавшись моментом, я попыталась скрыться, но едва завернула за угол дома, как мне путь преградили несколько полицейских машин.

Твою мать! Только этого не хватало... Ведь во «внутреннем же уставе» самолично прописала, что чужие проблемы – не мои проблемы. Просто нужно было пройти мимо, и все!

– Девушка, минуточку... Постойте, – парни в форме явно обращались ко мне.

Ну все, плакали моя чашка чая и удобная кровать в ближайшее время!

И кто меня дернул помогать этой девке!

– Папа, это она! – услышала я уже знакомый голос за спиной и, закатив глаза, остановилась.

Отец с дочерью меня все-таки нагнали, и папаша девчонки ткнул какой-то ксивой в нос полицейским.

– Спасибо, парни, что быстро приехали. Эта девушка пойдет со мной. А вы займитесь поиском подонка. Отследите по камерам, загляните под каждый куст, перетряхните каждого вонючего бомжа, но найдите его! Тома, сказала, что он – молодой, чернявый, среднего роста, шрам свежий над бровью. Это все, что она смогла разглядеть. Как одет был – в панике не запомнила... Но и этого достаточно много! – произнес отец.

– А вы сможете что-то добавить? – уставился на меня папаша, сверля взглядом.

Было видно, что он не надеялся получить дополнительную информацию – скорее, задал свой вопрос для проформы.

– Рост – примерно 170 сантиметров, казах, черные джинсы, куртка-хаки, коричневые ботинки, левая мочка уха полностью отсутствует, татуировка из пяти точек на правом указательном пальце, и, полагаю, что недавно курил марихуану, – произнесла я и указала на север. – Главное, он после купания в луже – мокрый насквозь. Побегал – туда, думаю, лучше поторопиться.

Мужчины переглянулись в немом недоумении.

– Тома сказала, что вы лихо его обезвредили... – первым обрел дар речи отец девушки. – Занимаетесь какой-то борьбой? – спросил он, прищурился глазами, и щелкнул пальцами парням-полицейским, чтобы те наконец, закрыв рты, поспешили ловить грабителя.

– Нет, – коротко ответила я.

Полицейские успели подняться по каменной лестнице, ведущей к площади, в то время как отец Тома все никак не мог понять: с какой стати я вступила в схватку с преступником. Он, ни капли не стесняясь, разглядывал меня, но понимание на его лице не проступало.

– Папа, эта девушка спасла мне жизнь и бабушкины драгоценности, между прочим, полагаю, что она не заслуживает допроса посреди улицы.

– Конечно, простите, – пробурчал он. – Просто – эмоции... Сложно прийти в себя, когда такое происходит с твоим ребенком.

– Понимаю, – кивнула я. – Но позвольте, я пойду, мне хотелось бы скорее попасть домой и отдохнуть. Я сообщила все, что заметила, больше добавить нечего.

– Нет, нет, – запротестовала девица, взяв меня под руку, но, наткнувшись на мой твердый взгляд, тут же отпустила и повисла на руке отца.

– Позвольте пригласить вас к нам домой на чашку чая. Обещаю, что не стану докучать вопросами об инциденте, к тому же признаю: информации о нем вы действительно сообщили много, – произнес мужчина.

– Кто вы? – напрямую спросила я, кивнув на нагрудный карман, в который несколько минут назад он убрал свое удостоверение.

– Солодов Вадим Максимович – военная прокуратура, – представился он.

Военная прокуратура...

Хм, а этот человек может оказаться полезным...

– Хорошо, можно и чай, но только не долго, – приветливо отозвалась я.

– Тома, набери матери. Ничего не рассказывай, просто пусть накроет на стол, – распорядился отец, пропуская меня вперед.

– Хорошо, – весело отозвалась девушка, и все направились к дому.

Дверь распахнула женщина средних лет с черным «конским» хвостом на голове и зеленым лицом. Полагаю, что это была маска из авокадо или киви.

– Ва-адим... – растерянно произнесла она, увидев зареванное лицо дочери, встревоженного мужа и незнакомую девицу за их спинами.

– Все в порядке, Любаш. Ты что, не предупредила мать, что у нас будут гости? – мужчина бросил взгляд на дочь.

– Нет, ты же сам сказал – ничего не говори.

– Что не говори? – нахмурилась мать. – Кто-нибудь объяснит мне, что происходит?

– Конечно, – отозвался глава семейства. – На Тамару напали около нашего дома, но все уже позади. Надеюсь, ты заварила чай?

– Напали!? – всплеснула руками женщина и бросилась к дочери.

– Мам, все в порядке, я не пострадала. Эта девушка меня спасла.

– Мы, кстати, не успели познакомиться. Как ваше имя? – спросил прокурор, или кто он там...

– Меня зовут Тая, – произнесла я, переступив порог вслед за всеми.

Консолидация планов на будущее впервые заставила меня назвать хоть и неполное, но настоящее имя чужим людям.

– Вадим, ты объяснишь мне?..

– Я же сказал, что все – под контролем. Его уже ловят.

– Тома, детка, ну ты хоть расскажи, – взволновано произнесла мать, прижав девчонку к себе.

«Наверное, меня так же прижимала бы мать, узнай она о подобном и будь живой...», – подумала я.

– На самом деле, мам, это было ужасно. Я приехала из универа, припарковалась, как обычно, с той стороны дома и пошла через нашу арку. Примерно на середине кто-то грубо схватил меня сзади и зажал рот рукой, пытаюсь отобрать сумку. Я вцепилась и не отдавала, он, видимо, услышал, что кто-то идет, протащил меня по арке, швырнул за угол и прижал к стене – в этот момент и появилась Тая! – радостно проговорила девушка последние слова.

– Но ты с ума сошла! – воскликнула мать. – Надо было отдать ему сумку! Кто же держится за вещи в такой ситуации...

– Да отдала бы, – сокрушенно вздохнула дочь. – Но если помнишь... Ты сегодня просила меня забрать от ювелира бабушкины серьги и кольцо после реставрации, – она опустила голову, и по ее щеке прокатилась слеза. – А я ведь знаю, как они для тебя памятны.

– Детка! – закрыв лицо ладонями мать зарыдала и скрылась в коридоре.

– Прошу прощения... – произнес Вадим Максимович. – Вы раздевайтесь и проходите. Тома, веди гостью к столу, – он ушел следом за женой.

– Проходите, – Тома сбросила свое пальто прямо на пол и прошла на кухню, я последовала за ней.

Там мы уселись за накрытый круглый стол – с пирогом и блюдами, полными печенья и конфет, – а спустя несколько минут к нам присоединились родители девушки.

– Может, вы голодны? – обратилась ко мне мать Тома. – Я приготовлю ужин.

– Нет, благодарю, – с улыбкой ответила я, желая поскорее оказаться дома, но прежде обзаведясь нужным контактом с военной прокуратурой.

– Итак, Тая, давайте знакомиться, – произнес глава семьи.

– Так ведь уже вроде знакомы... – приподняв чашку, чтобы вытащить из-под нее блюдце для пирога, заметила, как все уставились на мою искалеченную руку с отсутствующим мизинцем.

Я привыкла к подобной реакции – люди всегда не без интереса главели на меня. Благо, это было не часто, я жила скрытно, оставаясь в тени и воздерживаясь от лишних контактов с людьми.

– Чем вы занимаетесь? – странно было бы ожидать другой вопрос от военного прокурора после увиденного.

– Да, чем? Ужасно интересно, – игриво пожала плечами Тома, сморщив носик.

Кажется, домашние стены начали приводить ее в чувство...

– Работаю с бездомными собаками в приюте. Производственная травма, – бросив взгляд на руку, ответила я.

– О-о, – мама приложила руку к губам. – Это ужасно...

– Да, было неприятно. И вспоминать, если честно, не хочется, – весело отозвалась я, давая понять, что тема закрыта.

– А где так круто научились бить подонков? – Тома задала вопрос и, не дав мне ответить на него, тут же затараторила. – Пап, мам, вы себе не представляете! Тая так круто его отделала, как в каком-нибудь нереальном боевике. Я глазам своим не поверила. Этот засранец, вероятно, тоже был ошарашен, он даже не попытался дернуться.

– Э-э... Я просто догнала и сбила его с ног, – спеша прервать ненужную многословность девушки, я пожала плечами и встретилась с пронизательным взглядом ее отца.

– Вот значит как? – поджал он губы. – И где вы так научились нейтрализовывать обидчиков?

За столом повисла пауза – вся семья уставилась на меня в ожидании ответа.

– Да-а... Это у меня с детства, – беспечно протянула я. – Была жутким сорванцом, дружила только с парнями, они и научили.

– Знаете еще какие-то приемы? – поинтересовался отец.

– Нет, что вы, – отмахнулась я. – Только мастерски ставить подножки, – и, запихнув кусок пирога в рот, отвела взгляд в надежде, что меня перестанут расспрашивать с набитым ртом.

– Но это была вовсе не подножка! – с восхищением в глазах воскликнула девушка. – Тая, как Джеймс Бонд долбанула его ногой в спину прямо на бегу, да так, что парень улетел ого-го!
«Да чтоб тебя! – зыркнула я на девуку. – Неугомонная болтушка!»

– Тебе показалось, – смерив ее взглядом, буркнула я, продолжая жевать пирог.

– Вовсе нет! – не унималась она.

– Тебе показалось, – настаивала я. – Со страху привиделось, я просто подсекла его, и он улетел вперед. Вот и все.

Я перевела взгляд на отца – он с интересом разглядывал меня. А мама, подставив руки под подбородок, не сводила любящих глаз с дочери.

– Ладно, в любом случае все живы и здоровы, – слегка хлопнула в ладоши мать. – Спасибо Тае. Вы, кстати, как здесь оказались? Живете недалеко?

– Да, в паре кварталов, однако часто хожу пешком. Полезно, – надеюсь, что моя выведенная улыбка была похожа на искреннюю.

– Как нам повезло! Как нам повезло! – запричитала мама. – Ведь не окажись вы рядом – страшно и подумать...

– Ну все, хватит, – прервал ее отец. – Теперь будешь целую вечность «обсасывать» это событие.

– Вадим! – с недоумением уставилась женщина на мужа. – Ты сам подумай... Сейчас такое время – люди пройдут мимо, посчитав это не своей проблемой, и все. Мужчины-то не всегда готовы прийти на помощь. А тут девушка не побоялась вступить в схватку. Считаю, что это достойно награды!

– Да-да! – аккуратно заплотировала Тома, и отец улыбнулся.

– Простите... – я поднялась из-за стола. – Мне пора.

– Но нет, Тая! Прошу, еще пять минуточек... – умоляюще посмотрела девушка, заставив меня опуститься на стул.

– Вы сегодня спасли не только самое важное для нас – жизнь нашей дочери, но и бабушкины драгоценности. Томочка забрала сегодня у ювелира украшения, которые мы отдавали на реставрацию, они, надо сказать – страшно дорогие, но дело даже не в их стоимости – это семейная реликвия, – добавила мать Тамары.

– Извините, я должен сделать срочный звонок, – поднялся из-за стола отец.

Я старалась «участвовать» в продолжившейся беседе за столом, но мой слух был устремлен в коридор, где Вадим Максимович делал срочный звонок. Мои переживания оказались напрасными – он позвонил, чтобы направить людей в ювелирную мастерскую, ту самую, куда семья сдавала на реставрацию драгоценности.

«Все верно, мужик, – мелькнула мысль. – Это нужно было сделать в первую очередь. Может, конечно, налетчик просто хотел рвануть у девчонки сумку в надежде на дорогой айфон и немного бабла, а может, и нет...»

Отец вернулся за стол, положив рядом с моей чашкой конверт.

– Что это? – уставилась я, разыгрывая полного профана.

Безусловно, в конверте были деньги, я это понимала, и, судя по толщине конверта, их было немало.

– Награда за вашу смелость, – серьезно произнес мужчина.

Я поднялась из-за стола и с покорной улыбкой соврала:

– Не нужно, это доставило мне удовольствие. Я вспомнила детство.

– Да бросьте, – не сдавался он, оглядев мой поношенный свитер. – Если не вам, тогда, позвольте – мы приюту пожертвуем. В каком именно вы работаете?

– А-а... – замешкалась на секунду я, выдавив улыбку. – Вот приюту – можно. Приюту – это хорошо... Только деньгами не надо, знаете, как это бывает... Пойдут не по назначению вдруг... Лучше я завтра гляну, что нам нужно для питомцев и скажу... Корм, скорее всего, опилки, доски для вольеров... И вы это купите. Пойдет?

– Пойдет, – хмыкнул отец и черкнул мне свой номер. – Тогда звоните, как составите список.

– Отлично! – засияла я, поспешив распрощаться с гостеприимной семьей.

Глава 2

Я прожила две жизни – одна была очень короткой, но вполне счастливой...

Мало что помню из нее, но там точно хранились мечты, пропитанные радостью.

Вторую проживаю сейчас, и началась она с бегства...

Я – стоик. Вынужденно им стать – распорядилась жизнь много лет назад, абсолютно не поинтересовавшись, что думаю я на этот счет и какие у меня планы. Принять с покорностью судьбу, не сломаться и выстоять помогли долгие годы медитации и трудный путь самопознания вдали от мира людей – на заснеженных вершинах Тибета.

В попытке избавиться от тревог и волнений я перекраивала бесчисленное количество раз полотно своей души, вымачивала его в горных источниках и молитвах. Раз за разом разбирала и собирала себя заново, проходила через полосу саморазрушения, испытывая боль, отчаянье, осознанно ломая свое естество, пока не научилась дышать в унисон с потоками природы и не приняла окончательно себя в этом мире. Вот такой была цена моего становления.

Дзен – вот что дало силу, подобную магическому эликсиру, введенному в мои болезненно пульсирующие горем и отчаяньем протоки, с одной единственной целью – навсегда запломбировать в них воспоминания прошлого.

Словно беззащитный щенок, в одночасье выброшенный из теплого уютного дома в промозглую подворотню, я вынуждена была моментально усвоить правила этого мира, чтобы выжить.

Я выжила и не сдалась, превратившись во взрослую особь, виртуозно меняющую правила жизни под себя, если того требуют обстоятельства. В моих венах течет обычная красная кровь, мне, как и всем, знакомо чувство жажды, холода и головной боли, я имею по пять пальцев на ногах и тридцать два зуба за губами, которые редко растягиваются в улыбке. Но есть во мне и то, что отличает от обычных людей...

За долгие годы пестрых размышлений я так и не нашла ответ на не дающий мне покоя вопрос: проклятье это или вознаграждение.

В свой мир я никого не допускаю, и все чаще он напоминает мне крохотный отель-капсулу, в котором есть место только для одного.

Вставать у меня на пути – крайне опасно: подобно трюмам, заполненным соленой водой в затонувшем океанском лайнере, я наполнена – бесстрашием. У меня нет ни имени, ни прошлого: я – эфемерная субстанция, человек без лица, я практически не существую. И все чаще мне кажется, что я – бездушный призрак, я – затерявшийся пилигрим, обреченный на скитания по этому безумному миру.

Мое бесстрашие вполне объяснимо – это следствие давно укоренившегося внутри меня безразличия не только к смерти, но и к благам жизни, к маячащей на горизонте неизвестности и пронизывающей невозмутимости от происходящего вокруг. Губительная для человеческой души невозможность прочувствовать то, что привыкли ощущать и пропускать через свое сердце большинство людей, засела внутри меня и заковала, словно пленника, в кандалы.

Рамки моего мира раздвинуты ровно настолько – насколько это необходимо. Я не живу шаблонами и чужим мнением, не маркирую людей ярлыками, не измеряю статусами: генерал может оказаться последним мерзавцем, а рядовой – отдать за тебя жизнь. У меня свой собственный принцип ценностей. Ветхие показатели – «уже поздно» или «еще рано» для меня не существуют. Я живу в глубинах своего мира, но легко поднимаюсь на поверхность, мгновенно адаптируюсь к любым обстоятельствам. Не имею пристрастий: еда – чтобы есть, вода – чтобы пить. И то и другое вижу лишь как вынужденную составляющую для поддержания жизни – не более.

У меня нет близких, нет дома, нет друзей, нет привязанностей и слабостей, которыми обычно дорожат люди. Я – ярко выраженный интроверт, мне комфортнее в собственном вакууме. Шумные вечеринки и праздники для меня не существуют – это пустое. Рождественская ночь в моей жизни подобна десяткам других – серых и унылых среди зимы. Я не люблю суматоху, скопления людей и массовые гулянья. Дни рождения проходят незаметно. Мне не понять, для чего люди придумали все эти торжества и веселья.

Возможно, это и есть причина тому, почему я принципиально не замечаю счастливых лиц, ярких витрин и калейдоскопа разноцветных огней.

Удивить или разжалобить меня – нелегко. Детский смех или мужские слезы – это всего лишь психофизиологические чувства людей. Мне чуждо разделить с кем-то радость или почувствовать горю. Внушить страх или заставить любить – не стоит и пытаться. Мои мысли и чувства никогда не выходят из-под контроля. А в приоритете – только свобода.

Шантажировать или давить на меня бесполезно – болевые точки, вынуждающие играть по чьим-то правилам против собственной воли, у меня отсутствуют. Ведь у меня нечего отнять.

Я, подобно зашоренной лошади, двигаюсь вперед, напролом к финишу, к моей главной цели, не обращая внимания на трудности и приоткрывая дверь в свой мир лишь тем, кто может помочь мне скорее приблизиться к заветной мечте. Остальное, как ненужный сор, безжалостно отметаю в сторону.

Такой подход делает меня независимой перед обстоятельствами и людьми. Уязвимость – вот что не хотелось бы испытать в жизни. Позволить себе быть к чему-то привязанной, в кого-то влюбленной, кем-то дорожить – не по мне. Обрастать ненужным грузом – это лишнее, я двигаюсь по жизни легко и порой сама не знаю, где окажусь завтра.

Так что моя жизнь – это, пожалуй, единственное, чем я обладаю в полной мере. Но и ей не дорожу настолько, чтобы это могло заставить в трудный час сложить оружие к ногам моего врага. Я предпочту хрипеть в предсмертной агонии – если такое случится! – но увидеть, как истекает кровью тело чудовища в человеческом обличье. Конечно, я не спешу умереть, но и не хватаюсь за жизнь, как хватаются многие.

Думаю, что именно такие люди, как я – своеобразный концентрат недремлющего безрассудства – опаснее самого дьявола.

* * *

После многолетней жизни в молитвах и медитациях на «крыше мира», окутанной тайной и почти недоступной за пределами высокогорных территорий, для меня стало очевидным – несмотря на удовлетворение от каждого прожитого здесь дня, я не гожусь для вечной жизни в монастыре.

Я – не искатель божественной красоты. Я не чувствую вкус каждого слова молитвы. Меня не волнует неизбежность круговорота Сансары с бесконечным перевоплощением душ и не тревожит отсутствие просветления...

Словно с самого начала мне был уготован иной путь – возможно, тот, где придется бежать по раскаленным ступеням презрения и срывать лики прошлого с обшарпанных стен в переулках жестокости. Где придется до беспамьятства напиваться теплым грогом в обществе обворожительной мести, а просыпаться на рассвете в объятиях фригидного коварства. Тот путь, где тайком с черного хода, на ощупь смогу пробираться в логово безрассудства и украдкой от всех варить бульон охрипшему хладнокровию – напевая под нос романсы и пританцовывая с одинокими звездами.

Не знаю, что меня ждет впереди, но одно знаю наверняка – я готова плыть по огненной лаве бесчинства и ярости, принимать джакузи со зловонным тщедушием и заплетать тугие косы алчности, если только все это приведет меня к цели. Если, в конце концов, я смогу на финише безумного марафона обручиться со справедливостью и принести сердца своих врагов кладбищенским псам.

Подобные картины в моем воображении начали возникать после ужасающих событий, свидетелем которых я стала в глубоком детстве. Каждый раз при острых всполохах прошлого в груди начиналась резня, остановить которую было невозможно, где-то внутри – меня кромсали огромными ятаганами, и кровоточащие раны превращались в гемофилийные источники бесконечных страданий.

Боль, рвущаяся наружу сквозь сдерживающие тиски разума, и желание отомстить были настолько сильны, что их концентрат сбился в твердь и приобрел практически осязаемую форму в виде большого мохнатого волкодава, бегущего от меня с бешеной скоростью и исчезающего в последний момент. Изловить его – стало навязчивой целью.

И я готова перевернуть мир вверх дном, заглянуть под каждый континент и пропустить через сито океаны, лишь бы найти человека, уничтожившего мою жизнь и отнявшего все.

Полагаю, именно по этой причине изучение философии, ремесленные работы, ежедневные медитации, ретриты и ковроткачество среди доброжелательных монахинь в словно застывшей под облаками жизни так и не отозвались покоем в моем сердце за долгие годы. Я признавала, что подобная жизнь для меня была вовсе не тем волшебным светом, за которым стремилась лететь смиренно душа до конца дней – я обязана была двигаться вперед.

И однажды мне пришлось навсегда вычеркнуть монастырь как место вечного пребывания. Потому что чем старше я становилась – тем более жестокие картины сопровождали меня повсеместно, и я чувствовала, что не вправе больше оставаться здесь, среди чистых помыслов и взглядов людей. Здесь мне было не место.

В последнее время почти каждый день что-то пинало, кололо и дробило меня изнутри, словно тысячи маленьких демонов, разгуливающих по телу, вооружившись копьями, луками и огневой смесью, затевали войну. Они беспорядочно стреляли и пытались выкурить меня с насиженного места, вопя на разные голоса: «Отправляйся в путь! Найди его! Уничтожь!» Я пыталась отыскать и обезглавить их лидера, чтобы вернуть власть испуганно удравшему здравомыслию, но они все время искусно прятали от меня этого заводилу.

Я до последнего сопротивлялась и боролась с искушением: пыталась пресечь пламя, выжигающее мне душу, принять красоту размеренной жизни обители, свыкнуться и полюбить окружающий мир, пропитаться духовной дисциплиной, но у меня не получилось. Даже частое уединенное созерцание, обычно дарующее покой и гармонию – не принесло мне ощущение полноты счастья за все эти годы. Наоборот – чувство бесплодного путешествия, длиною в десятилетие, все чаще и чаще навевалось в мои покои и омрачало сознание день за днем, пока я не сдалась, поняв окончательно, что на этом мой путь в обители завершен.

Но отрицать очевидный факт благотворного влияния обретенных здесь навыков я была не вправе – все они оказались бесценны.

Все, что я вдыхала, впитывала, вкушала, изучала, видела, делала и слышала – безусловно, легло в основу моего мировоззрения, сложив нужный и прочный костяк на будущее.

К тому же – много лет назад – у меня не было выбора. Лео передал меня – совсем крохотную – монахиням с рук на руки и был чертовски прав в этом действии. Подобная жизнь на тот момент была мне необходима как воздух, чтобы обрести силы, отрастить вновь отрубленные крылья и если не стереть, то хотя бы приглушить те воспоминания и вызванные ими страдания, кишачие в отравленном детском сознании...

Почему меня приняли здесь – в Южном Тибете, в краю, чью территорию оспаривали между собой Китай и Индия, куда иностранным туристам предоставлялся въезд строго по пропускам – остается загадкой...

Смею предположить, что деньги и связи Лео сыграли здесь не последнюю роль. Вероятно, он и поддерживал монастырь финансово, и имел своеобразное политическое давление на его руководство.

О масштабах влияния этого человека на «межконтинентальных полустанках бытия» можно было лишь догадываться. В услугах Лео нуждались многие: от глав государств, с постоянно-нестабильной ситуацией, до бандитских формирований и оппозиционеров. Он торговал железной смертью, если сказать прямо – оружием. Ядра, на которых, подобно Мюнхгаузену, восседал Лео, размахивая долларами, то и дело хаотично носились в пространстве, испещряя его витиеватыми маршрутами порока.

Оказавшись в женском монастыре Лапсан Гри, я вмиг пропиталась его уставом и влилась в общину, несмотря на то что была совсем крохой.

Здесь все жили в едином ритме, обязанности распределялись равномерно в соответствии с силами и возможностями монахинь и послушниц. Старшая монахиня – Самдинг – временно взяла на себя долженствование по управлению обители, пока настоятельница монастыря вот уже как три года пребывала в уединенном затворничестве.

С первого дня я погрузилась в другую, неизвестную доселе для меня жизнь...

Монастырь просыпался в половине четвертого утра, а в половине пятого – уже начиналась утренняя служба. В промежутке нужно было успеть многое: позаботиться о воде для обители и накормить коз – источник молока для монастыря. Поскольку своей системы водоснабжения монастырь не имел, то ее приходилось таскать ведрами в пологую гору, которую монахини почему-то называли «Длинной».

Я помню, как в день моего появления в монастыре к нам с Лео подошла пожилая женщина, наклонилась ко мне и, взяв за руку, тихо сказала:

– Меня здесь все зовут Аклим, но ты можешь звать меня матушкой Аглаей. Ничего не бойся. Сейчас мы решим, где ты будешь жить... – она поговорила с Лео, затем подошла к Самдинг и снова вернулась к нам. – Ну, вот все и решено... Давай возьмем твои вещи, и я покажу тебе, где наша комната...

Так в моей жизни появилась Аклим-Аглая. Все, включая Лео, звали ее Аклим, но в наших вечерних «разговорах» она как бы невзначай обязательно напоминала, что только у меня есть привилегия называть ее не так, как зовут другие.

В тот момент я даже не догадывалась о том, какую важную роль в моей дальнейшей жизни сыграет эта женщина...

Утопая в своем горе, я не замечала: день за окном или ночь, дождливо или солнечно, кто находится рядом – для меня это не имело никакого значения. Каждая встреча в нашей жизни – не случайна, вот и эту женщину, чье имя в переводе с арабского означало «светлая умом», послал мне Всевышний.

Аклим действительно была по-житейски мудра. Я часто наблюдала, как многие монахини приходили к ней за советом. Но ее просветленное сознание не ограничивалось лишь жизненной мудростью. Она хорошо знала историю и литературу, владела несколькими языками, а главное – русским. Позднее выяснилось, что она к тому же прекрасный педагог, сумевший все свои знания ненавязчиво передать мне. Формы нашего с ней общения – игра, беседа, совместная работа или прогулка – всегда давали мне возможность узнать что-то новое. Благодаря ей я научилась читать и писать, начала разбираться в математике, физике, астрономии.

Полагаю, что именно это сыграло важную роль в моем развитии и не дало окончательно тронуться умом от перенесенного ужаса. Матушка Аглая удерживала меня на плаву постоянными разговорами, не давая пойти на дно тяжелым камнем скорби. Сейчас я понимаю, насколько было важным для меня в тот момент общение – пусть даже и в одностороннем порядке. Сама я не проронила и слова на протяжении долгих месяцев, но Аглая спасла меня тогда от безумия или полной деградации, не дав угаснуть искоркам мысли в моей голове.

Она говорила со мной при любом удобном моменте, все время будоражила меня вопросами, не требующими немедленного ответа, но заставлявшими думать. Вечерами она рассказывала мне, как прошел день, почему какие-то дела делали именно сегодня, какие новости

долетели до монастыря из окрестных деревень или из мира. Перед сном матушка Аглая обязательно рассказывала мне какую-нибудь сказку – она знала их во множестве. Ее негромкий голос журчал, как лесной ручеек, постепенно обволакивая меня и уводя все дальше от границы бодрствования и сна. Хуже было утром, когда она здоровалась со мной, расспрашивала, хорошо ли я спала, какие сны прилетали ко мне, а я только кивала или отрицательно мотала головой, в лучшем случае позволяя себе на мгновение прижаться к ней.

Она не обижалась и не торопила меня. Называла Аглая меня почти всегда Таюшкой и иногда – «девочка моя».

В первое время весь мой быт в монастыре организовывался и контролировался ею: что я буду носить в холода, какая еда нужна на период привыкания к тибетской пище, что нужно для моего интеллектуального развития...

Все эти вопросы обсуждались с Лео, при этом позже мне казалось, что его роль сводилась в основном только к приобретению и доставке. Он всецело доверял матушке принимать решения по всем вопросам, касающимся моего «монастырского заточения».

Было понятно, что матушка Аглая в курсе случившейся трагедии, при этом, насколько я поняла, информация была доведена до нее достаточно полно. А вот обсуждения этой информации с другими монахинями – как это часто водится у пожилых людей – матушка Аглая себе не позволяла.

Единственный вопрос, по которому у нас с ней не было согласия – это вопрос отношения к Богу. Лео, конечно, рассказал ей, и что я считаю Бога виновным в случившемся с моей семьей, и как я сорвала с шеи и бросила на палубу свой нательный крест...

– Господь уготовил для тебя испытания, девочка моя, но это закалит тебя и придаст силы. Ты не думай, что он отвернулся от тебя – он смотрит в оба глаза, – как-то сказала мне Аглая, перебирая своими длинными пальцами старые затертые четки.

От ее слов я болезненно морщилась – в моем сердце на тот момент больше не было Бога. Для меня было предательством продолжать верить тому, кто не уберег моих родных.

Мама часто беседовала со мной о Боге, много молилась сама и приобщала к вере меня воскресными походами в храм...

И чем он ответил ей?

Нет, Бога не существует – я это точно знаю...

Все больше я начинала верить в силу мести и знала, что однажды час расплаты придет. Поэтому, лишь только матушка заводила разговор о Боге, я закрывала уши ладошками. Я понимала, что этим очень расстраиваю ее, но изменить свои взгляды в то время для меня было невозможным.

– Господи, прости ей прегрешения ее, ибо не ведает, что творит, – крестясь, говорила она и крестила меня.

С первых дней мне поручили ухаживать за козами, видимо, полагая, что общение с животными должно было послужить своеобразной терапией для искалеченной детской души. А может потому, что в силу своего юного возраста и крохотного размера я больше ни для чего не годилась монастырю. Но козы не вылечили меня – я продолжала молчать и сторонилась любого общения с монахинями, кроме матушки. С ней я общалась по-прежнему жестами и кивками головы.

Я не стремилась заводить себе друзей или к кому-то привязываться, хотя Самдинг пыталась сдружить меня с двумя девочками. Но меня это скорее тяготило, чем я в этом нуждалась...

Мой интерес все больше и больше вызывала семья местного могильщика или рогьяпа, как принято называть людей этой профессии в Тибете. Я часто сбегала после выполнения монастырских обязанностей и службы в «Город молитвенных флажков». Площадка для погребения тел находилась в окрестностях монастыря, и хотя я ни разу не заставала «небесные похороны» воочию, все равно, приближаясь каждый раз к территории флажков, замедляла шаг, зная, что

здесь происходит зрелище не из приятных. Но прятаться от этого или убежать было бессмысленно, ведь такой вид погребения являлся основным и распространялся на всей территории проживания тибетцев.

Просто к этому нужно было привыкнуть и принять. Местные жители считали, что человек должен приносить пользу всегда – даже после собственной смерти. И раз душа покидает тело в момент смерти, то его спокойно можно скормить птицам, считая это последней благотворительностью под названием «раздача милости».

Мне везло – на сам ритуал я не попадала, но часто заставляла Норбу, точащим нож или уже умывающимся, а еще чаще – за молитвой с шаманским бубном и какой-то костью во рту, через которую он курил, выдыхая пары кислого дыма.

В такие моменты я тихонечко садилась рядом и просто вглядывалась в горизонт. В то время я все еще не произносила ни слова и не могла Норбу назвать свое имя, поэтому он сам придумал его, назвав меня Лалой.

Мне нравилось приходить к этому человеку по трем причинам...

Первая – он не знал моей истории и не пытался лезть в душу с сочувствием или советами.

Вторая – его улыбчивая жена Ванмо часто лепила с сыновьями вкусные момо, наподобие наших пельменей. Я садилась рядом и уносилась мысленно в детство, на нашу кухню, где мама лепила с Петькой пельмени, а я отщипывала кусочки фарша и кидала под стол нашему коту Леопольду.

Третья – он часто рассказывал о великом мастере боевых искусств Сей-Мане. Сначала я думала, что это – всего лишь легенды или миф, но потом поняла, что мастер действительно существует.

Норбу был родом из Монголии, но уже много лет жил здесь – в Южном Тибете и, к моему счастью, немного знал русский язык.

Вся семья могильщика жила в небольшой юрте, недалеко от восточного крыла монастыря. Двое маленьких сыновей могильщика – Пасан и Чунта – часто играли рядом с жильем в мяч. Они при виде меня бежали к матери сообщить о моем визите, и та заваривала вкусный масляный чай.

Поначалу я не понимала, почему Норбу каждый раз звал сыновей разными именами и только позже перестал это делать. Спустя время я поинтересовалась причинами этого у Аглаи, и она пояснила мне, что существует некое поверье...

Оказывается, раньше в семье Норбу и Ванмо рождались дети, но тут же умирали. Поэтому – чтобы отпугнуть злых духов и защитить от будущих неудач по жизни следующих детей – им давали странные и отталкивающие имена: так Пасан раньше был Кхи-Кьягом, что в переводе с тибетского означало «собачье дерьмо», а Чунта был Та-Кхогом – «лошадиное брюхо».

Странности этой семьи меня вовсе не пугали, наоборот – притягивали. Только одного я никак не могла понять: как Норбу – с виду добрейший человек – может совершать такие чудовищные на мой взгляд вещи!

Ведь могильщик был обязан сделать множество надрезов на теле мертвеца, чтобы затем уступить его птицам. Стервятники поедали всю плоть, а Норбу собирал и дробил оставшиеся кости на специальном плоском камне, чтобы – смешав крошево с ячменной мукой и маслом яка – снова скормить это птицам.

Но однажды я получила ответ на свой вопрос.

В тот день я пришла уже после завершения ритуала и уставилась на окровавленные руки и лицо могильщика. Он сам завел разговор, после чего мне стало проще понимать его.

– Тело должно уничтожаться без следа, малышка. В буддизме считается, что душе так легче найти новое тело, понимаешь? – сказал он, и я кивнула. – Это – моя работа. Каждый должен нести пользу, пока живет. У меня она заключается в этом.

Моя улыбка в ответ на его слова была подтверждением того, что я понимаю – работы бывают разные.

– Каждый хоть раз должен увидеть этот обряд, чтобы почувствовать мимолетность и эфемерность бытия, но тебе – пока рано... – он широко улыбнулся шерботой улыбкой, тронув кончик моего носа. – Пошли пить чай, Лала. Ванмо уже ждет.

Лео навещал меня по несколько раз в год, мы устраивали ежедневные вылазки на пикник, когда он гостил в покоях монастыря. Это был своеобразный наш с ним ретрит.

Я замечала, как каждый раз он с тревогой всматривался в мои глаза с неугасающей надеждой хотя бы на одно мое слово, но я молчала на протяжении года. Молчала с тех самых пор, когда обстоятельства бросили меня в темницу кошмаров, прислав в одночасье страшных сокамерников – жгучую боль, одиночество и гнев – на замену плюшевым медведям и куклам.

Матушка Аглая, что называется, вкладывала в меня всю душу, и в конце концов ее мудрость и упорство взяли верх.

Я отчетливо помню тот день, когда в очередной приезд Лео она подвела меня к нему и, заметив мою нерешительность, тихо подсказала:

– Надо поздороваться...

– Здравствуй, Лео, – так же тихо сказала я.

Он взял меня на руки, уткнулся лицом куда-то в шею и сказал совсем тихо, почти прошептал:

– Здравствуй, Таюшка! Здравствуй, моя родная!

Жизнь полетела дальше...

Не скажу, что мы болтали с утра до вечера, но родной язык я не забыла – Аглая оказалась прекрасным педагогом. Постепенно сказочные истории были вытеснены в наших вечерних беседах историческими обзорами, детальным рассмотрением конкретных исторических ситуаций и их влиянием на развитие определенного государства.

Сначала мне это было совершенно неинтересно, но оказалось, что матушка не только прекрасно знает предмет беседы, но и мастерски умеет донести его до собеседника. Нередко я слушала ее с открытым ртом: исторические персонажи рисовались ею ярко и четко, их крылатые фразы и реплики произносились так, что врезались в память навсегда.

В каждый свой визит Лео привозил несколько плиток шоколада с изюмом, разные ткани и огромное количество книг на русском и других языках. Поначалу это были азбуки, буквари, а позже – различные учебники, художественная литература, каталоги картин известных художников и скульпторов, кроссворды и головоломки.

Лео надеялся, что под патронажем Аглаи я и интеллектуально смогу развиваться на должном уровне и научусь читать, писать, познаю математику, литературу и языки.

Помню, как впервые я сложила из разбросанных картонных кубиков на полу свое первое слово «мама», следуя шаблону в азбуке, и какое потрясение при этом испытала вновь. Матушка, заметив ужас в моих глазах, быстро смекнула в чем дело и убрала от меня азбуку с пресловутыми шаблонами подальше, соображая, как же поступить дальше. Но, на радость Аглаи, я оказалась очень смышленным ребенком, и для меня не составляло труда складывать другие слова, где буквы были разными, а слоги – не повторялись.

Так я стала познавать мир азбуки с животных – лев, конь, лиса и сова стали моими первооткрывателями в мире грамматики. А достижением стал жираф, сложив название которого из кубиков, я сильно удивила монахиню.

– Какая ты молодчина, Таюшка, ты просто умница! – воодушевленно произнесла Аглая. – Господь любит тебя.

Я снова болезненно поморщилась. Мне не нравилось, когда Аклим заводила разговоры о Боге. Эти слова в моей судьбе звучали подобно насмешке.

Я поднялась, чтобы уйти, но она удержала меня за руку.

– Пстой...

Почему она ко мне все время приставала со своим Богом, точнее – с моим?

Ведь никого, кроме нее, в монастыре не тревожило, какой я веры. С первых дней, попав сюда, я ходила вместе со всеми на службу и совместные медитации. И никого не волновало, что у меня может быть другая религия.

Почему же Аклим не переставала мне напоминать о прошлом?

– Тая, веру ты держишь в сердце, а то, чему мы тебя учим здесь – ты держишь в голове.

Ты – русская, и ты должна помнить это, помнить свои корни и веру. Понимаешь?

Я не понимала...

Однажды вместе с новыми книгами Лео привез мне крошечную иконку, но я тут же вернула ее обратно.

Матушка заметила это и вечером в разговоре напомнила:

– Вот ты вернула Лео икону... А ты не подумала, что тем самым очень обидела его? Он не так часто приезжает, чтобы дарить тебе какие-нибудь мелкие безделушки. Каждый его подарок исполнен смысла. Он очень любит тебя и хочет оградить от любых неприятностей и невзгод. Он не может это делать сам каждый день, поэтому хотел подарить тебе икону. Такие иконы у русских принято дарить в основном родным и очень близким людям – тем, кому от всего сердца в жизни желают только добра. Не приняв икону, ты еще и показала, что отворачиваешься от Господа. Это плохо, но поправимо... Страшно, если Господь отвернется от тебя... То, что случилось с твоей семьей – ужасно, но именно тебя он укрыл и защитил. И это значит – именно ты выбрана Всевышним, ты нужна ему для чего-то, что откроется тебе позже. Он будет внимательно наблюдать за тобой. Не спеши отречься от его помощи и поддержки...

Для меня эти ее слова стали открытием...

Она никогда не заговаривала о трагедии моей семьи. Значит, Лео действительно все ей рассказал, и она столько времени молчала?

В этот вечер я долго не могла уснуть – мысли о Боге, о семье, обо мне переплелись в какой-то клубок, который я никак не могла размотать...

Получается: если Бог меня сберег тогда, значит, что ему теперь известно о двух моих самых сокровенных желаниях, и выходит, что он меня поддерживает в этом...

Надо будет поговорить с матушкой при удобном случае...

Я забралась с головой под одеяло и тихим шепотом неумело помолилась Богу. Я просила его обратить внимание на одного человека и помочь ему в жизни. Я убеждала Господа, что он очень хороший и никогда не делал ничего плохого, его все любили, а я очень люблю до сих пор, просто сейчас не могу заботиться о нем и защищать. Я обещала, что когда вырасту, всегда буду помогать ему во всем, а если он захочет – возьму к себе жить. Пусть только Бог сейчас его не оставляет и немножечко присмотрит за ним.

Этот шепот ребенка, эти бесхитростные слова должны были с грохотом пролететь через Вселенную и найти адресата, где бы он ни был и чем бы ни был занят. У меня – я очень надеялась на это! – остался единственный родной человек на земле...

Я молилась о своем младшем брате...

Лео все привозил и привозил книги. Иногда в монастырь поступали книги и без его приездов – он присылал их в таком количестве, что, спустя время, пришлось оборудовать специально комнату под «русскую» библиотеку.

В монастыре и без того была сформирована целостная и уникальная по богатству и многообразию используемых методов система образования. Но Лео в каждый приезд проводил со мной беседы, в ходе которых пытался понять, что конкретно я учила в его отсутствие и как все это усвоила. Чем дальше – тем чаще ловила его удивленные взгляды, тем больше проверочных вопросов он задавал.

Я не придавала значения его удивлению – учеба давалась мне легко, Аглая как учитель мне очень нравилась, и у Лео не было никаких замечаний. Только один раз он обратился с просьбой к матушке включить в программу наших занятий танцы и уроки этикета.

Она улыбнулась и, приобняв меня, заверила, что с осени мы этим обязательно займемся...

Позже, когда я чуть подросла, Лео считал необходимым держать меня в курсе мировых новостей, привозил кучу разных журналов и зачастую сам с наслаждением читал мне увлекательные рассказы. В основном, конечно, о животных или выдержки из Библии, не подозревая, что мне интересно совсем иное чтение – о сражениях, о холодном оружии и боевых искусствах. Но сказать ему об этом я пока не решалась, да и, возможно, не имела права.

Я не понимала, на что надеялся Лео, вычитывая мне главы из Ветхого Завета. Полагаю, он должен был видеть, что веру в Бога я потеряла в тот миг, когда смерть не понарошку – как это бывает в играх – забрала жизни близких мне людей. Ведь это же он подобрал крестик, который я сорвала со своей шеи и с отвращением швырнула на ржавый пол траулера, увозящего меня из России...

Это был тот момент, когда на смену первостепенному страху и удушливому опустошению приходит осознание – так теперь будет всегда: время – не повернуть вспять, события – не изменить, близких – никогда не обнять...

Тогда, на траулере, Лео утащил меня в небольшую каюту, в которой почему-то пахло лошадью и молоком, укутал в одеяло и долго отпаивал чаем. Он что-то говорил мне, гладил по голове, но я его не слышала – только удары своего сердца и звенящую, оглушающую тишину. Казалось, что чьи-то невидимые руки вгрызались мне под дых и вскрывали грудную клетку. Я почти физически ощущала эту невыносимую, режущую боль и мечтала лишь об одном – чтобы какая-нибудь волшебная сила раздробила меня на тысячу маленьких кусочков и раскидала их далеко-далеко друг от друга.

Лео так и уснул, обнимая руками кокон из толстого одеяла, внутри которого была я – бесцельно смотрящая в огромный иллюминатор...

Когда берег скрылся из виду и тьма окутала все пространство, я аккуратно выбралась из кокона, и, чтобы не разбудить Лео, на цыпочках вышла из каюты...

Стояла почти безветренная ночь – ни звука, ни движения. Только чуть вибрировала палуба от работы двигателей, да с тихим шелестом торопились умчаться в окружающую темноту рожденные носом судна волны. Все небо было усыпано звездами, некоторые из них игриво подмигивали мне, а другие – внезапно отрывались от синего полотна и летели к Земле. Было интересно понять: что испытывали они, разлучаясь со своим домом и устремляясь в пустую и холодную бездну?

Пройдя в заднюю часть судна, я перебралась через блестящее металлическое ограждение и уткнулась лбом в точно такое же. Просунув голову между холодных перил, посмотрела вниз, где были еле заметны отблески воды в лучах дежурного освещения корабля и откуда шел отрезвляющий запах океана.

А что, если и мне сейчас полететь вниз, как звезды? Что там?

Вдруг встречу на пути мамочку и папочку?

Внезапно мне вспомнился наш последний с мамой поход в храм...

Это было за три дня до того, как неизвестное «чудовище» посетило наш дом.

– Тая, Боженька любит нас. И тебя, и меня, и папу, и Петьку с Антошкой. Он никогда нас не оставит и всегда защитит. Ты, главное, верь в это, – опуская мне на язык кусочек вкусной просфоры, заверила тогда мама.

Верить в это?

Мой подбородок задрожал...

– Мамочка, – шептала я одними губами.

В какой-то момент показалось, что я видела ее рядом с собой. Она сидела на выцветшей бледно-желтой бочке, болтала в воздухе ногами и улыбалась, как бы говоря: «Иди сюда, моя радость, – мама манила меня рукой к себе, подальше от края судна. – Иди сюда, моя малышка...»

– Мамочка, – я рванулась к ней, мечтая упасть в нежные объятия. – Мамочка, мне страшно.

Но, споткнувшись обо что-то на палубе, я пролетела по холодному настилу, больно ударившись головой о какой-то чудовищный крюк и ободрав в кровь нос и ладони. Приподняв голову, я медленно огляделась – мамы нигде не было. Быстро вскочив, обежала крюк.

Может, мама спряталась за ним?

Заглянула за бочку, пошарила руками в сложенном змейкой промасленном канате и несколько раз обошла какой-то механизм, но меня окружала лишь та же темнота.

Тогда впервые я по-настоящему испугалась, еще никогда мне не было так страшно...

– Почему? – упав на колени и задохнувшись от отчаянья, прокричала я в угрюмые небеса что было сил в моем крохотном теле. – По-че-му? – содрогнувшись в спазмах, повторила еле слышно и, прислонившись щекой к ледяной стенке надстройки, сползла на пол, утопая в слезах.

Но никто не отозвался мне: кроме эха, отразившегося от стенок надстройки, мерно покачивающегося на ходу судна, я ничего не услышала.

Обхватив колени руками, я свернулась калачиком от страха, опустив голову на бухту каната. И плакала до тех пор, пока не кончились слезы.

В такой позе и обнаружил меня Лео тогда на рассвете...

Обнимая его за шею, я произнесла единственную фразу:

– Я найду его...

Слова прозвучали совсем не по-детски, и я до сих пор помню, как Лео тогда содрогнулся...

Это были последние слезы, которые помню – больше я никогда не плакала.

Никогда...

* * *

То ли по сохранившейся привычке за долгий период молчания, то ли по каким-то другим причинам, но когда я вновь отважилась говорить, наше общение с Лео практически не изменилось. По-прежнему чаще говорил он, рассказывал новости, привозил интересные книги, шоколад, только вот – перестал читать вслух.

Я замечала, что моя отчужденность царапает ему сердце, но ничего не могла поделать – разговоры у нас как-то не клеились. Он старался всячески сблизиться, достучаться до меня, растормошить, но я была закрыта не только для него – для всего мира. Правда, в этой глухой стене было одно открытое окошко, и этим окошком была матушка Аглая.

Лео очень обрадовался, когда я обратилась к нему с просьбой на очередной прогулке.

– Лео, я хочу попросить тебя кое о чем...

– Все, что хочешь, малышка, – он остановился, давая понять, что весь во внимании.

– Обещаешь?

– Ну, ты говори...

– Ты же сказал, все, что хочешь... – склонила я голову набок.

– Не хитри, Тая.

– Но это ты так сказал.

– Хорошо, – вздохнул он. – Чего ты задумала?

– Пока ничего. Но хочу, чтобы ты дал мне слово. Пошли, вон там... – указала я на огромный черный валун в ста метрах от нас. – Это Камень правды, так называют его монахи.

– Ну, хорошо, – Лео поджал губы, еле сдерживая смех, но покорно пошел за мной.

- Клади руку вот сюда, – я опустила ладонь на камень, показывая пример. Он изобразил серьезность на своем лице и опустил ладонь рядом с моей.
- Хочу, чтобы ты пообещал мне... – я медлила, боясь, что Лео может отказать.
- Ну что, Тая? – приподнял он мой подбородок в ожидании. – Говори, не тяни.
- Пообещай мне... Никогда-никогда не препятствовать моим желаниям. Лео убрал руку от камня и расхохотался.
- Ну-у... Тогда ты превратишься в избалованного ребенка, – изрек он.
- Не превращусь, – строго заявила я, не желая терять серьезного настроения. – Обещаю, что многого не попрошу.
- Ну, хорошо, – Лео шлепнул ладонью по камню и улыбнулся.
- Нет, не так, – быстрое согласие показалось слишком легкомысленным и каким-то ненастоящим, а я хотела, чтобы Лео осознал, как это важно.
- А как?
- Поклянись, – аккуратно потребовала я, переживая, что он пойдет на попятную.
- Клянусь не препятствовать твоим желаниям. Если только они...
- Стоп! – перебила я. – Давай без оговорок.
- Но Тая, я имел в виду наркотики и все такое...
- Я нахмурилась.
- Обещаю, это никогда.
- Тогда договорились, – Лео провел рукой по моему лысому затылку и притянул к себе.
- Отлично! – шлепнула тоже по камню, аккуратно высвобождаясь из его объятий. – Надеюсь, что с годами ты не забудешь своего обещания.
- Как тут забудешь, – кивнул он на камень и шутливо заметил. – Он будет мне сниться.
- Прекрасно, – протянула ему руку, и Лео, изобразив торжественность на своем лице, слегка пожал мои пальцы. – И все-таки... Что ты задумала? – он пристально посмотрел мне в глаза.
- Ничего особенного. Хочу разыскать своего брата. И наказать того, кто отнял у меня все. Лео остолбенел. Полагаю, он и подумать не мог, что идея мести все еще сидит у меня в голове. Но он ошибался...
- Я запрятала наш уговор в дальнейшее хранилище сознания, заперла на ключ и аккуратно притворила за собой дверь, приказав часовому глядеть в оба. Он понадобится еще не скоро, но то, что я его получила – было триумфом. Главное, чтобы Лео о нем не забыл, когда придет время...

Глава 3

Говорят, время в горах летит незаметно, для меня же оно тянулось мучительно долго. И не потому, что тяготила здешняя жизнь – просто мне не терпелось вырасти, окрепнуть и приступить к осуществлению своих планов.

Я никогда не напоминала Лео о нашем договоре, наоборот, в тех редких дискуссиях, где мы подбирались близко к этой теме, уводила разговор в сторону. Понимая, что раньше времени Лео не стоит знать о моих планах.

Но однажды, когда разговор незаметно коснулся моего будущего, я поняла: будет нелегко отстаивать свои права на свободу, когда придет время. Кроме того, сглупив, я поведала Лео о том, о чем не говорила еще никому. Впоследствии пожалела об этом, но отступить было поздно.

С того дня наши отношения сильно изменились. Лео стал замкнутым при своих и без того не частых визитах, и наши прогулки, кажется, окончательно потеряли всякий смысл. Один молчун – еще полбеда, но два человека, не желающих вести диалог – это конец.

Все началось, когда мы неторопливо шли по каменистому плато, удаляясь от монастыря.

Помню, как порывистый ветер тогда облизывал мою лысую голову и норовил то и дело сорвать бейсболку с головы Лео. Предзимье диктовало свои погодные условия, то присылая пронизывающий ветер, то поливая сильным кратковременным дождем.

В тот день Лео приехал каким-то удрученным и озабоченным, хотя и пытался шутить, рассказывая забавные истории о китайских пандах и синих китах. В его представлении я была ребенком, погрузившимся много лет назад в мир тьмы по злему року. И он считал необходимым поддерживать меня милыми историями о зверушках, не представляя, что это – абсолютно ни к чему, поскольку мои рубцы уже никогда не превратятся в гладкую кожу, сколько их не шлифуй.

Тогда это был последний разговор со мной как с ребенком, после которого ему пришлось прозреть.

– Лео, у тебя неприятности? – я задала этот вопрос, сама не зная для чего, ведь решить волновавшие его проблемы была не в силах.

Он провел рукой по моей гладкой голове и подмигнул.

– Ну что ты, малышка, все хорошо. Никак не могу свыкнуться, что ты всегда лысая, – выдавленный смешок совсем не вязался с лучиками печали, сквозившими во взгляде.

Я окончательно утвердилась в предположении, что у Лео – проблемы.

– Здесь все так выглядят, к тому же – это удобно. Знаешь... – протянула уныло я. – Подумываю оставить такую прическу на всю жизнь, даже когда покину стены монастыря.

– Тая, но... – встревожился он не на шутку, замедлив шаг.

Стало приятно, что мой облик еще кого-то волнует...

Но следующий вопрос расставил все по местам.

– Ты что же, хочешь покинуть монастырь?!

Эссенция разочарования зацепила глаза и овеяла легкой прохладой, впрочем, мгновенно испарившись на равнинах обыденности. Лео взволновался вовсе не по той причине, что я буду расхаживать лысая где-то по Шанхаю или Стокгольму, будоража взгляды окружающих.

– Ну, когда-нибудь мне придется это сделать, – равнодушно пожал плечами и убрав руки за спину, я продолжила путь, словно маленький старичок-мудрец.

– Тая... – пытался подобрать слова он. – Многие живут здесь всю жизнь... К тому же...

– К тому же у каждого – она своя, – деликатно перебив Лео, я остановилась, перехватив его взгляд. – Неужто ты хочешь, чтобы я провела здесь всю жизнь? – удивление было искренним, хотя ответ я уже знала наперед.

– Тая, я хочу, чтоб ты была счастлива. А самое главное, пойми, здесь... Ты в безопасности.

Опустив ресницы, я мысленно сосчитала до пяти.

– Лео, ты серьезно?! – меня распирало от смеха. – Ты тревожишься о потерянной кошке, что она найдется? Или что гроза придет в засыхающий сад? Забавно...

Я замолчала, стараясь правильно подобрать слова, а Лео, кажется, не понимал того, что именно я пыталась донести своей аналогией.

– Знаешь... – сделав глубокий вдох, устремила взгляд в светлые глаза напротив. – Хочу, чтобы ты знал кое-что... Это – важно...

Что-то заставило меня взять паузу, теперь понятно: это были верные друзья – сдержанность и благоразумие. Но на тот момент мне это было невдомек, я сторонилась их, поэтому смело промолвила:

– Скоро я буду готова покинуть эти стены ради человека, живущего как раз где-то по ту сторону моей безопасности. И будет очень кстати, если он выдвинется навстречу, сократив тем самым мой путь. Меньше головной боли на поиски.

– Тая, что ты такое говоришь? – заметно занервничал Лео, желая сменить тему разговора. – Конечно, если тебе здесь поднадоело, можем отправиться в путешествие, скажем, сгонять в Дисней-Лэнд. Как ты на это смотришь? Хотела бы съездить в Париж?

Я закатила глаза, понимая, что ему неприятна такая «начинка» нашей беседы. Она обжигала его нервы, словно вытекающее из пирога горячее повидло. Лео не ведал, что творится в моей голове на протяжении того времени, что я молчала, не ведал и сейчас, но, думаю, ему и в голову не приходило, что я не выкинула из плана давным-давно озвученное желание. Думаю, он забыл о нем практически сразу, не воспринимая всерьез, расценив это на тот момент как временный взрыв моего мытарства, как скоротечную агонию.

Стало ясно – на понимание с его стороны рассчитывать нечего. Лео будет избегать теперь подобных тем в разговорах при каждой возможности.

Но рано или поздно ему придется принять мое право на выбор. Пусть и не сейчас...

Печали, сопровождавшие Лео в этот визит, и без моих откровений глодали беднягу, словно дворняги – старую кость. Теперь же он был омрачен вдвойне.

Я не посыпала голову пеплом по этому поводу, но решила наш разговор отложить. Сейчас он все равно не имел смысла, да я и сама пока не была готова к таким «марш-броскам» – мое время еще не пришло. Лучшим вариантом будет прекратить обсуждение и сменить тему.

– Лео... – я встала перед ним, заглядывая в глаза.

Хотелось, чтобы тревога и напряжение, возникшие после моих неосторожных слов, исчезли. У него и без меня хватало проблем на данный момент.

Не отрывая взгляда от его лица, я ляпнула:

– В твоей голове столько ненужного хлама, просто ужас. Позволь, я там приберусь, расставлю все на полки, а ненужное – вымету за порог.

– Что? – Лео иронично сдвинул брови и неожиданно рассмеялся, пустив громогласное эхо по всей долине. – Хочешь вооружиться тряпками и щетками, чтобы очистить мой старый мозг от паутины и зеленой тоски?

Его замечание по поводу возраста я проигнорировала. Лео был вовсе не старым, ему не было и пятидесяти, просто груз забот – водруженный на него в виде огромного бизнеса, ответственности и прочего богатого жизненного багажа из прошлого – искусственным путем навязывал подсознанию, что за плечами уже целая жизнь. Ведь не зря говорят, что человеку столько лет, на сколько он сам себя ощущает...

Лео в этом случае, по всей видимости, не помогал даже факт наличия молодой любовницы. Гита Датул – филиппинка по происхождению – кладезь пороков неземной красоты. Однажды в Маниле Лео оказался на неофициальных подпольных боях без правил, где впер-

вые и увидел ее. Не сумев устоять перед чарами дерзкой победительницы в женском поединке, пригласил юную красотку, владеющую смертоносным боевым искусством, к себе в телохранители за солидный оклад. Конечно, это был лишь предлог, чтобы не упустить красавицу, которой был очарован. Молодая азиатка – с высокими скулами, зелеными глазами и непоколебимой выдержкой – согласилась на его предложение не раздумывая. Понятно, что деньги Лео она, конечно же, любила больше самого Лео, но это не мешало ей делать его счастливым. В конце концов – какая разница, как в нас вселяется счастье, через какие дыры и прорехи?

А Лео рядом с ней казался вполне счастливым...

С того дня он таскал ее за собой повсюду, и неудивительно, что при таком раскладе филиппинка умудрилась даже побывать однажды в доме моих родителей. Правда, мне тогда было чуть больше трех лет, и я с трудом вспоминаю тот визит Лео с Гитой в наш дом. Помню только, что мама хотела приготовить филиппинский суп со смешным названием «каре-каре» и обсуждала это с отцом, а я бегала вокруг них и кричала «кукаре-кукаре», словно маленький петушок. Наверное, только из-за этого я помню тот день. Потому что было весело, и я в предвкушении чего-то необычного ждала прихода гостей. Мама всегда встречала с большой теплотой друзей отца, а уж Лео всегда был особенным гостем. Да что уж там – особенным, он был почти членом семьи, и его женщина автоматически причислялась к этому невидимому рангу.

То, что Гита смотрела на Лео скорее как на древний золотой самородок, нежели как на человека, не мешало гармонично существовать алчно-счастливому союзу вот уже долгие годы. Они жили в роскошном доме Королевства Бутан, и, полагаю, каждый был вполне доволен жизнью...

Порыв ветра заставил меня повысить тон, чтобы Лео мог услышать, я и предположить не могла, что сама природа пытается заткнуть мне рот.

– Я – серьезно, Лео... Послушай, ты же не можешь повлиять на кадровую перестановку в стране, ровно также – как и на события за ее пределами. Так зачем волноваться? Не думаю, что возможная отставка твоего Брунова – которая так тебя тревожит – разрушит бизнес, а если что-то и пойдет не так, то ты сможешь вести дела уже и без него, все каналы у тебя есть, люди работают с тобой. В конце концов – война всегда в цене. И человечеству нужно оружие: не там – так тут. Так что перестань размешивать в своей голове этот кисель, а то доведешь его до кипения, и он взорвет твой мозг. Кстати, а кто такой этот Брунов?

Лео оцепенел, словно увидел самого дьявола. Впервые видела, чтобы он был напуган.

– Что?.. Кто тебе?.. Что... Ты такое... Говоришь... Тая... – прошептал он, отшатнувшись от меня, как от бешеной собаки, и побледнел, как полотно. – Откуда тебе известно про... Черт! Ты что, читаешь мои мысли?! – нервно хохотнул он.

И я заметила, как за доли секунды мимика его лица сменила множество состояний: от улыбки – до паники.

– Я не читаю, Лео... Я просто заглянула в твою голову – уж прости! – увидела этот хаос и решила навести там порядок, – скрестив перед собой руки, я ждала, что он еще скажет.

У меня в мыслях не было желания выпендриваться, я не ждала восхищений – целью моего разговора была искренняя помощь.

Казалось, прошла целая вечность, пока Лео прошептал онемевшими губами:

– И... И давно ты залезаешь ко мне в голову?

Я словно только сейчас поняла, что натворила...

Ветер резко усилился и сгустившиеся тучи стали моим спасением. Ведь не зря существует поверье, что Тибет пропитан мистицизмом и окутан тайнами. Побывав здесь однажды и попав в этот обволакивающий поток, забыть его уже невозможно, и тяга вернуться сюда будет преследовать вновь и вновь. Вот и мне сейчас помогала сама природа, пытаясь заткнуть внезапно развязавшийся рот.

– Надвигается буря, нам пора возвращаться, – я развернулась и направилась в сторону монастыря.

– Тая! – рявкнул за моей спиной Лео, который никогда прежде не повышал в моем присутствии голос.

Я остановилась и замерла, конечно, уже пожалев о сказанном...

За моей спиной стоял крайне взволнованный мужчина. Безусловно, его можно было понять: кому понравится, что посторонние знают, о чем ты думаешь?

– Остановись, – он прикрыл устало глаза. – Я жду объяснений.

– Лео, у меня нет для тебя слов, которые ты хотел бы услышать, – честно призналась я.

– Тебе не удастся уйти от ответа. Я задал вопрос! – грозный тон свидетельствовал, что я сунула нос не туда, куда следует: Лео явно был взбешен, хотя и пытался сдерживаться.

Вот же глупая! И зачем я только это сделала?!

– А я не хочу сейчас вымокнуть, – все еще надеялась сбежать от этого малоприятного разговора, произнесла я.

Ветер уже ожесточенно свистел и рычал, пытаюсь последними предупреждениями загнать нас под крышу, и вот наконец хлынул дождь.

Я поспешила в сторону монастыря, но Лео схватил меня за руку и угрожающе навис над лицом.

– Тая, отвечай сейчас же! Я спрашиваю: как давно ты роешься в моей голове, и что ты там еще видела? – он отчеканивал каждое слово сквозь зубы.

Его поведение не пугало меня, скорее – я была удивлена...

Идиотка! И зачем я только выдала себя?

– Лео... Послушай... – опустив веки, я нетерпеливо вздохнула. – Ну чего ты так переполошился?

Кажется, мы не замечали, что упругие струи дождя пронизывают нашу одежду, словно стрелы, а потоки – омывают лицо. Вся долина погрузилась в серую шумящую пелену, а разорвавшийся где-то над нашими головами раскат грома заставил Лео следующую фразу уже прокричать:

– Тая, ты хоть понимаешь... Твою мать! – выругался он после очередного небесного взрыва и потащил меня за руку в сторону монастыря.

Мы вбежали под крышу, насквозь промокшие.

– Видишь, я предупреждала, что вымокнем! – недовольно фыркнула, надеясь уйти от разговора.

Лео же, молча достав из кармана белоснежный платок, промокнул мою лысую голову и лицо, по которым ручейками сбегала вода.

– Иди сюда, – он притянул меня к себе. – Тая, ты должна мне все рассказать.

Старшая монахиня Самдинг, появившаяся на пороге, развела руками при виде нас.

– Тая, иди же скорее переоденься, а то простынешь. Я приготовила вам чай, проходите Леонид, – кивнула она с улыбкой. – Давайте я повешу к огню вашу куртку.

– Благодарю, Самдинг, – Лео сложил руки перед собой и склонил голову в знак благодарности. – Я смогу сделать это и сам.

Воспользовавшись моментом, я поспешила улизнуть из комнаты в надежде, что к моему возвращению горячая тема останется в прошлом.

– Как успехи в обучении Таи? – задал Лео свой вопрос, не дав Самдинг покинуть комнату.

Та обернулась с улыбкой и присела на стул.

– Я уже говорила вам, Леонид, что Тая – очень смысленный и целеустремленный ребенок, обладающий к тому же некоторыми исключительными способностями... – при этих словах Лео всем телом резко повернулся к монахине. – Но она замкнута в себе, мне сложно понять ее

мир, хоть она и снова стала разговаривать. Я понимаю – не каждый смог бы вообще доверять людям после такого.

– А о каких способностях вы упомянули?

Самдинг глубоко вздохнула.

– В буддизме, как вы знаете, мы выделяем три возрастные стадии детства. Самой важной считается первая – до восьми лет, это как фундамент строящегося дома. Поскольку в этот период ум ребенка чист и непорочен, в нем отсутствуют предубеждения и ассоциации, он с легкостью поддается влиянию и требует защиты. Тая перенесла сильное потрясение в этот период, была закрыта для общения, мы были бессильны понять, что происходит в ее сознании. Монастырское обучение в этом возрасте включает лишь заучивание текстов без их интеллектуального осознания, которое начинается в возрасте двенадцати лет. Но Тая молчала целый год. Для нас было невозможно определить и как она заучивает текст, и как воспринимает хоть какую-нибудь информацию на занятиях. Но однажды занимавшаяся с малышами монахиня заметила, что Тая мимикой реагирует на ошибки при воспроизведении текстов другими детьми. Она не указывала на ошибку, но по выражению ее лица было понятно, что, во-первых, она понимает язык, которому ее никто не учил – она ведь по сути немая, а во-вторых, она знает текст наизусть и замечает ошибки. Монахиня решила проверить свои наблюдения... Через неделю, прочитав детям текст, который им предстоит выучить, она на следующий день при повторном его прочтении умышленно допустила в нем ошибку. Тая сразу же отреагировала на это. Впоследствии монахиня несколько раз проверяла свою догадку, после чего обо всем рассказала мне. Я присутствовала на нескольких занятиях и могу сказать, что ваша девочка запоминает текст с первого прослушивания, а если в тексте много незнакомых ей слов, то максимум – со второго. Когда она заговорила, я решила проверить, насколько долго заучиваемые тексты сохраняются в ее голове... Она помнила все тексты, которые учили дети в ее присутствии! Это поразительно, Леонид!

– А что говорит Аклим по этому поводу? Ведь она больше всех общается с Таей, не так ли? Она вам ничего не рассказывала? Может быть, Тая с ней чем-то делится или рассказывает о своих... – Лео осекся, не желая выдавать монахине информацию, о которой ей знать было абсолютно не нужно. – О своих способностях или, скажем, мечтах?

– Вы правы, Аклим старается проводить много времени с Таей. Она, как вы знаете, по собственной инициативе взяла на себя обязанность светского образования Таи. Аклим в беседе со мной говорила, что сначала опасалась, как бы не перегрузить мозг девочки, но со временем поняла, что Тая легко усваивает всю информацию, которую получает от нее. Она заметила, что у Таи исключительная способность к языкам, и начала объяснять ей, как строятся фразы на нашем языке. Через некоторое время Тая начала понимать, что ей говорит наставница. Как-то Аклим показала мне учебник, по которому обычные дети в вашей стране занимаются целый год... Так вот – Тая одолела его за двенадцать дней. При этом она не просто запомнила текст учебника, а использовала позже информацию, полученную из него, в беседах с Аклим. Не могу сказать, что они сдружились, но Тая определенно расположена к сближению с Аклим и если кому и откроется в своих тайнах, то только ей.

– У нее не появилось новых знакомств или привязанностей в монастыре или среди посещающих его людей?

– Нет. Хотя, знаете... – монахиня щелкнула пальцами в воздухе. – Девочка часто ходит к семье рогыяпа.

– Кто это? – насторожился Лео.

– Местный могильщик. Его юрта расположена к востоку от монастыря.

– Спасибо. Обязательно навещу его.

Монахиня понимающе кивнула и, видя озабоченность Лео, добавила:

– К тому же – она очень изобретательна. Неделю назад одна из коз сильно поранилась на выпасе, повредив вену. Тая тут же это заметила и приняла самостоятельное и быстрое решение: наложила жгут, приволокла козу в монастырь, остригла шерсть вокруг раны, все тщательно обработала, сделала перевязку и подвязала ногу животного таким образом, чтобы та могла передвигаться, но не беспокоить рану.

– В детстве она хотела быть ветеринаром и спасти животных, – глаза Лео предательски увлажнились.

– А вчера у нас сломался вентилятор – тот, что вы привезли нам в позапрошлом году – и Тая его починила...

Лео улыбнулся. Намек монахини он понял.

– Неужели?

– Да, девочка очень сообразительная и трудолюбивая. Как же печально, что все так вышло с ее семьей. Даже не верится, – монахиня приложила ладонь к губам и покачала головой. – Скажите: так и не выяснили, кто это был?

– Нет, – отрывисто бросил Лео и встал со стула – демонстрируя, что разговор закончен.

Монахиня деликатно поднялась вслед за ним.

– Вы знаете, меня беспокоит только одно...

Лео насторожился, но, изобразив отчужденность на своем лице, переспросил:

– Ваше беспокойство... Оно насчет семьи Таи?

– Нет-нет, – успокоила его монахиня. – Это – насчет рисунков.

– Каких рисунков? – Лео сердито изогнул бровь, не понимая, какое беспокойство могут вызвать рисунки ребенка.

– Аклим говорит, что Тая часто рисует девочку в окружении крыс. Причем – девочку крошечного размера, а крыс – огромных. Потом тщательно зачеркивает девочку, а крыс – обводит в кружочки.

Лео повернулся на звук чьих-то шагов и произнес:

– Хорошо, я проконсультируюсь со специалистом, что это может значить. Спасибо вам.

Накинув самгхати поверх новеньких свитера и брюк, что привез Лео в этот раз, я с осторожностью спустилась в гостевую комнату. Самдинг уже ушла, и мы снова с Лео остались одни.

Вот же – дело дрянь: теперь от его вопросов, увы, не отвертеться.

Уверенной походкой прошла сразу к огню, который успела для нас развести монахиня, и как ни в чем не бывало уставилась на языки пламени, наблюдая краем глаза за Лео. Суровое, задумчивое лицо моего собеседника не предвещало ничего хорошего.

– Тая...

– А? – встрепенулась я, словно была погружена в поток мыслей.

– Не юли!

Я скривила лицо. Конечно, он все понял: сейчас меня занимала лишь одна мысль – как бы отвертеться от разговора, но похоже, его не избежать.

– Ну, хорошо, – вздох одолжения смешался с теплым воздухом прогретого помещения, ароматом мяты и чабреца.

Разочарование, растопырив крылья, словно раненая птица, неуклюже летало под потолком, нежась в тепле и прицеливаясь: на чьи плечи будет удобнее спикировать в сложившейся ситуации.

– Если хочешь знать, то сегодня я впервые посетила твою голову... Да и посетила – поверхностно... Скажем так: побывала на пороге твоего сознания, не углубляясь в покои. Теперь ты спокоен?

– Спокоен ли я?! – рявкнул Лео, но тут же снизил тон, оглянувшись на дверь. – Перестань нести чушь! И отвечай!

Я закатила глаза.

– Чего ты хочешь услышать? Я уже все сказала!

– Как тебе это удастся? Где ты этому научилась? Когда? – тихо засыпал он меня вопросами, а потом заговорщицки добавил. – Тебе открылось это в монастыре?

Было непривычно наблюдать растерянность на лице этого человека, я предполагала, что подобное чувство ему недоступно. Не могу сказать, что наслаждалась моментом, но признаюсь – было приятно, что удалось его удивить.

– Нет, – качнула головой. – Это случилось еще тогда... После того, как... – я облизала обветренные губы и замолчала, не желая возвращаться в ужасающее прошлое.

Хотелось, чтобы Лео это понимал, но, глядя на его скрещенные перед собой руки, было ясно, что придется дать ему развернутый ответ.

И я продолжила:

– Сначала испугалась, приняла это за свои фантазии, затем думала, что у меня галлюцинации. Ну а когда без проблем проникла в голову капитана на траулере, то поняла, что все – по-настоящему. Помнишь его? Того старого капитана с жутким шрамом через все лицо?

Лео молча покачал головой, как мне показалось, скорее от недоумения над происходящим, чем в ответ на мой вопрос.

– Могу заглянуть в голову к любому. Точнее – уже залезла ко всем монахиням... Кроме Аклим.

– Но Тая... – прошептал Лео, снова оглянувшись на дверь.

– Я – не со зла, просто хотела удостовериться...

– О господи, – выдохнул он, приложив пальцы к виску. – Вот это новость! И как тебе это удастся, позволь уточнить? – я почувствовала, как после моего признания Лео сменил тональность и перестал со мной разговаривать, как с ребенком.

– Что именно? – невинно пожала плечами я.

– Тая, не прикидывайся, что не понимаешь моих вопросов! Каким образом ты проникаешь в чужие мысли? Что тут непонятного?

Помолчав, я с неохотой призналась:

– Через глаза. Они – входная дверь для меня в любую голову.

– Но... Это невероятно! – выдохнул Лео и нервно растер лоб, вышагивая по комнате. – Да что там невероятно – это уму непостижимо! – он выставил вперед ладони и с шумом выдохнул. «Надеюсь, с ним не случится сердечный приступ?» – подумала я.

Но когда он опустил руки мне на плечи, стараясь при этом не пересекаться взглядом, поняла – его переполняло волнение, граничащее с восхищением.

– Тая, давай договоримся... Хочу, чтобы ты мне пообещала вот прямо здесь... Раз и навсегда пообещала! – он отчеканивал каждое слово, будто говорил на неизвестном для меня языке. – Больше никогда ни при каких обстоятельствах не заглядывать в мою голову!

Несмотря на теплый воздух в помещении, по моему телу пробежали мурашки. В надежде, что сейчас придет Самдинг и наш разговор с Лео прекратится волшебным образом, я отвернулась в сторону, но Лео повернул мое лицо обратно для налаживания связи. И на мгновение все же решился заглянуть мне в глаза.

– Тая!

– Что еще?

– Обещай! – Лео с тревогой всматривался в мое лицо.

– Хорошо. Обещаю...

– Нет, не так, черт возьми!

– А как?! – удивилась я, вспомнив тут же, что и сама была точно также недовольна, когда несколько лет назад у черного камня Лео вот так наотмашь быстренько брякнул, что не помешает мне идти своей дорогой.

Но чего он от меня хочет?

Чтобы я постучала себя в грудь и три раза прокричала «клянусь»? А в довершении совершила бы кульбит, хлопнув пятками в воздухе и издав рев Кинг-Конга?

– Обещай, поклянись мне самым дорогим, что у тебя есть! Поклянись памятью семьи. Это ради твоего же блага. Обещай никогда не залезать в чужие головы без очень веского на то основания! Во-первых, это аморально, во-вторых, небезопасно, слышишь? – Лео аккуратно тряхнул меня за плечи.

– Я не ослышалась? Ты заявляешь мне об аморальности?! – возмутилась я. – Ты! Человек, который...

– Тая, – прервал он, едва качнув головой. – Не сейчас.

Что и говорить, настроен он был серьезно. Меня это абсолютно не трогало, но все же решила сказать то, чего он ждал. Просто, чтобы поскорее завершить разговор:

– Да, – подняв на него глаза, торжественно произнесла на одном дыхании. – Обещаю никогда и ни при каких обстоятельствах больше не залезать к тебе в голову, но в обмен на то, что и ты не забудешь про обещание, данное тобой у камня. Какое? Надеюсь, что ты не забыл... Считай это заключением сделки между нами. Но клясться я не стану, тем более – самым дорогим. Это – слишком личное, Лео, оно не предназначено для публичных торгов в угоду чужим интересам.

Опешив, Лео смотрел на стоящего перед собой подростка, прикидывая, насколько недооценивал маленького человека, который вот так, в одно мгновение лихо и безоговорочно указал ему – могущественному и взрослому! – на сохранение личностных ценностей и установил рамки дозволенного в переговорах.

Втянув шумно воздух, он обреченно кивнул. По реакции было ясно – он не забыл о данном обещании, обескураженный выдвинутыми условиями сейчас. И вариантов, кроме как согласиться, у него не было. Но все же толика сомнений суетливо заерзала в моем сознании, хотя заметить со стороны это было невозможно.

– Надеюсь, что мы поняли друг друга. И согласись, ведь очевидно – насколько для каждого из нас важны стороны этого вопроса, – я поспешила сделать акцент на слове «каждого», лишая Лео возможности пытаться найти обходной путь.

– Это уж точно, – поникнув, прошептал он. – Это уж точно...

В данный момент Лео находился в состоянии, в котором, по большому счету, ему было абсолютно все равно: и что я говорю, и какие условия выдвигаю...

Вид человека, находящегося передо мной, можно было описать двумя словами: ошарашен и уязвим. Он понимал, что здесь, как говорится – без вариантов. При иных обстоятельствах Лео отреагировал бы по-другому и уж точно не решился бы заключать сделку с ребенком, пусть даже и на устных договоренностях. Я уже жалела, что так высокомерно обошлась с ним, но дело было сделано.

Мне необходим был внятный утвердительный ответ от Лео, и он это понял.

– Помню... – ответ был произнесен явно с трудом. – Скажи: я могу быть уверен, что с твоей стороны не последует обмана?

– Можешь не сомневаться. Слово дворянина, – я шутливо задрала подбородок и резко приставила одну ногу к другой.

Его лицо тронула легкая улыбка:

– Ну-у... Тогда по рукам!

Шутливо плюнув в свою маленькую ладонь, я протянула ее навстречу – Лео сделал то же самое, разразившись смехом.

И хотя завершение нашей сделки прошло на позитивных нотах, напряженность витала в воздухе еще долго, и я чувствовала, что наши отношения уже никогда не будут прежними...

Почти сразу после этого разговора Лео собрался и ушел к вершинам. Впрочем, ничего удивительного – он всегда покидал меня после трех-четырех дней, проведенных в монастыре.

Куда пролегал его путь, я не знала и никогда не спрашивала, но так происходило в каждый визит. Спустя неделю он возвращался обратно в монастырь, мы устраивали прощальный пикник, и Лео улетал домой – в Бутан, исчезая из моей жизни на несколько месяцев.

Это не вызывало во мне никаких эмоций: я не грустила, когда он улетал, и не испытывала великой радости при его появлении. По большому счету, мне было все равно, за исключением того, что его визиты вносили хоть какое-то разнообразие в монотонную жизнь.

Скука – это единственное, что омрачало дни жизни в монастыре. Но жалеть о них не стану. Я получила необыкновенные физические навыки, духовное развитие, которые нельзя было познать, не прожив тут годы – это был прекрасный багаж для жизни внизу, на земле. Я испытывала благодарность к окружающему миру и монахиням, что приняли меня, подарили шанс познать мир с особенной, удивительной стороны – не позволив превратиться в бесполезный отброс общества.

Конечно, обитель не назовешь уютным гнездом, что заботливо выют родители для своих птенцов, и порой мне приходилось выживать в условиях жесткой дисциплины. Но по ту сторону временных неудобств я видела великую справедливость...

Она частенько прогуливалась в конце длинного моста, за высоким забором и – подмигивая мне, словно в знак поддержки и одобрения – протягивала ладонь, маня к себе. Решение дойти до конца, перемахнуть забор и пожать ей руку – было единственной целью и стирало все шероховатые грани хмурых дней. Чтобы это осуществить – мне следовало двигаться дальше.

Оставшись здесь, я никогда бы не разорвала финишную ленту в конце намеченного маршрута. Путь к просветлению раз за разом уводил бы в сторону от первоначальных намерений, ведь по канонам он пролегал через правильные и безопасные тропы добра, любви и сострадания. Я не сторонилась их и – кто знает – может, однажды смогла бы даже зашагать по их мягкому песчаному грунту, но сначала мне предстоял долгий и трудный путь в колючие непроглядные дебри. Там, во тьме пороков и греха я должна буду отыскать одного человека, чтобы заглянуть в его глаза и вырвать сердце.

Глава 4

От того разговора с Лео прошло три года...

Я выросла, окрепла и приняла решение покинуть монастырь с добродушными монахинями, преподающими миролюбие как путь к просветлению. Решив отправиться на удаленные территории в поисках подлинной себя и того, что мне было необходимо, а главное – своего наставника. Пришло время обрести своего гуру, который раскроет не только мой духовный мир – как это делали стены обители на протяжении долгих лет – но и проведет в сокровенный мир сильного воина, неуязвимого бойца и смертоносного карателя. Настал момент найти того, кто научит выживать в пекле судьбоносного урагана, кто сделает из меня великого и непримиримого воина.

Мысли о великом пендекаре, о несокрушимом грандмастере боевого искусства пенчак-силат не выходили из головы. Раз за разом я в памяти возвращалась к нашим разговорам с Норбу об этом человеке. По слухам, он проживал где-то на этих землях, вел отшельнический образ жизни в скромном жилище на отдаленном пике к югу.

Если верить словам Норбу, это был человек с таинственным прошлым, совмещающий в себе противоречивые вещи. Владея в совершенстве уникальной техникой смертоносного боя, он одновременно практиковал праведный путь монаха.

Как ему удавалось вмещать в себя два абсолютно разных мира – невозможно было представить, но это не могло не восхищать, и меня неудержимо тянуло найти эту вершину.

Я очень надеялась, что этот человек – не легенда, что он действительно существует. Отсутствие информации о нем не пугало: все, что хотелось бы знать подробнее – где находится его хижина. Ориентируясь на слова могильщика, ясно было одно – путь был не близкий и опасный.

У меня не было сомнений, что я разыщу пендекара – сомнения были в другом: захочет ли он принять меня к себе в ученики?

Я полагала, что трудный путь будет мне в помощь: мастер не сможет прогнать меня сразу после длительного восхождения, а это значит – у меня будет шанс объясниться и уговорить его поделиться всем, чем он владеет.

В тот момент я не могла и предположить, что мастер уже знал о моем будущем визите...

Матушка Аглая, конечно, была против моего ухода, но она меня понимала...

Вечером, в последний день моего пребывания в монастыре, мы не пошли ужинать, а решили устроить прощальное чаепитие у себя в комнате, испросив на это разрешение у Самдинг.

Аглая после обеда ушла на кухню, сказав, что сама все приготовит к чаю, а я сложила вещи, навестила нескольких монахинь, с которыми была в добрых отношениях, попрощалась с ними и подарила сувениры.

Ближе к вечеру, когда чай был уже готов, в комнату вернулась матушка. Она принесла какой-то сверток и две корзинки, от которых пахло давно забытым и таким аппетитным запахом, что я раз за разом втягивала носом этот аромат и не могла дождаться ее команды: «Мой руки – и за стол!»

Но матушка начала со свертка.

– Это тебе на зиму, а то из старых ты, поди, уже выросла, – сказала она, доставая из свертка свитер, шапочку, шарф и две пары шерстяных носков.

За годы жизни в монастыре я сносила множество носков, свитерков и шапочек. Часть из них привозил Лео, но в основном их вязала Аглая. Она могла весь вечер рассказывать мне о соперничестве Рима и Карфагена или об открытии русскими мореплавателями Антарктиды, и одновременно из-под ее спиц выходили обновки для «ее девочки». Скорость, с которой она

вязала, была поразительной: вечером она доставала спицы и привезенную кем-то шерсть, а утром – я уже примеряла обновку.

В этот раз матушка превзошла самое себя: свитер, шарфик и шапочка не вызывали у меня никаких других эмоций, кроме восторга. Небесно-голубой цвет напомнил о плюшевом слоне, которого мне подарил в детстве отец, а прислонившись щекой к шарфу, я будто провалилась в нежные мамины объятия.

Аглая сейчас была волшебным проводником между этих двух миров...

Я захотела все примерить, но матушка остановила меня, заверив, что все будет точно по размеру.

Затем наступила очередь корзинок...

Одну из них она сразу отставила в сторону, пояснив, что это – еда в дорогу, а вторую водрузила на стол. Затем аккуратно сняла с нее полотенце...

Там были пироги! Она испекла для меня пироги!

Этот аромат...

Я вспомнила его!

Я вспомнила нашу кухню, маму в белом фартуке с вышитым на груди петушком и лежащие на столе под полотенцем пироги, один из которых мы со старшим братом Петькой норовили утащить и удрать в нашу комнату. Мама делала вид, что сердится, и Петьке доставалось полотенцем, но он терпел и с кухни не уходил потому, что так нами было задумано: он – отвлекает, а я должна стащить пирожок и тихонько удрать на второй этаж.

Я не знала, как выразить этой женщине свою признательность и благодарность за доброту и внимание. Подойдя к матушке, я обняла ее, уткнулась носом в плечо и прошептала:

– Спасибо, матушка Аглая! Спасибо! Мне так давно никто не пек пирогов, что я забыла их вкус и запах. Я запомню эти пироги на всю жизнь!

– Ладно, ладно... Давай, мой руки и помогай все это на стол ставить. День у нас с тобой сегодня особенный – не грех и отметить. Мне сегодня сообщили, что благополучно решились все вопросы, из-за которых мне пришлось летать в Лондон и Париж. Помнишь?

– Конечно помню. Я думала, что умру тут от тоски без тебя!

– Рано тебе о смерти думать... Дорога жизни у тебя впереди длинная... Ты только когда будешь по ней шагать – чаще вспоминай о Боге и не стесняйся просить у него о помощи. Гордыню свою умерь, а со временем – и изживи! Так оно будет лучше...

Какие только пироги она не доставала из корзинки: маленькие и побольше, круглые и в форме лодочки, жареные и печеные.

А внизу, на дне корзинки, лежал большой пирог, который она назвала кулебякой.

Название показалось мне забавным, и я засмеялась.

– Не смейся, на Руси стол без пирогов – сирота, а хозяйка, не умеющая испечь своим детям на праздник пирожки – неумеха! Свахи, знакомясь с намеченной невестой, обязательно интересовались: умеет ли она печь «хлеба да пироги». Ты – когда время подойдет – найди себе хорошего учителя-кондитера, и пусть он тебя научит пекарским премудростям. Вот мужу и детишкам твоим радость-то будет...

– Я лучше сюда приеду, матушка, и обучусь, а то этот пекарь за свои уроки, наверное, кучу денег запросит, – шуточно произнесла я, тут же заметив, что матушка сегодня настроена как-то серьезно.

– Нет, Тая... Это – по всей видимости – наша последняя встреча. Никто не живет вечно...

Я хотела возразить, но она подняла руку и жестом ладони показала, что не стоит спорить по этому вопросу. Слова матушки Аглаи подтвердили мою наблюдательность: обычно она, обращаясь, называла меня Таюшкой или «девочкой моей», а тут – Тая. Как-то уж совсем повзрослому...

– Да ты садись, будем чаевничать да разговоры разные вести, – улыбнулась она. – А насчет денег не беспокойся: думаю, что на учебу у кондитера тебе теперь хватит, графинюшка моя.

Некоторые слова показались мне странными, другие – непонятными...

Я хотела переспросить, но пироги сбили с мысли. Такого разнообразия начинок я еще никогда не видела, да и тесто вызывало у меня неподдельный восторг. Вкус и аромат только подогревали мой аппетит, и я думала, что никогда не наемся творениями Аглаи.

Беседа наша казалась мне как бы приложением к трапезе, и только потом, вспоминая этот вечер, я поняла – матушка прекрасно направляла беседу в нужное ей русло. Ее интересовало все: где буду жить, под какой фамилией, сохранились ли у меня какие-нибудь документы, чем хотела бы заниматься в жизни...

Умело, но как бы невзначай ставя вопросы, она выяснила все, что ей необходимо было знать обо мне для выполнения собственных планов...

Уже ближе к полуночи, помогая мне сложить провизию в рюкзак, она вдруг сказала:

– Таюшка, я могу только догадываться, куда ты отправишься из монастыря, но, зная твой характер, думаю, что учеба, к которой ты так стремишься, будет для тебя посложней, чем монастырская. Но ты все равно когда-нибудь ее осилишь и уйдешь в мир. Будь осторожна там, девочка моя. Не доверяй никому. Эта нелюдь, что сотворила с твоей семьей такое, где-то рядом. Думаю, что она была знакома с твоими родителями – они ведь сами открыли дверь и без разговоров впустили ее в дом. Меня не будет в жизни с тобой рядом, поэтому повторю: будь осторожна. Я догадываюсь, какую цель ты носишь в сердце, и не могу тебя осуждать. Господь вразумит и направит тебя. Доверься ему. Если он захочет покарать это исчадие твоими руками – он поможет...

Перед тем как уснуть, я лежала и думала: почему матушка, говоря об осторожности, особо предупредила, что ее не будет рядом?

Можно подумать, что в монастыре она ходила за мной по пятам.

Непонятки какие-то...

Утром матушка вышла проводить меня.

– Знаешь, как в России говорят: «Пешего – до порога, конного – до ворот»... Но я с тобой пройду вон до того обрыва. Не возражаешь?

– Ну что ты! Нет, конечно...

Мы молча шли, освещенные первыми лучами солнца. Да и о чем еще можно было говорить после вчерашней беседы?

Все было сказано...

Конечно, мне было немного грустно. Я оставляла здесь родного по духу мне человека, который так много сделал для меня.

– Ну, здесь и попрощаемся. Подожди, я сейчас, – сказала Аглая и подошла к обрыву.

Она пошарила рукой в холщовой сумке, которую иногда носила с собой, и, достав из нее пистолет, без замаха бросила его вниз.

Я смотрела на нее во все глаза.

– Матушка, а это зачем тебе было нужно? – только и спросила я.

Она грустно улыбнулась.

– В жизни всякие случаи могут произойти... Один замечательный человек как-то писал: «Доброе слово и револьвер лучше – чем просто доброе слово...» Случись что – пистолет, девочка моя, мог нам очень даже пригодиться. Но теперь он уже не нужен.

– Ты и стрелять умеешь? – насторожилась я.

Посмотрев на меня добродушно, она произнесла:

– Да, Таюшка, умею. Господь сподвиг.

«Вот все и срослось...», – быстрым ожогом пронеслась в голове догадка.

Я вспомнила, что эту сумку Аглая носила с собой только в дни, когда в монастыре были какие-нибудь гости. При этом она всегда была рядом со мной и всегда вставала так, чтобы оказаться между мной и чужими, а при первой возможности – под любым предлогом – старалась увести меня и уберечь от контактов с посторонними.

Да она же просто оберегала меня! Оберегала и готова была защитить даже ценой собственной жизни!

Матушка обняла меня и поцеловала.

– Вспоминай матушку Аглаю иногда, – я хотела что-то сказать, но ее ладонь легла мне на губы, не дав вымолвить ни слова. – Ничего в жизни не бойся, кроме предательства. Господь на твоей стороне, он уберезет и направит. Ну, с Богом! – и осенила меня крестным знаменем.

Я уходила с огромным багажом знаний и с рюкзаком, заботливо уложенным матушкой Аглаей, в уголке которого нашлось место и для моих надежд...

* * *

По своему неведению я глупо полагала, что после поднятия на вершину все, что мне будет нужно – это познать искусство боя, ведь духовное образование я сполна получила в монастыре.

Да – впереди мне предстоял нелегкий путь пилигрима...

Да – я так и не смогла получить больше информации о загадочном грандмастере...

Но меня это не останавливало!

Очередной прилет Лео чуть не смел мои планы в овраг, подобно внезапному горному оползнию. Ведь надо ж такому случиться, что прилетел он именно в тот день, когда, оставив позади себя стены монастыря и распрощавшись с Аглаей, я отправилась в путь. Полагаю, не обошлось здесь без Самдинг, наверняка она рассказала Лео, что я собираюсь покинуть монастырь. Неспроста он примчался...

С Лео мы буквально столкнулись лоб в лоб на узкой тропе, где он, выслушав меня без каких-либо эмоций, предложил вернуться назад в монастырь, чтобы все тщательно обсудить.

Я отказалась, не желая делать в прошлое даже и полшага.

– Тая, ты хотела уйти вот так, не попрощавшись? По сути – ты просто сбежала! – с ходу заявил он.

– Но ты бы не одобрил...

Лео держал эмоции под контролем, но было видно, что моя затея вызывала в нем сильное негодование. Поступая разумно, он не стал перечить сразу, прислушиваясь к обретенной с годами мудрости, которая похлопывала его по плечу своей изящной ладонью с нежным маникюром, шепча на ухо слова о пользе сдержанности, о вреде вспыльчивости и о бесполезности навязчивости. Эта ученая дама, словно ясновидящая, понимала, что я все равно сделаю по-своему. И любовые атаки тут не помогут. Уж если на то пошло, то скорее четко выработанная пошаговая стратегия, хитрость, немного нахальства и, как ни странно, тонкое взаимопонимание могли бы сделать свое дело – но не в случае со мной. Лео злился, ему хотелось поспорить с этой утонченной красавицей, опровергнуть ее доводы, но он с грустью осознавал, что она права. В доказательство тому меня прожигал беспощадный взгляд ледяных глаз, походящий на отколовшиеся куски айсберга.

Лео находился в замешательстве.

Настал тот день, который он отдалял как мог. Внутри разумного и властного человека в данный момент шла непримиримая борьба.

На ринг стали выскакивать один за другим провокаторы в нелепых одеяниях: гордыня – укутанная в павлиньи перья; властолюбие – в помпезных кроссовках с сигарой; заносчивость – на высоченных ходулях, разукрашенная, словно вождь племени чероки...

А малышка-спесь и вовсе лезла под канаты сломя голову, она – натягивая боксерские перчатки прямо на ходу и вереща грязные ругательства – подстрекала сдержанную мудрость к

бою. К чести последней, она и ухом не повела, едва эти выскочки появились на пороге, закрыв демонстративно дверь перед носом крикливых коллег.

Лео понимал: это не тот случай, где можно приказать или заставить, как он к тому привык...

Во-первых, знал мой упертый характер и несгибаемую волю, наблюдая как с годами их внутренний стержень становился только прочнее. А во-вторых, прекрасно помнил тот день, где много лет назад поклялся не становиться на пути моих желаний, понимая, что и я о нем не забыла.

Возможно, он тешил себя надеждой, что годы сотрут неприятные воспоминания и боль в моем сердце утихнет. Я успокоюсь, вырасту, стяну с себя прошлое, словно свитер, взгляну на жизнь под другим углом, и тот договор у черного камня потеряет свою силу. Но так не произошло – сейчас мы сверлили друг друга взглядом, и он понимал, что я ничего не забыла. Как и те слова, сказанные на траулере, тайно вывозящем меня из России, трюмы которого были забиты множеством ящиков цвета милитари.

Вдобавок к клятве у нас была заключена сделка несколько лет назад, в тот злосчастный день, когда я поведала Лео о своих способностях проникать в чужое сознание. А будучи человеком делового мира – пусть и нелегального – он хорошо знал цену таким договоренностям.

Отчаянье разгуливало в холодных глазах напротив, обрекая человека, никогда не бросавшего слов на ветер, ломать свои принципы. Для такой личности, как Лео, это было сложно. Я чувствовала, как он сражается с внутренними демонами, как там идет непримиримое противоборство. Но на другой чаше весов была моя жизнь, и Лео всерьез за нее опасался, понимая, что живущая во мне одержимость ни к чему хорошему не приведет. Мания возмездия, не покидающая с детских лет, обязательно вырвется наружу и устроит грандиозное фаер-шоу, в котором я однажды сгорю дотла.

Между бровей пролегли две знакомые складки, взгляд стал жестче. Только сейчас заметила, что оттенок его шевелюры изменился – за последние четыре месяца, что мы не виделись, добавилось много серебра, придавая хозяину больше степенности и величия.

Впрочем, в показном и дополнительном величии Лео никогда не нуждался – он его источал всегда, где бы ни находился!

Помню, как он приходил в наш дом, по-джентльменски целовал маме руки, шутил с Петькой, обменивался крепким рукопожатием с отцом, а меня задаривал красивыми куклами, плюшевыми зайцами или платьями «как у принцессы». Разговоры взрослых меня, конечно, не касались, но даже будучи ребенком я чувствовала, что человек, удаляющийся в кабинет с отцом, обладал огромной внутренней силой. Возможно, тогда к подобным ощущениям меня подталкивала его суровая внешность.

Лео всегда приветлив, но его невозмутимый хладнокровный взгляд волкодава каждый раз безошибочно доводит до собеседника, что требуется. На деловых переговорах он тверд, как скала. Я видела это, когда забиралась к нему в голову. Мало кто может спокойно выдержать такое зрительное противостояние.

К моему отцу это не относилось. В детстве мне представлялось, что Лео и мой отец – два правящих миром льва. Их внешность была абсолютно разной, но, опираясь теперь на обрывки воспоминаний, я понимала, что твердость характера и исключительная харизма моего отца могли подчинить окружающих так же, как и ледяной взгляд Лео. Вообще-то Лео был дядей Леной, но из-за его густой шевелюры, напоминающей льва, я дала ему в детстве такое прозвище и с тех пор зову его только так. Лео частенько оставался у нас на ужин, а иногда и на выходные. Мы весело проводили время – жарили мясо и кабачки на гриле, играли на поляне в мяч, салки и пили приготовленный мамой вкусный лимонад. А иногда Лео брал меня за руку, и мы спускались к реке, бродили там подолгу, я кидала в воду камешки, а он наблюдал за мной и улыбался.

Отец всегда был рад приездам друга, они вспоминали совместную юность, смешные случаи из той своей жизни, свой двор, где оба выросли, спортивную школу и футбольную команду, за которую когда-то играли.

Мне их разговоры были не очень интересны, а вот Петька сидел с открытым ртом и ловил каждое слово. Когда Лео уходил, он обязательно шел к отцу и начинал задавать вопросы, уточняя те или иные заинтересовавшие его моменты в их рассказах. Брат очень завидовал им, считая, что жизнь у них была гораздо интереснее его собственной...

– Тая... Я помню, что когда-то пообещал тебе... Но послушай...

– Все будет хорошо, Лео, – мой тон указывал, что торговаться в этом вопросе я не намерена. – Вот увидишь, у меня все сложится.

– Да к черту! – вспыхнул он. – Что тут может быть хорошего?! – Лео лихорадочно растер пальцами лоб. – Мы оба знаем, для чего тебе все это! И я – против! Слышишь? – суровый взгляд изучал и колот одновременно.

Уже во второй раз я наблюдала, как эмоции вываливаются из этого человека наружу. Его реакция была вполне предсказуема. Пока он выпускал пар, я молчаливо изображала на лице вежливое внимание, ожидая, когда эмоциональный монолог поменяет тональность. Зная, что в такие моменты важно смотреть собеседнику в глаза, демонстрируя свое участие в беседе, и плевать – если в этот момент ты думаешь о неустойчивых муссонах Австралии! Сейчас был тот самый случай, и он сработал.

Заметив мой участливый взгляд, Лео перевел дыхание и обреченно добавил:

– Твой отец никогда бы этого не одобрил...

Пришлось упрещающе поднять ладонь, только этого мне не хватало.

– Давай не будем о моем отце, хорошо?

– Прости, – Лео положил пальцы на переносицу и с шумом выдохнул.

– Не стоит извиняться, просто... Знаешь... – пытаюсь подобрать слова, которые окажутся не слишком жесткими, я тянула время. – Понимаю сейчас твои чувства, но ты должен знать: это – моя жизнь и либо ты принимаешь ее, либо нет.

Получилось не слишком вежливо, но на кону моя дальнейшая жизнь, судьба, и мои цели...

Я готова была любой ценой отстаивать свои права.

– Ты что, ставишь мне ультиматум? – усмехнулся он.

– Ультиматум? – я иронично приподняла бровь. – Ты серьезно? Боже! Ну конечно же нет! Как можно пытаться манипулировать тем, что тебе не принадлежит?

Лео все понял, он уничтожил меня взглядом, но молчанием поощрял продолжить.

– Здесь – ноль, Лео... Зеро... – пользуясь шансом, объяснила я. – Ты должен это понимать! – демонстративно сомкнутые в дырку от бублика пальцы красноречиво подтверждали мои слова. – Это – не твои угодья. Это – мой лес, и я планирую гулять в нем по своим правилам!

Знаю, что прозвучало грубовато, но я предпочитала расставить все точки над «i» сейчас, пресекая попытки Лео даже допустить мысль о том, что он может меня отговорить или запретить пойти к вершине.

Тут он как-то хитро усмехнулся, словно поединок был выигран им, и победа уже обнимала его в страстном танго.

– А ведь ты даже не знаешь, малышка Тая, что в рулетке наибольшую прибыль казино гарантирует именно секция «зеро» и большинство игроков поговаривают даже о некоем мистическом преимуществе этого номера для владельцев заведения, – с надменной заносчивостью произнес он, а выпустив всю «обойму» и явно довольный произведенным эффектом, Лео зарядил еще одну. – Так что, у кого в руках зеро – тот владелец казино, – нараспев срифмовал он, издевательски подмигнув.

Конечно, очевидное сражение, развернутое против меня, было неприятным, но я его понимала.

– Ненавижу, когда ты так думаешь, – спокойно произнесла я.

Лео надеялся затронуть меня, но не получилось. Я столько лет провела в Тибете, и уж чему-чему, а выдержке этот край учит в первую очередь.

– Как так? – наигранно удивился он.

Очевидно, что наша словесная перепалка на самом деле не доставляла ему удовольствия.

– Будто весь мир в твоих руках, и ты вертишь им, как вздумается.

– Но по сути – так и есть, – с усмешкой произнес он, не желая открыто продемонстрировать свою значимость, но доля самолюбования в словах все же проскользнула.

Он замер в ожидании, словно выбирая между праведностью и тщеславием.

– Ты ошибаешься, Лео. Деньги, власть и прочие атрибуты «величия» – еще не все в этом мире. И жизнь много раз это доказывала...

Серые глаза сузились в тонкую линию, а скулы динамично исполняли меренге, доказывая с неприглядной ясностью мою правоту. Лео был взбешен – он терпеть не мог, когда ему перечили.

Меня это мало заботило, но я смягчилась, понимая, что, выбрав такую стратегию, направлю разговор в конструктивное русло.

– Я выросла, Лео, и имею право на свою территорию. Пора покинуть детскую комнату с плюшевыми игрушками... Которой у меня толком-то и не было, – едва слышно прошептала я остаток фразы, наблюдая, как он вращает глазами в поисках выхода из сложившейся ситуации.

– Так-то оно так, – кивнул он угрожающе спокойно. – Но смотри, Тая, не напорись в своих угодах на мину или голодного шакала. Ты же понимаешь, что владение своей территорией – не гарантирует ее безопасности, всякое может произойти...

Я промолчала, зная, что он этими словами не угрожает, а всего лишь пробует разные пути в попытках пресечь мои замыслы.

Мы оба сверлили друг друга взглядом. Притихла и природа – в горах всегда так бывает перед дождем...

Спустя минуту Лео промолвил:

– Если я правильно понял... Не согласных с этими правилами, ты...

Но ему не удалось закончить фразу, поскольку мой внутренний дракон вновь поднял одну из голов и изрыгнул:

– А для не согласных... Таким я просто не рекомендую нарушать границы моего пространства.

Я грызлась за свои права, словно львица за львят!

– Тая, я что-то не пойму... – он поднял вверх указательный палец и нарисовал им в воздухе несколько кругов, импровизируя нимб. – Это многолетнее пребывание в Тибете отразилось так на тебе? Или монастырское воспитание прошло стороной?

– Лео, монастырь – благодаря тебе – научил меня трем вещам: самостоятельно мыслить; отстаивать свои убеждения в свободной дискуссии; искать, находить и использовать для защиты своих убеждений самые весомые аргументы. А Тибет научил еще одной, но самой важной – никогда не сдаваться!

– Это вместо нравственности и отречения? – он развел руками и вымученно улыбнулся.

Я бросила на него неприязненный взгляд.

– Значит, вот какого пути ты мне желал! Созерцания в затворе?

– Тая, не переворачивай все с ног на голову... Я же знаю, каким разносторонним было твое обучение: тебе были доступны даже танцы и светские науки, именно я был инициатором, чтобы подобные навыки тебе преподавались здесь... И после этого ты говоришь, что я желал для тебя затворничества?

– Но это же просто смешно! – я смерила его взглядом. – В какой момент ты предполагал, что мне это пригодится? Я должна была закружиться в танце с горным вихрем или изящно поглощать канапе среди монахинь, воображая себя на светском приеме в Лос-Анджелесе?

– Тая, я тебя умоляю, – устало протянул Лео.

– Не надо меня умолять, – отчеканила я, желая уже поскорее закончить разговор. – Чтобы ты понимал: я ни в чем тебя не упрекаю – всего лишь хочу пойти своей дорогой, вот и все. И благодарна тебе за то, что тогда ты забрал меня и привез сюда. Но теперь – пришло время идти дальше.

Лео покачал головой в недоумении.

– Раньше ты не была такой.

– Время и обстоятельства меняют людей, – пожала я плечами в ответ.

– Вот как? – обеспокоенно переспросил он. – И в какую же сторону?

– А это – смотря какой ветер благоволит... – пришлось хитро сощуриться, давая понять, что не устану парировать каждый его вопрос.

– Тая, знаешь, что я тебе скажу... Жизнь – это не черновик, который можно будет переписать набело. В силу своей молодости ты не принимаешь во внимание то обстоятельство, что жизнь – только одна, а годы летят со страшной скоростью, и растрчивать их на самоистязание глупо. Подумай об этом на досуге.

Я не перебивала его, давая возможность выговориться, но произнеся последнюю фразу, Лео замолчал, будто его заклинило.

Самой мне нечего было добавить, я видела – понимание между нами так и не наступало. К тому же мои мысли были далеки отсюда, я спешила скорее отправиться в путь, а не сражаться с Лео в бесполовых словесных баталиях.

– Понимаю, тебе все надоело – здесь твой ум постоянно занят молитвой, приходится быть сдержанной и кроткой. А что скажешь, если тебе отправиться на острова... Бора-Бора... Фиджи... А? Что скажешь? Тая, ведь ты никогда не видела океана! Только представь... – Лео словно сдавал экзамен перед комиссией в театральный институт. – Безбрежная морская гладь сливается с небом, ты лежишь в гамаке... Шелест страниц увлекательного романа... Тебе то и дело подносят вкусные коктейли... Ну как тебе? Или, скажем...

– Остановись! – по моему взгляду Лео понял, что в данный момент его слова выглядят глупо.

– Тая, но...

– Лео, – вздохнула я, сцепляя руки в замок и переводя взгляд на заснеженные вершины, словно они могли мне помочь в этом затянувшемся разговоре. – Пойми, я не хочу, чтобы ты кололся об меня при каждой нашей встрече, но хочу, чтоб понял: я пойду своим путем, чего бы мне это ни стоило. И если ты не желаешь дать мне в дорогу золотую колесницу и красавца кучера... – шутиливо подмигнула я. – То хотя бы не стой на пути, – я вернулась к нему взглядом и покачала головой. – Не нужно строить преграды. Ни к чему это. Ты же знаешь, что все равно перелезу, перепрыгну, пройду сквозь них и пойду туда, куда будет нужно, просто это займет время и окончательно отдалит наши души.

– Тая, послушай... Тебе просто необходимо пережить этап внутреннего противоборства... Вот и все... Это пройдет, вот увидишь, не торопись, – Лео умоляюще смотрел на меня.

– Хочу тебя попросить кое о чем, – я опустила взгляд, понимая, что после такой дискуссии – не самое лучшее время просить об услуге, но у меня не было выбора.

– Говори, – поджал он губы.

– Мне нужен паспорт. Знаю, что это – в твоих возможностях, и... очень надеюсь, что ты мне не откажешь.

Лео не отвечал, буравя меня взглядом.

И я запереживала, что необдуманно дала ему сильный козырь, с помощью которого он теперь сможет манипулировать ситуацией. Правда, у меня в запасе тоже кое-что было припасено, но крайне не хотелось доводить дело до открытой войны, поэтому я поспешила добавить:

– Ты не сможешь заковать меня в кандалы здесь навсегда.

– А если смогу? – его вкрадчивый тон настораживал.

– Не-ет, – протянула самоуверенно я, хотя внутри все клокотало.

Вот и первые нотки войны, горн протрубил – «к бою!»

Как же быстро он забыл о нашем договоре!

Вот теперь я не жалела ни минуты, что рассказала однажды о своих способностях проникать в чужое сознание. Сейчас это было моим приоритетным оружием.

– Не посмеешь, – качнула я головой. – У нас – договор, если ты помнишь, – вот и мой джокер, неожиданно выложенный на стол.

Он резко изменился в лице.

– Для человека, просящего об услуге, ты ведешь себя нагло...

– Но я ничего у тебя не прошу, – бросила я.

– Мне что, показалось? – Лео приподнял бровь, он был зол.

– Договор, – напомнила я.

Лео как-то глубинно закричал, показывая всем видом, что, конечно, он помнит, но черт бы его побрал, этот договор...

– Я понял, Тая. И скажу тебе – к сожалению, ожидал, что скоро это может произойти.

Резкая смена в настроении ввела меня в ступор, но лишь на мгновение. Я не спешила расслабляться, прикидывая, что за этим может последовать.

– Неужели. И о чем ты? – удивленно хмыкнув, я внешне принимала обходной и хитрый путь Лео, им он планировал усыпить мою бдительность.

Но ответа не последовало. Обида шагала далеко впереди него, не давая здравому смыслу протиснуться вперед. Все шло не так, как ему бы хотелось. Это был заведомый проигрыш, а Лео привык только побеждать.

Я с трудом выдержала ледяной взгляд, пытаюсь понять завуалированную фразу Лео. Но то, что произошло дальше – удивило меня не меньше, чем перемена в его настроении...

Его как будто бы подменили. Поразительно, он менялся на глазах!

Заставляя удивляться и настораживаться.

– Тебе – туда, – небрежно махнул он рукой на одну из отдаленных вершин. – Считаю это моей золотой колесницей. На кучера – не рассчитывай, – отрезал он.

– Ух ты! Смотрю, переобуваешься на ходу, – шутливо заметила я, пытаюсь сдерживаться, хотя моему внутреннему ликованию не было предела.

Получается, что Лео буквально меня благословил, но радоваться пока было рано. Он конечно «отошел в сторону», освободив мне путь, но что заставило его отступить?

Неужели понял, что я буду биться до победного в любом случае?

Или, может, предпочел банально не рисковать нашим договором?

Ведь его интересы тоже в нем фигурировали...

Я не спешила трубить в фанфары. С моей стороны было бы очень неосмотрительно надеяться, что все завершится вот так легко. Зная Лео, я понимала – он просто так не сдастся и никогда не прекратит надеяться, что однажды одержимость, прочно засевшая глубоко внутри меня, перестанет существовать.

Он взирал насупившись, явно обдумывая следующий шаг.

– А что там? – этим вопросом мне хотелось не упустить едва зародившееся между нами взаимопонимание и удержать загадочные высказывания Лео здесь, на поверхности, чтобы прощупать, что он задумал.

Но мой вопрос вновь остался проигнорированным.

– Поднимайся туда, когда будешь готова к этому, просто так – ни к чему беспокоить эти места. Документы у тебя будут – даю слово.

Было видно, что каждое обещание, каждое слово давалось ему с трудом, он злился на меня, а временные перемены – лишь маска.

Я кивнула с благодарностью. Все же, несмотря на сложности в переговорах, он изо всех сил пытался сдержать свое слово, и пока у него получалось. Я понимала: путь к свободе был указан с тяжелым сердцем и уж точно Лео не думал сдаваться, все еще подыскивая повод, чтобы отговорить меня или хотя бы задержать, обреченно понимая в глубине души, что это – тщетно.

Не успела об этом подумать, как тут же обнаружила в колесе только что поданной мне колесницы очередную палку, «доброжелательно» засунутую туда руками Лео.

– Ты, конечно, уже знаешь, что тебе придется весь путь пройти босиком? Таковы здесь правила... – пожал он плечами, заметив мой недоуменный взгляд. – Если поступишь иначе – тебя не примут и все твои старания пойдут прахом.

Я заглянула во внимательные прозрачные глаза своего собеседника. Не знаю, действительно ли существовали такие правила или они только что родились в голове Лео, но километры пути босиком по камням и леднику – суровое испытание. Наверное, он надеялся, что услышав такое, я сочту это безумием и отступлюсь. Но он ошибался – я уже давно отсекала внутри себя все пути к прежней жизни.

Стоя молча перед Лео, я пыталась быстро просчитать, что именно нужно взять с собой при внезапно изменившихся условиях, и, конечно же, не предполагая идти на попятную.

Но он затянувшуюся паузу воспринял по-своему.

– А ты думала, что будет легко? – сарказм, прорывающийся наружу, обличал внутреннее состояние моего собеседника, всеми силами желающего склонить меня к здравомыслию. – У тебя не должно быть иллюзий относительно твоей дальнейшей судьбы, если ты хочешь ступить на этот путь!

Ничего не оставалось, как опустить глаза, ведь я понимала: мне – только пятнадцать, и в глазах Лео я – ребенок, что вполне дает ему право наложить свое попечительское вето на мои планы, хотя официальным попечителем он мне никогда не был. В прошлом – Лео просто забрал меня после трагических событий, произошедших в моей жизни и, воспользовавшись неразберихой тех лет, вывез из страны в Индию, а затем – в регион, называемый Южным Тибетом.

Это можно расценивать по-разному, смотря с какой стороны посмотреть...

По сути – он меня похитил, а по факту – спас, присваивая в настоящем – а может, надеясь, и в будущем – право распоряжаться моей судьбой.

Но ведь тогда никто не просил его так поступать!

Это во мне главенствовали эмоции. Конечно, я была благодарна Лео за все, ведь не увези он меня тогда, вполне логично можно предположить, как сложилась бы моя судьба. Вероятно, сменила бы несколько детских домов, поскольку родственников у меня не осталось. А на удочерение какой-нибудь семьей, полагаю, не стоило и надеяться – ведь на тот момент мне было почти пять, а детей такого возраста не особо желают принимать в семьи, предпочитая скорее совсем малюток. Тем более – я была еще тем сорванцом...

Как ни прискорбно это признавать, но сейчас я понимала стремления Лео: он был другом нашей семьи, работал с моим отцом и считал своим долгом позаботиться обо мне, раз я осталась сиротой.

Тем более – он не понаслышке знал, что такое горе. У него самой личная жизнь не сложилась, точнее – сложилась трагически: его жена Катя погибла, как раз в тот год, когда родилась я.

Времена тогда были все еще бандитские, группировки держали многое под своим контролем, рэкет процветал, особенно в регионах нашей большой страны.

Лео на тот момент владел небольшим судоходным бизнесом и часто получал угрозы в свой адрес. И вот однажды, теплым июньским вечером, когда они с женой возвращались с премьеры спектакля, киллер у подъезда расстрелял их джип.

Охранник успел среагировать, Лео уцелел, а вот Катю спасти не удалось, она скончалась в больнице от многочисленных ранений. Весь ужас был в том, что она была на последнем месяце беременности.

Лео рассказывал, что они с женой очень ждали этого ребенка, ведь за год до этих трагических событий погиб их единственный сын – Паша. Ему было всего четырнадцать лет, он разбился на мотороллере друга, залетев где-то в Сокольниках под припаркованный грузовик.

По рассказам Лео, Катя не могла больше иметь детей после первых родов и...

О, чудо!

Спустя столько лет Господь подарил семье счастье, впрочем, которое тут же и забрал.

Не знаю, зачем мне все это рассказывал Лео, но частенько, когда мы совершали с ним пешие прогулки в окрестностях монастыря, он с теплотой и нежностью утопал в воспоминаниях о жене, рассказывал, какой необыкновенной была его Катя. По всей видимости, нынешняя подружка Гита так и не смогла заполнить ту пустоту, которая образовалась в его душе после гибели жены.

Говорят, что в жизни каждого мужчины есть лишь одна королева, остальные – фаворитки...

Наверное, этими воспоминаниями, этими разговорами он не давал прежде всего себе забыть ее образ, улыбку, привычки. Но вот к чему об этом слушать мне – я не понимала; пожалуй, Лео хотел, чтобы память о его Кате жила таким образом и во мне.

Безусловно, я сочувствовала, что жизнь так обошлась с ним, и не сомневалась, что его жена была замечательной женщиной, но, к сожалению, у меня была своя грустная история, и мне было о ком нести память через всю жизнь...

Вздыхнув, я подняла глаза. Мне не хотелось сейчас ругаться с Лео или разочаровывать его, но он никак не мог понять, что как прежде – уже не будет. С каждым днем я чувствовала, как из маленького щенка превращаюсь во что-то более крупное и угрожающее – в волчицу-одиночку, желающую поскорее оказаться на воле, где можно вдоволь поохотиться на того, кого трудно назвать человеком...

– Ну вот и чудесно, – Лео дружелюбно похлопал меня по плечу, ошибочно расценив мой вздох, как окончательное смирение. – Знал, что здравомыслие возобладает над глупыми причудами и ты передумаешь! – он снова заулыбался. – Ведь чтобы добраться до вершины, тебе пришлось бы принять вызов гор! А это, знаешь ли – не шутки.

Я мягко отстранилась, чувствуя, как ногам, пусть и босым, не терпится пуститься в путь, и твердо произнесла:

– Лео, ты не понял меня... Я – не отступлюсь.

Он буквально спал с лица, видимо, с ясностью осознав, что за десять проведенных в монастыре лет я не изменила ни одной мысли, не пересмотрела ни одного желания.

Мы снова уставились друг на друга, пока он не развел руками.

– Умерь свой пыл воображения, Тая. Посмотри вокруг – это реальный мир.

Вот об этом я и думала: «Лео так просто не сдастся, то была просто пауза перед очередным сражением».

– О чем ты? – мои брови сдвинулись в недоумении.

– Кем ты себя возомнила? Ниндзя, самураем, супергероем из комиксов?! Или кем, черт побери?!

Я вглядывалась в мужчину, тщательно пломбирующего свой гнев внутри раздраженного самообладания, и молчала.

– Вот и получай! И знаешь – это лишь начало. – Лео назидательно поднял указательный палец. – Учти, что ты подвергнешься жестким испытаниям. И никогда не сможешь завести себе друзей, а цена ошибки или слабости будет – жизнь! Ты будешь цеплять врагов везде, где бы ни находилась, как бродячий пес цепляет на свой хвост репейники, – Лео перевел дыхание и подытожил. – Если выберешь этот путь, то он будет чреват в будущем разочарованием и душевными муками, тебе не сойти с него до смерти.

– Мои душевные муки исчерпали свой лимит в глубоком детстве, и ты это знаешь, – сдержанно произнесла я.

– Тая, пойми, я не хочу, чтобы ты взрастила в себе зверя!

– Он давно уже пустил во мне корни.

– Тая...

– Лео...

– Давай не будем... – одновременно произнесли мы и, прервавшись, замолчали.

Лео пытался запугать меня, но ему это не удавалось...

Я смотрела на него с сочувствием. Как же далек он был от действительности, рассматривая сейчас ситуацию со мной как глупые шалости взбалмошного подростка, которые легко можно пресечь всякими страшилками вроде темной комнаты или крокодила-мутанта. Несложно представить, какую он выстроил цепочку у себя в голове на мой счет, но явно недооценивал, что происходит на самом деле.

Его сбивали с толку и мой юный возраст и абсолютно не агрессивная внешность: бровки домиком, чуть оттопыренные уши, обритая голова, как у всех здесь, и большие печальные глаза под густыми ресницами. А немногословность, которая всегда ассоциировалась у него скорее с податливостью, и монастырское воспитание прекрасно завершали образ безобидного доброго создания, не держащего за спиной гранату.

Лео не приходило в голову, что однажды запрятав свой замысел глубоко в сердце, я пронесла его через годы, минуя каким-то удивительным образом кордоны монастырского влияния. Проще говоря – он недооценивал и меня, и всю ситуацию.

И мне хотелось заявить ему об этом. Но не для того, чтобы самодовольно ткнуть в ошибки, а для того, чтобы предупредить его самого на будущее, что подобное доверие, подобная недальновидность опасны, а внешность – зачастую обманчива. Конечно, не здесь, не в этой ситуации, не со мной. А где-нибудь там, в его кругах, где как раз вокруг бродит много голодных шакалов, а окрестности бытия напичканы минами. Там, где такие ошибки могут очень дорого стоить, не разгляди он вовремя волка за пушистой овечьей шкуркой.

Как, возможно, не разглядел мой отец...

– Я просто желаю тебе другой судьбы, Тая.

– Какой? Достичь просветления? Здесь? Среди заснеженных вершин и пожилых монахинь?

– Не обязательно.

– А какие у меня есть еще варианты? – делая вид, что торгуюсь, я пыталась хоть на время сбить Лео с толку.

Ведь он пользовался подобными приемами в отношении меня, почему я не могла себе позволить того же?

– Ну... – он замялся. – Не знаю, может, выйти замуж, создать семью. Тая, ты же – девушка, неужели не хочется, чтобы парни приглашали тебя на свидания, задаривали цветами, ухаживали? – это заявление прозвучало до смешного серьезно.

– Замуж? – искусственно хохотнула я. – Полагаю, что за степного волка?

– Хорошо, – Лео выставил вперед ладони. – Признаюсь, я действительно хотел, чтобы ты осталась здесь навсегда, может, это и эгоистично, но в таком случае мне было бы спокойно.

Теперь я не против рассмотреть варианты... Скажем, отправить тебя учиться в престижный университет в Веллингтоне или Сантьяго. Как ты на это смотришь?

– А почему не на Луну? – удивилась я, услышав про самые удаленные точки от Москвы.

– Тая, ну что ты все переворачиваешь! – не выдержал Лео. – Я хочу, чтобы ты была как можно дальше...

– От чего? – с подозрением склонила я голову.

– От всего, что может нести угрозу, – тут Лео резко замолчал и ушел от дальнейших объяснений. – В общем, выбирай, что пожелаешь, на том и порешим, – улыбка надежды коснулась его губ.

– Уже выбрала, – я устала от недопонимания, поэтому мой тон был сухим и даже грубым.

– Тая, но это же смешно, – также устав от спора, Лео запрокинул голову назад. – Ну где ты видела девушек-самураев? И с чего ты взяла, что у тебя получится?

– Разве я сказала, что хочу быть самураем? – пожав плечами, я устало опустила веки. – Лео, все не так. Ты не понимаешь...

– А как, Тая? Чего ты хочешь?

– Тебе известно, чего я хочу. Мои желания не изменились, они по-прежнему те же.

– Наивность на грани слабоумия, – на выдохе произнес он.

– Можешь оскорблять меня сколько хочешь, но это не делает тебе чести.

– Ты просто не знаешь, чем заесть свою боль.

– Ошибаешься...

– Тая, ты должна понимать, что это не самый удачный выбор для девушки в этом мире.

Мы все проходим через подобные ощущения всемогущества на определенном этапе жизни и в определенном возрасте.

– Лео, дело не в этапах и не в возрасте. Это – другое...

– Боже... Ну о чем ты говоришь?! – в недоумении воскликнул он. – Ты понимаешь, что не сможешь выбраться из-под лавины, которую сама же и обрушишь?

Мимо нас прошли две монахини, и Лео им натянуто улыбнулся. Как только они удалились на приличное расстояние и уже не могли нас услышать, он снова перешел в наступление.

– Хотеть легко – трудно пройти этот путь.

– Но не для меня! – взгляд исподлобья был лучшим доказательством слов.

– Ты хоть понимаешь, о чем меня просишь?!

– Но я ничего не прошу, – вкрадчиво произнесла я, оглянувшись, поскольку мне показалось, что к нам опять кто-то приближается.

Я надеялась, что Лео понимает: я не спрашиваю у него разрешения, а просто поддерживаю беседу, инициатором которой, собственно, выступил он.

– Такая одержимость может погубить тебя. Однажды превысишь свои возможности и выйдешь за границы имеющихся у тебя сил – это приведет к непоправимому. Твоя дурацкая система ценностей потянет тебя ко дну.

– Не страшно, я хорошо плаваю.

– До чего ж глупая, очнись же! Ты тонешь в луже собственных фантазий.

Внезапно на меня накатила обида...

Лео был другом моего отца, по крайней мере, я всегда так считала. И странно, что сейчас он делал вид, как будто ничего страшного не произошло десять лет назад. Я понимала, что отца уже нет в живых, и, возможно, Лео пытается позаботиться обо мне, но все же предпочла бы от него слышать другие слова. Мне хотелось, чтобы наш разговор состоялся вовсе не при таких обстоятельствах, и чтобы Лео трепетней относился ко всему, что касалось памяти моей семьи. Требовать этого я, конечно, была не вправе, но делать выводы мне никто не запрещал.

Я нахмурилась, не желая больше дискутировать. Тем более что разговор был бесполезным, мое решение останется неизменным, и – точка! Разговор действительно приобрел оттенок дискуссии и оборачивался против меня.

– Мне нужно идти, Лео, – отрезала я. – Поговорим в другой раз.

Но он не унимался.

– Тая, нельзя прожить всю жизнь на одной ноте. Давай посадим уже этот чертов горящий лайнер здесь и сейчас!

Я устало покачала головой.

– Боюсь, что сегодня у тебя нет второго пилота – придется сажать в одиночестве. Ты так и не услышал меня...

– Услышал! – рявкнул он, понимая, что разговор завершается не в нужном ключе, а изменить его он не в силах. – И прекрасно помню, о чем ты попросила меня много лет назад. И я помню, что дал тебе слово – не переживай, не забудь!.. – Лео взял в свои руки мою ладонь и сменил тон. – Я понимаю твою боль, я знаю, что ты чувствовала тогда, но... Но это всего лишь прошлое... Черт, тебе просто не повезло, но такое случается, это жизнь! И никто не хватает в руки меч и не бежит на край света искать своего обидчика, чтобы отрезать ему голову! – Лео выдохнул и произнес спокойно. – Пора повзростеть. Тебе не кажется?

Я высвободила ладонь и устала в его глаза, мне казалось, что они меняют цвет, как у хамелеона. С тех пор, как Лео стало известно о моих способностях проникать в чужие мысли, он приезжал ко мне в контактных линзах, предварительно разузнав, что для меня это является преградой. Я не собиралась снова пробираться к нему в голову, поскольку дала слово и мы заключили соглашение, нарушать которое было не в моих правилах.

– Лео, а что значит, по-твоему, «повзростеть»? Это что, стереть из памяти дорогих тебе людей и забыть о своих целях?

И хотя Лео уловил стальные нотки в моем голосе после упоминания о прошлом – отступить он явно не собирался, предпочитая надавить, причинить мне любую боль сейчас, если это даст гарантированный результат уберечь меня от смертельной опасности в будущем.

– Это значит – пересмотреть их.

– Хм... – удивленно покачала я лысой головой, – А мне казалось, что повзростеть – это получить шанс воплотить их в жизнь!

– Тая, то, что ты задумала – ни к чему хорошему не приведет!

– Согласна. И я очень на это надеюсь. Но ты, кажется, забыл, что месть – не единственное, что толкает меня в мир. Я хочу найти брата. И запомни... – с обидой прошептала я сквозь зубы. – Моя история – не винтаж и никогда им не будет.

– Тая, послушай... Предлагаю тебе начать все с чистого листа. Это – шанс на новую точку отсчета, на мир новых возможностей, грандиозных перспектив. В твоих руках – быть счастливой, иметь все что хочешь, жить среди прекрасного, пройтись по увеселительным комнатам мира, завести друзей, да и в конце концов расписать свое будущее красивой яркой акварелью. Подумай...

– Мне по душе – квадрат Малевича и одиночество.

– Да е-мое! С тобой невозможно договориться и выстроить конструктивный диалог!

– И не надо... Лео, мы – разные, у нас разные сердца, разные взгляды и разные жизни.

И каждый должен пройти свой путь.

– Надеюсь, что твой – не закончится на краю бездны...

– Даже если и так, – прошептала я.

Еще с минуту Лео сверлил меня взглядом, затем резко развернулся и, запустив руки в карманы, обреченно зашагал к воротам монастыря.

Глава 5

Конечно, я и представить не могла, что остаток путешествия придется преодолевать ползком...

К тому времени позади были километры каменистого нагорья, защищенного со всех сторон могучими хребтами, узкие тропы над краем пропасти, то и дело чередующиеся с опасными подвесными мостками, переброшенными через глубокое ущелье, и крутой подъем по снежному склону.

Мой одинокий путь оживлял лишь беркут, неотступно наблюдающий за мной, да парочка красных горных волков, явно отбившихся от стаи. Они сопровождали меня большую часть светового дня, вероятно, надеясь к вечеру заполнить себе на ужин.

Огромное солнце, словно чужеродная планета, висело низко над головой в виде красного диска, заставляя щуриться одним глазом. Мой второй глаз после неудачного падения с ледяного отвеса скалы прямиком на каменистый выступ практически заплыл полностью, и я мало что могла им разглядеть. Повезло, что высота была не смертельной. Иначе кровоподтеками и ссадинами на голове и лице я бы не отделалась.

Я присела, чтобы перебинтовать ноги – стертые и искалеченные о камни и снежные наросты – и приложить к виску немного снега.

Вот же незадача!

Разбитая бровь все еще саднила, то и дело омывая мою правую щеку кровью. Не мудрено, что волки следовали за мной по пятам – мои окровавленные ступни больше походили на культяпки, обмотанные куском изрядно потрепанной одежды, и, конечно, запах крови не мог оставить равнодушным обоняние хищников. Рванув резким движением еще пару полос яркой ткани от подола, я плотно обмотала ноги.

Сейчас, главное – добраться до цели, хотя предположить, что именно может ожидать на вершине лысую девушку с рюкзаком надежд и амбиций – да еще похожую на боксера после двенадцати раундов боя – было сложно...

Остатки уцелевшей одежды висели лохмотьями, они были перепачканы грязью и кровью – вот тот вид, в котором я, наконец, добралась до вершины.

Сбитые в кровь руки, заменяющие мне истерзанные ноги на последнем отрезке пути – дрожали от перенапряжения и отказывались повиноваться. Я ползла вверх по склону на четвереньках, задыхаясь и хрипя, как раненый зверь. Сжав зубы и сделав последний рывок, отжалась на кулаках от земли и выплюнула из легких порцию воздуха вместе с выбившейся слюной и стоном, больше напоминавшим рык.

У меня больше не оставалось сил...

Уткнувшись лицом в чьи-то пожелтевшие от времени и выгоревшие на солнце башмаки, я попыталась, как младенец, кособоко приподнять голову, чтобы рассмотреть не заплывшим глазом их владельца. Но, почувствовав полное бессилье, изможденное тело предательски обмякло в пыли у ног неизвестного мне человека и у копыт мохнатого существа.

Меня перевернули на спину и, взяв руку, потрогали пульс. Затем ударили по щеке – раз, другой...

Вернуться вновь к реальности мне помогла пиала с водой, поднесенная к пересохшим губам. С жадностью присосавшись к глиняному краю посуды, от которой специфически пахло травами и слабой надеждой на гостеприимство, я услышала строгий голос:

– Если ждешь камин, Верди и вишневый сад за окном – то пришла не по адресу.

– Не видела ни первого, ни третьего и не знакома со вторым – с трудом прохрипела я, разглядывая человека, поддерживающего мою голову большой узловатой рукой.

Голос исходил от мужчины крепкого телосложения. Он был лысым, как и я. Смуглым цветом кожи походил на коренного жителя, но точно не был тибетцем. Не походил он и на славянина, скорее – был казахом или бурятом, хотя ни тех, ни других я до этого не видела. Черты мужественного лица были правильными, но несколько крупноватыми. Определить возраст на первый взгляд было непросто, да и к тому же я была на грани потери сознания. Мне не терпелось погрузиться в незнакомый для меня разум, но в следующее мгновение – я тряхнула головой, надеясь хоть немного восстановить четкость мышления.

Не с этого нужно начинать знакомство с человеком, в котором вижу великого учителя...

– Раз шутишь – значит, будешь жить. Но быт здесь суровый, если боишься испытаний – иди прочь, – сухо произнес мужчина.

– Не боюсь, учитель, – мой хриплый и слабый голос был не похож сам на себя.

– Хорошо, – коротко бросил он, разглядывая мое побитое лицо. – И – запомни... – он выдержал паузу, сурово сдвинув брови. – Для тебя здесь пока нет учителей.

– Берегись! – закричала я, схватив первый попавшийся под руку булыжник, заметив, как огромный беркут с шумом пикирует прямо на нас.

Мужчина обернулся и захохотал, а птица, легко увернувшись от брошенного мной в нее камня и плавно погасив скорость, приземлилась прямо за спиной учителя. Скептически осмотрев свой несостоявшийся обед в моем лице, беркут неспешно и вальяжно направился в сторону хижины.

– Это – Покер, – кивнул на хищную птицу хозяин вершины, – Надеюсь, что вы с ним поладите...

Я с интересом разглядывала склонившегося надо мной человека. Вот это взгляд! – не унималось сознание. До этого дня мне не приходилось встречать людей с таким пронзительным взглядом и редким цветом глаз, кажется, они были медово-золотистыми. Взор был строгим, но излучал благородство и отпечаток внутренних тайн. А еще меня поразила необыкновенная умиротворенность, исходящая от этого человека, несмотря на явно скудные условия жизни. Облик мужчины говорил о его силе – не только внешней, но и внутренней. И я могла поспорить, что последняя имела не меньшее значение. Странно, но рядом с ним я ощутила абсолютный покой, словно меня окутало облако огромной жизненной силы.

Мужчина поднялся и подал мне руку, очевидно, чтобы я за нее уцепилась. Но я проигнорировала этот жест и поднялась на дрожащие ноги без его помощи.

– Вижу – с характером... – хмыкнул он. – Ну-ну...

И человек, развернувшись, направился в хижину. Маленькие копытца, принадлежащие горной козе, потрусили за ним.

* * *

Последующие месяцы я прожила – не имея практически ничего, кроме металлической миски и тишины – на сухом каменистом плато с довольно крутыми склонами в небольшой хижине удивительного человека – моего учителя.

Мои занятия отличались от общепринятых форм обучения подростков в цивилизованном мире, и мне это нравилось. Трудности не пугали, жизнь представила нас друг другу еще задолго до этого момента – монастырь научил многому, дав хорошую базу для закалки характера.

Теперь же оставалось наконец-то встать на путь, выбранный сердцем, и погрузиться в мир ученика великого мастера.

Мои желания никуда не испарились, как предполагал Лео, наоборот – я стала еще больше одержима идеей: вернуться однажды в цивилизацию с зажатым в кулаке всесокрушающим возмездием и вонзить его острый клинок в сердце врага. Только так смогу спокойно жить дальше, только так обрету душевный покой, победоносно торжествуя над свершившейся расплатой за чудовищное злодеяние, предотвратить которое не смогла, будучи ребенком.

Сей-Ман – так звали моего наставника, моего учителя. Непревзойденного мастера, владеющего секретными знаниями и стилями в боевом искусстве – пенчак-силат. Именно о нем ходили легенды в монастыре среди монахинь, и именно о нем мне рассказывал могильщик Норбу.

Одну из этих легенд помню очень хорошо...

Поговаривали, что однажды, когда мастер жил еще в провинции среди людей, на их деревушку напала банда неизвестных, хорошо подготовленных и вооруженных людей. Доброжелательные жители, занимающиеся исключительно земледелием и скотоводством, не могли понять, что понадобилось этим головорезам – ведь кроме овощей, молока, мяса и шерсти взять у них было нечего. Сей-Ман сразился с шестью бойцами одновременно, и все они были мертвы уже спустя несколько секунд после начала поединка, а остальные – позорно бежали...

Вскоре после этого Сей-Ман покинул деревню, предпочтя жизнь отшельника.

Монахини поговаривали, что этот человек мог одним ударом мгновенно парализовать или даже убить любого, поскольку владел знаниями обо всех жизненно важных точках человеческого тела и способах воздействия на них.

Выяснился и еще один интересный факт...

Оказывается, именно с Сей-Маном каждый раз встречался Лео, когда прибывал сюда на Южный Тибет и когда после проведенного со мной времени в монастыре уходил куда-то в горы. Пещерная хижина, расположенная ниже в ущелье, на довольно-таки приличном расстоянии от вершины – где постоянно проживал учитель – была своего рода стыковочной базой для совместных медитаций и разговоров этих двух, казалось бы, абсолютно разных мужчин.

Интересно, о чем Лео говорил с Сей-Маном? Откуда он его знал? И почему вообще Сей-Ман шел на эти встречи, будучи затворником от всего остального мира?

Вопросов было много, но ответы пока отсутствовали...

С первого дня я старалась отдавать себя всю без остатка урокам учителя, жадно впитывая каждое слово, слетавшее с его губ, запоминая каждое движение, отслеживая каждый взгляд. Старалась ни на шаг не отходить от него, чтобы как можно скорее овладеть тайными знаниями.

Всегда с интересом наблюдала, как тренируется он сам, и чересчур усердствовала, пытаясь повторить за ним все движения точь-в-точь, завоевав таким образом его расположение, что явно было непросто. То, на что отводились месяцы – мне хотелось познать за несколько дней, я уверенно полагала, что мое стремление, мой искренний порыв, моя страсть к искусству силата сократит сроки обучения. И была готова ко всему: слышать треск собственных костей, чувствовать, как рвутся мышцы от перенапряжения, практически не есть и не спать...

Хотела посвятить каждую минуту пребывания здесь – обучению. Но Сей-Ман от случая к случаю упоминал лишь об основах, которые должны были во мне осесть первостепенно. Он говорил о безупречном владении любыми своими чувствами и о доброте свершаемых поступков.

Наше общение с учителем было скудным и немногословным – так повелось с первых дней. Если я пыталась задавать вопросы, он становился холодным, отрешенным и задумчивым, а иногда казалось, что и вовсе избегал встреч со мной, если такое можно вообразить, проживая вместе под одной крышей маленькой хижины на крохотном плато.

Порой создавалось ощущение, что ему большее удовольствие доставляет общение со Скурудж, чем со мной: маленькая гималайская горная коза являлась для нас источником молока и, по всей видимости, незаменимым другом учителя.

Я терялась в догадках и утопала в размышлениях: чем же заслужила такое отношение к себе?

Возможно, моя спешка в подходе к изучению силата так раздражала учителя и вызывала недопонимание между нами...

Однажды я спросила его:

– Почему мы практически не разговариваем?

На что он ответил простой фразой:

– Одной из главных составляющих искусства является традиция молчания ученика, считается, что вопросы и любознательность происходят от шайтана. Я сам расскажу то, что нужно в соответствующий момент, в соответствии с уровнем знаний и умений ученика. Это понятно?

Мне оставалось лишь кивнуть...

Я понимала, что учитель – прав, но все чаще стала задумываться о том, что наши занятия скорее напоминали какую-то бутафорию – меня в них практически не было. Учитель много времени посвящал своим тренировкам, но меня в них брать не спешил, как будто не желая делиться тем, чем в полной мере обладал сам. Словно я не нравилась ему, словно считал, что я не достойна его времени, словно я была абсолютно не выгодным вкладом для его драгоценных познаний.

Мелькали всякие мысли, в том числе и такая: возможно, он не желал раскрывать свои уникальные элементы и знания, чтобы впоследствии я, а также и никто другой – не могла бы бросить ему вызов, и чтобы в случае чего он мог всегда одержать верх?

А может, он просто не верил в меня, как не верил Лео...

Я пыталась разглядеть ситуацию под разным углом – и так, и сяк – но не понимала, что происходит. Это угнетало, поскольку в моем представлении тандем из учителя и ученика был невероятно важной частью обучения. К тому же, несмотря на отсутствие расположения, учитель не прогонял меня за порог.

Конечно, не мне судить, как должны проходить занятия, но мои сводились лишь к растяжке, отжиманию, бегу по склонам и ношению воды в ведрах на коромысле, хотя имелся шланг, протянутый от родника к дому. Но Сей-Ман для чего-то заставлял меня пользоваться этим странным устройством, которое ранее мне встречалось лишь в детстве на страницах сказок.

А вот чего у меня было в избытке – так это примитивных и бесполезных, на мой взгляд, дел, повторяющихся изо дня в день. Сей-Ман заставлял меня по пятьдесят раз на дню делать одни и те же вещи: кипятить воду, остужать воду, снова кипятить и снова остужать, выкапывать яму и сразу забрасывать ее землей, вновь приступая к раскапыванию новой спустя мгновение.

Я часто психовала, уставая от монотонной бесполезной работы. И, отшвыривая надоевший котелок в сторону, обжигала руки, бурча про себя гневные ругательства. А однажды заехала себе в глаз лопатой, с остервенением копая пятнадцатую яму на дню, следствием чего послужил знатный фингал, с которым проходила неделю.

Обычно после такого всплеска эмоций учитель ничего не говорил, лишь добавлял мне новый урок – бросать камни в пространство до тех пор, пока рука не повисала жалкой плетью от бессилья и изнеможения. Очевидно, он считал мои стремления овладеть искусством супербойца – тем более в сжатые сроки – ветренными и несерьезными, в отличие от моего внутреннего настроения.

В тот момент мне было сложно понять: почему мы не можем практиковать физические упражнения каждый день, почему мы иногда внезапно останавливались и долгое время «топтались на месте», изучая никому не нужные теории.

День за днем учитель рассказывал об одном и том же: об основных элементах силата – пассанг, лангка, джуру, а также и их многочисленных сочетаниях – бунго. Казалось, что я поглощаю их на завтрак, обед и ужин, в то время как боевое применение – буах – так и не проникало в мою жизнь.

Я давно уяснила, что внешне привлекательные и даже танцевальные традиционные движения бунго, за которыми скрываются грозные боевые приемы, являются характерной чертой пенчак-силата, отличающей его от других восточных боевых искусств. Но мне хотелось уже

скорее перевернуть эту страницу и перейти к следующему этапу, где характерной особенностью силата – для завершения атаки – являлось добивание противника.

Почему вместо того, чтобы скорее двигаться вперед и приобретать все больше и больше навыков, наставник отбрасывал меня назад или вовсе заставлял пребывать в молчании на протяжении нескольких недель?

О какой силе подсознания, интуиции и выдержке он говорил, когда я уже закалена, как сталь, с самых юных лет?!

И каким образом гармоничное существование может оказаться гораздо важнее в бою, чем виртуозное владение своим телом и оружием?

Мне хотелось двигаться к поставленной задаче вопреки всему и как можно быстрее, словно я была гонимая и впереди у меня маячила дичь.

Ведь я и так потеряла много времени, изучая год за годом унылые монастырские практики, загружая свой мозг с утра до вечера молитвами и ретритами. И только засыпая я видела, как заносу меч возмездия над одним и тем же человеком. В этих навязчивых полуснах, порой напоминающих галлюцинации, он всегда стоял спиной – я не видела его лица, но зато остро чувствовала запах. Такой запах выделяют апокриновые железы человека в момент сильного страха – страха перед неизбежностью смерти. На протяжении долгих лет этот смрад навязчиво крутился в моих ноздрях – рефлекторно напоминая о страшном прошлом...

Я очень надеялась, что однажды мои видения станут явью. Что наступит день, когда я – подобно наркоману – сладострастно втяну ноздрями этот смрад наяву и в томительном предвкушении расплаты, обнажив свой кукри, неспешно начну приближаться к его источнику.

Тревожило лишь одно – упущение времени!

Это то, над чем ни я, ни одно живое существо было не властно...

Я переживала, что упущу момент, и все, ради чего, сжав зубы, я пропустила удары судьбы на протяжении долгого времени, вдруг в один миг станет бессмысленным!

Именно поэтому хотелось торопиться, необходимо было как можно скорее пройти этап «огня, меча и скорости».

Поднимаясь сюда, на вершину, я понимала, что обучение не будет легким и что оно должно занять время, но...

Но проживая день за днем, здесь – в этом каменном царстве, окруженном заснеженными пиками – я не понимала: к чему терять столь драгоценный ресурс, который вовсе не безграничен?

Зачем прозябать в пустых делах, если можно от рассвета до заката упражняться в навыках, которыми в совершенстве владел Сей-Ман? И которыми, я надеялась, поделится со мной, пропитав настолько, что их излишек потечет у меня из ушей.

Вот чего я ожидала и чем готова была наполниться до краев – секретами жизни воина. Я хотела, раскинув руки и запрокинув голову к небесам, впитать каждую каплю этого ценного эликсира.

Но учитель не спешил наклонять свою «лейку знаний», чтобы заполнить мой жаждущий сосуд секретным зельем. Чаще она стояла в стороне без действия, попадая под теплые солнечные лучи днем и таинственное сияние звездного неба ночью. А я все кипятила воду и бросала в пространство камни.

Это не давало мне покоя...

И, конечно, Сей-Ман замечал и чувствовал мое внутреннее негодование...

Но почему же тогда не торопился дать то, что я желала больше всего на свете, то, за чем однажды поднялась на эту вершину?

Терпение и смирение на тот момент виделись мне как абсолютно ненужные атрибуты в арсенале воина. Я была сыта этой добродетелью за долгие годы в монастыре и тратить на

такую ерунду время здесь не планировала. Мой организм был полон сил, хотелось постоянного движения, и – определенно, как мне казалось – я была готова ко всему.

Поэтому – несмотря на то, что пребывание здесь располагало к размеренному и замкнутому образу жизни – я все время пыталась опережать время, чувствовала себя полностью созревшей для личных подвигов и желала поскорее заглянуть во все возможные закоулки опасностей. Я пыталась, не закончив «начальную школу», поступить в «университет», полагая, что это – в моих силах, и не догадываясь, что сильно ошибаюсь на этот счет.

* * *

– Ай! – воскликнула я, наступив в очередной раз на что-то мягкое и меховое, едва переступив порог.

Опять задушенная живность!

– Учитель, – выбрав момент, я подошла к Сей-Ману, когда он стоял на краю южного склона. Его глаза были прикованы к небу, а мощные руки за широкой спиной сцеплены в замок – этот человек источал спокойствие и силу.

И в данный момент походил на древнего философа, мысли которого были устремлены в облака, что еще больше окутывало его ореолом тайны, возвышая над миром естественного. Иной раз мне казалось, что вокруг учителя активизируются все природные энергии и вибрации, подстраиваясь под его действия, чтобы дышать и двигаться с ним в унисон.

Янтарные глаза, излучающие уверенность и мудрость, среагировали на мое обращение – густые ресницы едва шелохнулись, а я...

Я разглядывала ставшее мне уже родным обветренное загорелое лицо с мелкими морщинками в уголках глаз: слегка приплюснутый нос, широкие выступающие скулы, испещренные маленькими оспинками, широкие плечи, волевой подбородок – учитель не был красив, но от него веяло невероятным благородством, надежностью и воспитанием. Это подкупало сильнее физического обаяния. Ну и – конечно же! – харизма, которой он, несомненно, обладал.

Такие люди, как Сей-Ман, всегда притягивают внимание других, потому что знают себе цену и идут исключительно своим путем, не обращая внимания на заносчивые ветра людских слабостей и противоречий.

И еще...

Он был достаточно молод для затворника.

В моем представлении все сенсеи были если не стариками, то достаточно преклонного возраста – Сей-Ману же было едва за сорок.

Думаю, если бы он был лет на пятнадцать моложе, – не раздумывая, влюбилась в него.

Взволнованная предстоящим разговором, я покосилась на непроницаемый лик учителя и тоже уставилась вдаль, где заснеженные пики гор сливались с небом. Смуглая лысая голова и коренастая фигура, облаченная в кашаю из ярких красных лоскутков, величественно возвышалась сейчас на горе и очень гармонично вписывалась в окружающие пейзажи на фоне багрового заката.

– Я слушаю, – тихо произнес он, разглядывая крошечные белые домики у подножия, которые в ночные часы превращались в таинственную цепочку огоньков.

– Ветрено, – брякнула невпопад я, не решаясь сразу спросить о насущном.

– Пришла поговорить о погоде? – его губы растянулись в саркастической улыбке.

Я кратко вздохнула – понимая, что несущую чушь, – набрала в легкие воздуха и отважилась.

– Нет, не о погоде. Хотела уточнить, когда мы... – пронзительный взгляд Сей-Мана не дал договорить.

Поежившись, я растерла плечи и перевела взгляд на Скурудж, которая лежала у ног учителя, словно собачонка, и посматривала то на меня, то на него.

– Видимо, действительно ветрено, – и снова слова прозвучали с иронией.

Я пропустила ее мимо ушей и решила зайти издалека.

– Скажи, почему ты стремишься жить в максимальной изоляции от мирского общества? И для чего забрался так высоко?

По всей видимости, вопрос прозвучал для учителя неожиданно, он бросил удивленный взгляд, но ответил:

– Для меня дом – это целый мир, Тая, в котором нет преград и границ. А забрался так высоко – чтобы туристы не беспокоили.

Ох уж это восточное мышление не разумом, а телом и духом!

Как же хотелось проникнуть в голову учителя и посмотреть на мир его глазами! Но не смогу себе позволить подобного никогда: глубочайшее уважение к этому человеку перекрывало мой праздный интерес.

– Ты ведь пришла поговорить не об этом, верно? – он перевел взгляд в небо, где над долиной кружил Покер.

Зрелищем можно было наслаждаться неустанно. Величественная птица с огромным размахом крыльев в два метра сейчас казалась крохотной в бескрайнем пространстве безоблачного полотна.

– Скажи, как тебе удалось его приручить? – качнула я головой в сторону беркута. – Ведь это же хищная дикая птица.

– Приручить? – удивляясь, переспросил учитель. – Я никого не приручал, Тая. Это его выбор.

– Ого, – оживилась я в надежде на интересную историю. – Но он же не прилетел сюда к тебе, чтобы вальяжно прохаживаться рядом и угощаться из твоих рук. Верно?

– Верно, – терпеливо произнес Сей-Ман. – Я спас его, когда он был птенцом.

– Ну, конечно! – воскликнула я. – И как мне не пришло это в голову сразу?

– Не знаю, – подначил учитель.

– Очень смешно... – шутливо возмутилась я, картинно закатывая глаза. – Знаешь, не все такие умные и проницательные, как ты!

Сей-Ман смотрел безотрывно, и я заволновалась.

– М-м, ладно... – зрительный контакт пришлось прервать, хотя, надо признать, он был мне приятен. – Расскажи лучше, как это было?

– На равнине, что по дороге к ущелью, волки пытались его разорвать, я их отогнал, забрал его в дом, подлечил крыло и выпустил на свободу, решив, что он улетит. Но он решил остаться. Улетать – улетает, но надолго не пропадает. Я и сам удивлен, поскольку эти птицы очень чувствительны к беспокойству со стороны человека.

– А зачем он бросает к порогу нам разную живность?

– Так повелось с самого начала, как только он выздоровел. Наверное, полагает, что иначе могу умереть с голоду. Подкармливает. Раньше, кстати, приносил реже, теперь, видимо, смекнул, что я обзавелся самкой, скоро пойдут птенцы, надо кормить чаще, – губы Сей-Мана растянулись в улыбке, и я залюбовалась этим зрелищем.

Какой же он...

Мужественный и по-своему красивый!

– Прости, самкой – это мной? – неуклюже поинтересовалась я.

– Тая, я озвучил всего лишь мысли птицы. Не стоит заострять на этом внимание.

Мне стало неловко, учитель поймал мой изучающий взгляд, и я потупила взор.

– Итак... – понизив голос, Сей-Ман в одно мгновение переключил тему. – Чем могу помочь?

– Э-э... Не уверена, что...

– Спрашивай, что хотела. Птица ведь здесь ни при чем, так?

– Ни при чем, – тихо согласилась я. – Хотела спросить, что гласит эта надпись, ее сделал ты? – я кивнула на хижину, где над входом висела длинная доска с вырезанными и непонятными для меня обозначениями:

पूर्वबाट परिवर्तनको हावा बहन्छ

– Да, это вырезал я. Надпись сделана на непальском – переводится примерно как «ветер перемен дует с Востока».

– В этом есть какой-то особый смысл?

– Нет, – с улыбкой ответил учитель. – Это достаточно расхожее выражение. А теперь я тебя слушаю, о чем ты хотела спросить на самом деле.

Эти слова заставили меня прерывисто вздохнуть.

– Учитель, я здесь уже четыре месяца и переживаю, что совсем не изучаю силат.

– Силат? – неожиданно громко воскликнул он. Брови мастера шевельнулись от удивления, заставляя насторожиться. Интересно, он понимает, о чем я?

– Да... Силат. Я хочу...

– Забудь это, – резко прервал он.

Вздрогнув всем телом, я буквально оцепенела, в мозгу стучала лишь одна мысль: «Неужели напрасно проделала такой путь?»

Но тогда учитель был не вправе молчать об этом с самого начала.

– Что значит – забыть? – всматриваясь в строгое лицо, я искала ответ на свой вопрос.

Сей-Ман искренне удивился:

– Ты действительно не понимаешь, почему мы не изучаем силат?

– Нет, – еле слышно пролепетала я, и Сей-Ман смерил меня взглядом, словно таракана. – Да, не понимаю! – не желая выглядеть в его глазах насекомым или пресмыкающимся, твердо и уже достаточно громко заявила я.

– Тая, – он прищелкнул языком. – Если не знаешь себя, к чему все остальные знания?

– Учитель, не понимаю, поясни. Ведь, поднимаясь сюда, я надеялась стать лучшей из лучших. Познать силат, да и все секреты мастерства, которыми владеешь ты!

Он устало вздохнул и, прежде чем произнести следующие слова, долго и испытующе перебирал меня взглядом.

– Ты поглощаешь все без разбора, словно всеядное животное, хватаешься за пустое, как рыба за воздух, не освоив одно – бросаешься на другое...

– Но я просто хочу скорее стать мастером, как ты!

– Забудь это слово! – рявкнул он.

– Какое?!

– Хочу!

Я замерла, понимая, что в следующий момент могу услышать вовсе не то, чего бы хотелось. Одно слово учителя – и моя дальнейшая судьба может сложиться совсем не так, как я предполагала. Вмиг скачусь с этой горы, как сноубордист, преследуемый медведем. В монастырь обратно не вернусь, следовательно – мне предстоял путь в неизвестность, что абсолютно не пугало, но нарушало планы.

Не желая перечить учителю и раздувать конфликт, я резко замолкла.

Сей-Ман смягчился и с пониманием произнес:

– Не переживай, увеличим тренировки, но ты должна отбросить глупый кураж и научиться чувствовать мир на инстинктах.

– Это как? – робко спросила я.

– Это значит: парить, как Покер, высматривая добычу. Он же не думает о том, как удержаться ему в воздухе и не упасть, пока занят поиском суслика в траве. Старайся видеть глубже, выходить за рамки очевидного, щупать, анализировать. Каждое твое действие должно безболезненно состыковываться с твоими желаниями, возможностями и намерениями. Скажу тебе, что очень помогает в этом деле: уединение, сопровождаемое постом, молитвой и медитацией, ну, и, конечно, мистика. Это способствует отделению батин от захир.

– Что это такое? Батин и захир?

Учитель вздохнул.

– Это означает, Тая, что нужно для начала научиться отделять внутреннее от внешнего. Батин – корень слова «кебатинан». Основная цель кебатинан – сделаться неуязвимым для врага.

– Хорошо, но объясни: к чему все эти премудрости? – возвела я руки к небу. – Взять хотя бы этот чудной танец – кембанган – который исполняют в состоянии транса. Какое-то шаманство и язычество, честное слово! Ведь есть кулак, нож и свинец – что может быть надежнее? Зачем вся эта показная атрибутика в пенчак-силате? Поясни...

– Подобные ритуальные танцы часто выполняют перед началом боя и в тайском муай-тай и в японском сумо. И ничего чудного в этом нет, – сдержанно произнес он. – Мастера боевых искусств должны владеть не только искусством боя, но и многим другим. Например – искусством исцеления. Ведь даже в процессе тренировок неизбежно происходят травмы – от ушибов до переломов – что уж говорить о боях. И поверь, врачевание является основной функцией во многих стилях силата. Многие до сих пор изучают магию и используют амулеты для приобретения силы и защиты от злых духов, а также осуществляют исцеления с помощью сеансов, заговоров, молитв и трав.

– Но зачем мне знать врачевание, я не собираюсь лечить своего врага, я хочу убить его. А друзей у меня нет, значит – мне это ни к чему. Позволь мы пропустим эту часть с танцами и знахарским делом? – уныние проступило в моих глазах, и я поджала губы, демонстрируя всем своим видом скуку.

В разговоре возникла пауза...

Сей-Ман ничего не ответил, он лишь пристально и долго меня разглядывал, словно пытался проникнуть в мои мысли.

Как такое может происходить – мне хорошо было известно!

И хотя я понимала, что такой дар почти никому не доступен, но все же мне стало как-то не по себе, и я поспешила кашлянуть, чтобы вернуть внимание учителя к разговору.

Он неохотно встрепенулся и продолжил, как ни в чем не бывало:

– Итак, Тая... Запоминай. В силате выделяют четыре аспекта: самозащита – беладири; спорт – олахрага; танец – сени; духовный аспект – ильму. Каждый стиль силата – алиран. И обычно он концентрируется на каком-то одном из этих аспектов. Все взаимосвязано. Это синтез. Ты понимаешь?

Учитель отвернулся и снова уставился в небо. Создавалось впечатление, что он прикидывает, взвешивает каждую фразу, задумываясь: «А стоишь ли ты того, чтобы в тебя вкладывать эти знания?»

Я полагала, что продолжения уже не последует, но спустя пару минут он произнес:

– Ты должна всегда осознавать, что любой бой – это пограничное состояние между жизнью и смертью. Победа требует концентрации всех сил, включая невидимые, искусство управления которыми в силате называют ильму.

– Это все понятно, но как-то скучно, – торопливо произнесла я. – Вот, к примеру: много читала о боевом стиле кунтао, он вроде схож с кунг-фу, мне бы очень хотелось стать мастером в нем, не растрчивая время на танцы и ильму, – посмотрев ясными глазами на Сей-Мана, произнесла я. – Ведь ты сможешь мне стать в нем мастером?

Сей-Ман изумленно покачал головой.

– Тая, существует множество стилей пенчак-силата, все они имеют значительные технические отличия, но каждый имеет два основных раздела – бой без оружия и бой с оружием.

– Хочу стать сильной и ловкой, все равно как! – нетерпеливо выпалила я, но заметив, что Сей-Ман недовольно поджал губы, притихла.

– Любой человек, рожденный на Земле, уже изначально обладает внутренней силой естественным образом. Пенчак-силат просто помогает пробудить эту силу, накапливанием и развитием, через набор упражнений и другие аспекты, – совершенно серьезно пояснил он, положил пальцы в уголки глаз и обреченно вздохнул. – Тая, ты начала не с того...

– Учитель, я начала познавать жизнь совсем не с того, с чего должна была. Слишком многое пережила за детские годы, и лучшими их не назовешь.

Это был шанс оправдаться, но Сей-Ман развел руками.

– Ждешь, чтобы пожалел тебя?

– Да нет же! – горячо запротестовала я, жалея, что произнесла эти слова.

Учитель покачал головой, и я знала почему – он презирал вспыльчивость.

– Вовсе нет, – уже на полтона ниже подтвердила я эмоциональное опровержение.

Было обидно, что мои слова учитель расценил как слабость или желание вызвать жалость. Это был аргумент – не более...

Я не нуждалась ни в чьем сочувствии: ни тогда – в далеком детстве, ни тем более – сейчас.

– Хорошо, – кивнул он. – Тогда слушай... Все что ты должна – это побороть свои искушения. У тебя есть минимум три года. Только так сможешь стать тем, кем задумала. Если этого не произойдет, и будешь полагаться только на одержимость – рано или поздно проиграешь. Сила духа – вот что должно стать твоим источником уверенности и силы. Ты и Вселенная – единое целое, помни об этом каждый день, и однажды это станет правдой.

– Но я верю в... – наткнувшись на ледяной взгляд, я осеклась.

– Сейчас у тебя нет религии, Тая...

Что значили эти слова?

Я хотела понять, но не понимала...

– А как же...

Теперь уже учитель без стеснения остановил мой невысказанный вопрос жестом.

– Иди кипятить воду.

Я несколько секунд буравила его взглядом, затем развернулась и молча зашагала прочь, чувствуя на своем затылке укоризненный взгляд. Будь моя жизнь другой – по щекам заструились бы слезы, но сейчас в моем горле стоял лишь острый ком обиды.

Глава 6

Прошло полгода, и на одно занятие у меня стало меньше – Сей-Ман не заставлял больше кидать в пространство камни. Возможно потому, что я перестала выходить из себя, даже если он заставлял кипятить и остужать воду целый день. А спустя еще какое-то время – и все остальное начало меняться в лучшую сторону удивительным образом. . .

Сей-Ман действительно стал посвящать тренировкам со мной достаточно много времени, оценив мою усидчивость, внедряя каждую неделю что-то новое в наши уроки.

Я чувствовала, как наполняюсь энергией гор, становлюсь сильнее день ото дня, укрепляя накопленные навыки. А Сей-Ман придавал мне новые импульсы к постепенному развитию.

Мы часто вместе медитировали. Правда, о чем думал учитель в такие моменты – не знаю, но точно не о том, о чем думала я. Я присутствовала на уроке физически, но мысленно его прогуливала. Смириться с многочасовой и, как мне казалось, пустой тратой времени было сложно. Эти часы действовали на меня утомительно. К тому же, если честно, то все эти ретриты и медитации приелись еще в монастыре.

Зато я обожала участвовать в различных спаррингах с учителем, бегать, прыгать, застыть в воздушной растяжке и осваивать новые захваты и болевые точки. И даже полюбила вместе с Сей-Маном обливаться ледяной водой.

Помню, как он сказал, что ко всему можно привыкнуть. И действительно – я привыкла и к этому.

В эти моменты мы сближались с учителем, но, к сожалению, лишь на время. Как только все заканчивалось, чувствовала, что он снова сторонится меня, не желая лишний раз вступать в контакт.

Я часто и много об этом размышляла, приходя к выводу, что своим появлением нарушила привычный ритм существования этого человека и вынудила его, пусть и временно, но отказаться от жизни, которую он однажды предпочел.

Печально было то, что мы практически не разговаривали. А ведь мне не терпелось спросить его о некоторых вещах, так сказать, «копнуть почву», из которой произрастали и такие справедливые взгляды, и такие удивительные мысли. И заодно – зарядиться мудростью, проникая в поучительные истории – уверена, у таких людей, как мой учитель, их припасено было в большом количестве.

Да и в конце концов – я просто ничего не знала о человеке, с которым проводила каждый день своей жизни!

Была ли у него какая-то мечта или тайные желания?

Как он жил до этого, чем занимался и болел ли в детстве скарлатиной?

Хотелось знать о нем все. . .

Но учитель не пускал в свой мир, отгородившись с самого начала высокой прочной стеной и выставив у ворот надежных часовых. Я мечтала опить их сонным зельем или сделать хотя бы какой-нибудь подкоп, но ничего не выходило.

С самого детства мои собственные правила гласили: «Никакого интереса к жизни других людей!»

Но в этой ситуации я, кажется, готова была их нарушить. Возможно, это шло от обратного – меня беспокоило чувство доверия к этому человеку. И хотелось бы знать, что несет в себе тот, кому доверяю вопреки своим жизненным принципам. Я была закрыта для любого, но Сей-Ман, не прикладывая ровным счетом никаких усилий, заставлял меня расслабляться и терять бдительность.

Это было странно вдвойне, если учесть, что нас свело изучение одного из наиболее опасных боевых искусств, которое отнюдь не располагает к мягкости. Я старалась держать себя в

тонуше подозрительности и настороженности, но не могла противостоять чувству доверия – замечая, что с каждым днем оно все больше завладевает мной.

* * *

– Тая, смотри под ноги! – Сей-Ман оборачивался на бегу. – Выше колени! Смотри по сторонам.

Как можно делать это все одновременно?

Я очень старалась, но за всем сразу уследить не получалось...

– Ты должна видеть, что происходит вокруг. Чувствовать, что под твоими ногами, слышать, что творится над головой, улавливать каждое движение сбоку, – Сей-Ман повернулся полностью ко мне и продолжил бежать спиной по неровной тропинке, которая уходила резко влево и вниз. – Поверь, периферическое зрение очень важно!

– Осторожно! – мои брови взметнулись вверх, я хотела предупредить учителя о резком изгибе тропинки, о котором возможно, не подозревал.

Но он как ни в чем не бывало безошибочно двигался спиной по ходу движения.

Я бежала за ним, недоумеваю – как такое возможно?

У него что – на затылке есть пара перископов?

Сей-Ман молча указал пальцами на глаза, заставляя меня этим жестом быть крайне внимательной.

– Да смотрю, смотрю! – заверила я, чуть не врезавшись в поваленное дерево, которое учитель благополучно перепрыгнул, не испытывая проблем.

После чего я на полном серьезе задумалась: «Смогу ли я стать такой, как он?»

В данный момент Сей-Ман походил скорее на неземного киборга, чем на человека...

И если до этого я была уверена, что все смогу, то сейчас ко мне впервые прокрались сомнения: «Что, если задуманное не получится? Нет! – тут же отбросила я предательские мысли. – Я не должна об этом думать, я – смогу, я – сильная и ловкая, у меня есть цель – обязательно ее достигну!»

– Зачем тебе это? – только сейчас заметила у него на поясе толстую веревку.

– На всякий случай, – отрывисто бросил учитель. – Смотри под ноги, Тая! Не витай в облаках.

– Я смотрю, учитель, смотрю... – уныло протянула я, скорее, чтобы отвязаться от его постоянных напоминаний.

Сей-Ман поравнялся со мной и, развернувшись, побежал рядом, снова обретая в моих глазах облик человека.

– Не отвлекайся на меня. Продолжай следить за всем, словно ты здесь одна. Это пригодится тебе в миру. Ты должна быть там внимательна вдвойне, обращать внимание на события, происходящие вокруг тебя, держать в поле зрения каждую собаку, дуновение ветра, запоминать всех, кто просто проходил однажды мимо, просил милостыню на углу или добавлял сироп тебе в капучино. Всех! Даже самые малые странности или совпадения могут нести в себе нужную тебе информацию. Случайности – не случайны. Важно иметь чуткость – чтобы их увидеть, и мудрость – чтобы понять. Если ты не научишься правильно действовать в различных ситуациях – путь твой будет не долог.

– Ясно, – вздохнула я. – Сей-Ман, а какая самая главная мышца в теле человека? – стараясь не сбить дыхание болтовней, спросила я.

– Выносливость, – шутливо произнес учитель.

Мы направлялись к озеру. Учитель называл его «Бакча», оно было настолько чистым и прозрачным, что не видно было переходов, где кончается вода и начинается берег. Сегодня Сей-Ман обещал мне преподать урок на пеньках, торчащих из воды...

Однажды я видела, как, тренируясь, он ловко проходил этот непростой участок, перепрыгивая с одного маленького столбца на другой. Его скорость была невероятной, я тут же захотела попробовать, но тогда он упредил, что я еще не готова, мое время придет позже.

И вот сейчас, к моей радости, настал тот день!

Я бежала в радостной эйфории к прозрачным водам озера, предвкушая, что сегодня удастся наконец-то попробовать свои силы, испытать себя!

Макушки пеньков располагались над водой в хаотичном порядке и были довольно-таки скользкими – задачей было пройти их все на хорошей скорости и не свалиться в воду. Тогда учитель оценит мою ловкость!

– Здесь – напрямую, – кивнул Сей-Ман в сторону водоема.

Мы свернули с тропинки, побежав по рыхлой земле.

– Постой, – внезапно скомандовал он, и я остановилась, как вкопанная. – Тая, послушай... – он глубоко вздохнул. – Когда я тебе что-то говорю, то ты не должна пропускать это мимо ушей. Ясно?

– Ясно, – насупилась я. – Но что сейчас было не так?

– Да все не так. Я тебе повторяю: следи за всем вокруг!

– Но я же слежу! – слегка повысила я тон, уязвленная незаслуженным, как мне казалось, обвинением.

– Что происходит наверху? – внезапно задал вопрос Сей-Ман.

– Ничего, – пожала я плечами. – А что там может происходить?

Интересно, а Сей-Ман сам-то представляет, что там происходит, ведь он бежал рядом со мной и все время смотрел либо вперед, либо на меня. Я не заметила, чтобы он поднимал голову к небу.

– Над нами – Покер и облако в виде стриженной овцы, – спокойно произнес он.

Я задрала голову и увидела то, о чем он говорил.

Но как...

Как это может быть? Как ему это удастся?

Встроенный радар?

– Ладно, признаю: я не такая внимательная, как ты.

– Да ты и не стараешься быть внимательной! Тая, запомни: это не просто внимательность, это то, что однажды спасет тебе жизнь. Это твоя страховка, понимаешь?

– Да, – я скривила лицо, закатывая недовольно глаза.

Упреки и излишняя придирчивость учителя сегодня мне уже порядком поднадоели: «Ну что можно здесь увидеть? Ну – равнина, ну – водоем впереди, ну, подумаешь – Покер кружится где-то в небесном танце с облаком в виде овцы... И что?!»

– Хорошо, – устало протянул Сей-Ман. – Я еще раз прошу тебя быть предельно внимательной, пока мы не доберемся до водоема.

– Ладно, – обреченно выдохнула я и, не дожидаясь, пока он двинется дальше, побежала вперед.

– Ладно – так ладно, – пробормотал Сей-Ман, поджав губы в хитрой ухмылке и оставшись наблюдать за мной на месте...

– О-о-у! – вскрикнула я, не пробежав и двадцати шагов, когда внезапно из-под ног ушла почва, и я полетела куда-то вниз, больно ударившись спиной. – Вот же дерьмо! – пробормотала я, разодрав вдобавок плечо и щеку, а влажная грязь налипла мне на лицо и попала в рот.

Отплеываясь, я пришла к выводу, что, в общем-то, мне еще повезло – я ничего не сломала и не вывихнула!

Быстро вскочив, я стерла рукавом с лица противную жижу и, подняв голову, увидела над собой ухмыляющуюся физиономию Сей-Мана. Он стоял на краю глубокой ямы, в которую я угодила, и издевательски хлопал в ладоши.

Его ухмылка мгновенно привела меня в бешенство!

Хотелось выпрыгнуть и растерзать его. Но я не могла – яма была слишком глубокой, а глиняные стены – отвесными и скользкими.

Я стиснула зубы – отличный урок, Сей-Ман!

– Долго копал? – с презрением выплюнула я ему в лицо свой вопрос.

Он не ответил, лишь рассмеялся еще сильнее. Кажется, его забавляла вся ситуация, в то время как мне было не до смеха. Отчаиваться я не собиралась, но, опустив взгляд в земляное дно своей ловушки, задумалась о том, как мне отсюда выбраться. Сто к одному – этот «Царь горы» мне помогать не станет. Ведь он специально устроил этот аттракцион, я в этом даже не сомневалась. Очевидно, его интересовало, как я буду выбираться из ловушки, расплачиваясь за свою невнимательность.

На душе было скверно – я чувствовала себя подопытной крысой...

– А вот теперь думай, Тая. Я ведь предупреждал, – наконец произнес он.

Ответить мне было нечего. Правда была за ним. Но она была слишком подлой!

Я не ожидала от учителя такого подвоха. Ведь я могла серьезно пострадать, несмотря на то что дно ямы было завалено мягкими ветками, которые, собственно, и смягчили мое приземление.

Только теперь до меня дошло, почему мы свернули с тропинки и продолжили путь через поле – «напрямую», как предложил учитель.

Оглядевшись еще раз, я утвердилась в мысли, что самой мне не выбраться. От мысли, что сейчас я уязвима, и помочь мне может только Сей-Ман, стало не по себе. Ужасно не хотелось прибегать к его помощи, но учитель присел на край ямы и опустил вниз веревку. Теперь стало ясно, для чего он сегодня прихватил ее с собой. А я-то думала, что это для того, чтобы страховать меня у воды, но оказалось все гораздо проще...

Я медлила, отвернувшись в сторону и упрямо сложив руки на груди.

– Тая, давай, – лениво усмехнувшись, протянул он.

Молча насупившись, я прикидывала варианты и не шевелилась.

Сей-Мана, кажется, все это сильно забавляло, и, не выдержав, он разразился смехом.

– Перестань дуться и вылезай, глупое создание, – он потряс веревкой. – Ну же.

– Я искренне тебе доверяла, – не поднимая взгляда, произнесла я.

– Ой, только не надо трагизма. Запомни: верить нельзя никому!

Господи, совсем недавно то же самое мне говорила Аглая...

Я все еще игнорировала предложенную помощь.

– Тая, не дури, давай вылезай, сказал. У нас еще впереди сегодня тренировка, если ты не забыла. Ведь я могу и передумать, – издевательски протянул он, пользуясь своим преимуществом.

– Да пошел ты! – в сердцах выкрикнула я, сама не осознавая, что произнесла это вслух.

– Ах, вот как! – прищурил он глаза и, склонив голову, бросил на меня цепкий взгляд. – Ну, как знаешь...

Учитель поднялся и, смотав веревку, как ни в чем не бывало ушел прочь...

Откровенно говоря, я понимала, что не совсем права, вернее, совсем не права – не сдержалась и надерзила, но ведь и он должен был понять мое состояние!

Ведь на доверие он ответил...

А чем он ответил, да и ответил ли вообще?

Ведь если посмотреть с другой стороны, то это – жесткий элемент обучения. Как еще можно такого человека, как я, заставить не только слушать, но и слышать?

Два человека, которым я совсем не безразлична, предостерегают меня, говоря одно и то же, а я...

Может, и правильно, что попала в эту яму – впредь будет наука. А когда вылезу, постараюсь найти в себе силы извиниться перед учителем...

Усевшись на гору веток, странным образом оказавшихся в яме, я стала ждать, когда вернется Сей-Ман. Наверняка он проанализирует ситуацию и поймет, что надо начинать спасательную операцию.

Но прошло несколько часов, а Сей-Ман так и не появился. Понятно – ему хочется преподать мне урок, но всему есть предел!

Уже вечерело, и я всерьез задумалась о том, что нужно подготовиться к ночевке, смутно надеясь, что учитель за мной все же вернется.

Неужели он оставит меня здесь на всю ночь?

Слишком холодно, да и волки могут прийти, у меня, правда, есть нож, но что он даст, если хищников окажется слишком много...

Я свернулась на ветках калачиком, а частью веток накрылась сверху, соорудив из них своеобразное природное одеяло. Как ни странно, но в яме было не так уж и холодно, ветер сюда не заглядывал, и мой ночлег не казался мне уже таким удручающим.

Подложив под голову руки, я уставилась в звездное небо. Сегодня оно было ясным, и многие созвездия были как на ладони.

Полное одиночество – один на один с пространством и природой. Потрясающие ощущения – никогда не испытывала такого раньше!

И несмотря на то, что сейчас я была ограничена в перемещении – яма владела мной, словно узником, – я впервые почувствовала себя полностью свободной. Внезапно захотелось воспарить к звездам и поболтать с забиякой Водолеем, «оседлавшим» небесный экватор, подергать за гриву лохматого Льва и, вскочив на спину красавцу Пегасу, помчаться в гости к Андромеде. А на обратном пути – весело скатиться по шее угрюмого Жирафа и мастерски ударить от ядовитого Скорпиона.

Мысли плавно перетекли в русло воспоминаний о наших ночных «космических путешествиях» с матушкой Аглаей. Это ведь она выводила меня ясными ночами под прекрасный купол, заполненный мириадами звезд, и все рассказывала, рассказывала и рассказывала...

Она показала мне массу созвездий и звезд, она же и научила по ним ориентироваться. Благодаря ей такие слова как «эклиптика», «галактический экватор», «Зодиак» или «Альтаир» стали мне знакомы с детства и не пугали своей космической родословной.

В одну из первых наших ночных вылазок, выяснив, когда я родилась, она с улыбкой сказала мне:

– Наш с тобой знак Зодиака называется Близнецы. Рожденные под этим знаком всегда помогают друг другу, как родные. Вон видишь те звездочки? Это – Кастор и Поллукс. Будем считать, что они – наши с тобой. Давай договоримся: когда будем смотреть на ночное небо – всегда отыщем их глазами, вспомним друг о друге и пожелаем удачи. Согласна?

Конечно, я была согласна, внесла только дополнение о «разделе имущества».

Аглая засмеялась и предложила мне самой выбрать ту, которая больше нравится. Так и порешили – моей звездой стал Поллукс, а матушке достался Кастор.

С той поры я всегда первым делом находила на небосклоне «наши звездочки», чтобы убедиться, что они по-прежнему не хуже других сияют на небе и в чистке или протирке не нуждаются, а значит – у нас с матушкой все в порядке...

Лежа в яме, я ощущала себя маленьким человечком в огромной Вселенной, размышляющим о других мирах, цивилизациях, галактиках, одновременно осознавая никчемность своих жизненных проблем в космических масштабах. Как будто и вправду я поднялась высоко к звездам – в далекое, тихое пространство – и в полудреме смотрела на планету Земля с расстояния бесчисленных километров, покачиваясь и замирая от восторга на остром рожке молодого месяца.

Фантастические ощущения захватили меня в момент, не дав опомниться. Это были странные и одновременно прекрасные чувства – мне казалось, что я сижу в самом удобном кресле открытого кинотеатра и просматриваю один из лучших фильмов всех времен и народов.

Вот это да!

Все чувства были обострены в разы...

В мои ноздри врзался запах горных трав, млечного пути, джунглей и соленого океана, и за эти ощущения я была мысленно благодарна Сей-Ману: «Ты хотел меня проучить? Что ж, спасибо, учитель, за эту сказочную ночь. Я рада, что эта яма оказалась на моем пути, я словно прикоснулась к великой тайне и за одну ночь подружилась с волшебством всей планеты...»

Наверняка что-то подобное испытывают люди в космосе или посреди огромного ночного океана...

Интересно, что бы почувствовала я, окажись действительно одна на планете?

Ужас? Торжество? Уныние? Или, может быть, эйфорию?

До моих ушей донесся отдаленный зов совы и невнятный шорох.

Кто может здесь бродить среди ночи?

Волки?

Я насторожилась и на всякий случай переложила нож из кармана под голову. Хотя, волки наверняка не станут прыгать в глубокую яму, даже если там сидит сытный ужин, ведь они – не дураки.

Шорох стих, и я снова расслабилась, скорее всего, это был какой-то грызун...

Было бы неплохо сейчас отведать жареного суслика...

Веки начинали слипаться, и уже привычный силуэт заполнял мое сознание. Я пыталась вытеснить ненавистного гостя мыслями о том, как завтра буду отсюда выбираться. Последнее, что помню, была идея прокопать в мягком и сыром грунте стен что-то наподобие ступеней...

После этого меня сморил сон...

Мне снилось призрачное будущее, которое никогда уже не сможет стать действительностью...

Мой младший брат Антошка – он стал совсем большим, ему было уже примерно шесть лет. Они сидели вместе с отцом за столом и собирали модельку деревянного самолета. Маленькие ловкие пальчики брата умело состыковывали деталь с деталью, а отец размешивал в баночке лак для финального покрытия воздушного судна...

Из кухни тянуло пирогами и оливье...

Я зависла под потолком, наблюдая за всем сверху – это было странно, словно я мертва, а они – живы. Запах пирогов манил меня в кухню, я пролетела через гостиную, заметив в углу наряженную елку.

Ну конечно же – Новый год!

Нырнув под косяк дверного проема, я облюбовала кухонную люстру, наблюдая за мамой. Она болтала о чем-то с Лео, быстро кроша на доске колбасу для моего любимого салата. Ее каштановые волосы стали короче и теперь были уложены в элегантное каре. Лео выглядел в точности таким, каким я его видела при нашей последней встрече...

Резкий раскат грома выдернул меня из сладкого сна, заставляя быстро прийти в себя...

Какая замечательная была ночь – ясная, практически безветренная, и надо же – такое утро!

Небо заволкли тяжелые свинцовые тучи, ветер свистел, разрезая воздух, словно шпагой, и первые крупные капли дождя упали мне на лицо.

Только этого еще не хватало!

Хотелось залезть с головой под все ветки, укрыться и переждать дождь, но я знала, какой бывает непредсказуемой и свирепой погода в горах. Не хотелось остаться уязвимой перед стихией в крошечном замкнутом пространстве. Нужно выбираться отсюда – немедленно.

Я откинула ворох веток в сторону и нехотя поднялась. Перебирая и отбрасывая одну ветку за другой, я пыталась найти хоть что-то более-менее твердое и массивное – а не тонкие прутья – чтобы начать рыть ступени. Я нашла толстую прочную ветку и, быстро выточив из нее ножом примерно то, что мне было нужно, принялась копать углубление в стенах одного из углов.

Дождь к тому времени превратился в ливень и безжалостно хлестал по рукам и лицу упругими струями...

Нижние ступени я прокопала без проблем, но нужно было перемещаться выше, а поднять голову навстречу водяным потокам было сложно, тем более – что-то рассмотреть сквозь них. Я ожесточенно пыталась на ощупь прокопать в стене очередную ступеньку, понимая, что мой опыт с выкапыванием ям был сейчас как нельзя кстати.

Потоки ливня шумели, и, кажется, дождь не собиралась сдаваться, я промокла насквозь – становилось холодно. Выход был один – работать еще активнее, чтобы мышцы не давали отстыть всему организму от промокшей одежды.

Я копала, прикрывая глаза одной рукой или же вовсе на ощупь, опустив голову.

Вот же угораздило!

Пальцы скользили по холодной глине, я четко вставляла ноги в прорытые углубления, а руками буквально вгрызалась в глинистый грунт. На Сей-Мана я не сердилась – было не до этого...

Ба-бах!

Не удержавшись, я соскользнула вниз и снова оказалась на дне ямы. Не сдаваясь, я попыталась снова штурмовать стену, вставляя попеременно, то одну, то другую ногу в отверстия и аккуратно подтягивалась на руках.

Мой замысел обязан был воплотиться в жизнь, поскольку других идей, как покинуть эту ловушку, у меня не было. Руки утопали в ледяной глине, отчего я частично уже не чувствовала пальцы, но продолжала упорно лезть к поверхности.

Зависнув на отвесной стене практически уже у самого верха и балансируя всем телом, я что есть силы вонзила деревяшку в плотный верхний слой глины и с трудом прокопала еще пару отверстий, желая поскорее оказаться за пределами ямы. Вставив ногу в последнее углубление, я подтянулась на руках и, отжавшись, вытолкнула себя на поверхность. Перекатившись на спину, я разбросала руки и ноги в стороны, подставляя свои заляпанные глиной лицо и ладони падающим с неба потокам.

Немного отдышавшись и приняв «утренний душ», я направилась к большой равнине, через которую пролегал путь в пещеру, где встречались всегда Сей-Ман и Лео – возвращаться в хижину я не планировала.

Я не злилась на учителя, но сейчас мне хотелось побыть одной.

Ливень, отсутствие еды, ожесточенная работа и холод, пробирающийся мне под кожу от полностью промокшей одежды, – порядком вымотали меня. Первоочередной задачей было выбраться отсюда и пополнить организм калориями.

К тому времени, когда я туда добралась, дождь полностью прекратился и небо стало ясным. Я заметила в небе Покера и махнула ему рукой в знак приветствия, словно он был человеком.

Первым делом, оказавшись в пещере, скинула всю мокрую одежду – зубы стучали от холода – и развела огонь. Но полностью обнаженной все равно было теплее: это – одно из основных правил выживания, и я его хорошо знала. Заставляя себя активно двигаться, я выписывала одно упражнение за другим, размахивая руками и ногами, насколько позволяли размеры пещеры.

Вскоре кожа моего тела высохла, и мне удалось согреться. Прихватив в охапку старый плед, обнаруженный на циновке рядом со столом, я завернулась в него и придвинулась к очагу.

Кажется, жизнь начинала налаживаться – огонь разведен, вещи сушатся, у меня есть плед, в котором я могу отправиться на поиски пищи!

При входе я заметила ведро, наполненное дождевой водой, а на столе имелся котелок и какая-то посуда – значит, все не так уж и плохо.

Ладно, нужно выбираться наружу...

Едва я ступила за порог, как нога уперлась во что-то мягкое.

Покер! Ах, ты красавчик!

Вот это да...

У меня под ногами лежал только что добытый Покером заяц.

Я подняла голову и увидела высоко в небе над собой птицу.

– Спасибо, друг! – прокричала я и похлопала в ладоши над головой.

Не думаю, что Покер меня услышал, но он точно заметил, что его «подарок» я быстренько принялась свежевать, а значит – он поступил верно, ведь я сейчас очень нуждалась в пище.

Разделав зайца, я налила в котелок немного воды и опустила туда мясо – прекрасно: завтрак, обед и ужин у меня есть. А потом что-нибудь придумаю...

Сей-Ман появился в дверях как раз в тот момент, когда я доедала порцию тушеного зайца и вполне себе серьезно подумывала о том, как бы остаться здесь жить. Я не собиралась прерывать тренировки с учителем, но ведь я могла бы спокойно жить здесь, а к нему на вершину приходиться для занятий, или мы могли бы встречаться на равнине или у озера. В общем – жить вместе под одной крышей было вовсе не обязательно.

Я даже почувствовала некоторое облегчение после этих внезапно пришедших в мою голову мыслей – некому меня будет заставлять кипятить воду и выкапывать ямы. А если учитель захочет еще как-то надо мной позабавиться – что ж, пускай, но это будет дохлый номер, я не дам ему больше такого шанса. Теперь буду замечать на своем пути каждую выкопанную им «яму».

Сей-Ман устремил на меня внимательный взгляд, и я перестала жевать, надеясь, что инициатором начала разговора будет учитель. Самой мне сказать было нечего. Приглашать пройти внутрь – глупо, хозяином хижины был он. А вот гостем, как не крути – здесь была я.

– Позволишь? – деликатно протянул он.

Хотя мой ответ ничего не значил – он поступил бы так, как посчитал нужным.

И в подтверждение моих мыслей, учитель сбросил с плеча увесистый рюкзак и прошел к огню, не дождавшись от меня ответа.

Я поправила плед, сползший с моего плеча и оголяющий грудь.

Сей-Ман закашлялся при виде этой картины и резко отвернулся. Я чувствовала, что он напряжен и сердится. Это бывало крайне редко, но все же я знала, каким бывает учитель в моменты внутреннего напряжения. Но мне казалось – это я была вправе сердиться!

А может, он раздосадован тем, что не застал меня в яме?

И я лишила его интересного зрелища?

Вполне вероятно, что его позабавило бы опускать мне туда на веревочке еду и смотреть, как я подпрыгиваю за ней.

Как бы не так!

– Слишком долго, – произнес он.

Я понимала, фраза произнесена специально так, чтобы я задала встречный вопрос: «Что именно долго?»

Но нет, Сей-Ман – я не так примитивно устроена, как тебе кажется – удиви меня!

– Как смогла, – ответила непринужденно я, облизывая пальцы, по которым тек сок. Я поняла, что он и вправду ожидал глупого: «Что?» – вовлекающего тем самым меня в новую, теперь уже словесную ловушку. Ну уж нет. Я не ошибаюсь дважды, учитель. Сей-Ман усмехнулся, прекрасно поняв мою изворотливость.

– Замерзла? – неожиданно обернулся он, разглядывая меня.

Я лишь отрицательно помотала головой...

Чем больше я изучала учителя – тем больше склонялась к мысли, что он – «человек-химера». Природа явно наделила его двумя спиралями ДНК: внутри уживались абсолютно разные стихии, противоположные полюса – лед и пламень. При таких обстоятельствах в глубинах его сознания должен был идти постоянный конфликт, разделяющий разум как бы на две части. Но вот парадокс – снаружи он оставался всегда невозмутимым.

Может, он и правда умеет управлять собой так, что междоусобные войны и катаклизмы его сущностей прекращаются по шелчку пальцев?

Сей-Ман скинул с себя мокрую одежду и, подобрав с пола часть моей, развесил ближе к огню.

Только сейчас я заметила, что он тоже весь промок до нитки. Но где и когда?

Ведь дождь уже прекратился, не думаю, что он застал его в дороге. Мне очень хотелось это выяснить, но, конечно, делать этого я не стала.

А Сей-Ман, склонившись над рюкзаком, достал из него тонкое шерстяное одеяло, полотенце и какой-то пакет, по всей видимости – с провизией. Он быстро растер полотенцем свое тело и, взяв со стола еще один котелок, направился к огню. Вскоре мне была поднесена пиала с горячим чаем.

Сейчас у меня были и хлеб, и зрелище: в пиале – ароматный чай, а перед глазами – разгуливающий практически без одежды мужчина, мощный, коренастый и по-своему красивый. У Сей-Мана была действительно безупречная фигура, я видела такие на фото в модных журналах, что иногда притаскивал Лео.

– Тая, я не должен был так поступать с тобой, признаю... – Сей-Ман медленно повернулся в мою сторону, но я все равно не успела отвести взгляд. – Прости.

Разглядывая учителя, я пыталась представить его прошлое, каким оно у него было: какой у него был дом, какие люди его окружали, какие женщины...

– Тая... Ты меня слышишь?

Я кивнула.

– Ответь мне.

Но у меня словно отнялся язык, я не могла произнести и слова, лишь навязчиво блуждала глазами по мощным рукам, словно вылепленному торсу и поджарому животу...

И все же...

Где он так умудрился вымокнуть?

– Эй... – он присел рядом со мной на кровать, и мой глоток чая застрял где-то посередине. – Тая... – Сей-Ман забрал у меня пиалу и принес свое одеяло, укутав меня сверху еще и им. – Скажи хоть слово... – прошептал он.

– Верни чай, – слегка охрипшим голосом произнесла я, вспоминая, что под одеялом у меня ничего нет.

Кто мог подумать, что учитель сюда заявится?

– Аллилуйя! Ты разговариваешь, – выдохнул он с облегчением. – Нам нужно возвращаться домой – Скурудж голодная.

Но я не отреагировала.

– Все еще сердисься?

Сей-Ман поджал губы, вновь не услышав ответа.

– Тая, ведь я уже извинился перед тобой. Чего ты еще хочешь? Знаю, ты злишься, считаешь меня предателем, а себя несправедливо обманутой жертвой, но я это сделал ради твоего же блага, поверь.

– Вовсе не сержусь. И я тебе благодарна. Позволь немного вздремну, – с этими словами я отвернулась к стене, зарывшись с головой под два одеяла.

Спать не особо хотелось, я отлично выпалась под звездным небом. Но сейчас мне было страшно. Здесь. Рядом с полуобнаженным Сей-Маном. Что-то внутри меня изменилось, точнее – появилось новое, до этого не выходящее на поверхность. Я не знала – хорошо это или плохо, но боялась собственной реакции, и это нужно было обдумать в одиночестве под одеялом.

Я действительно задремала, а когда открыла глаза, Сей-Мана в хижине не было.

Быстро выбравшись из-под одеяла, но вовремя опомнившись, что на мне ничего нет, завернулась снова в шерстяное сукно и в таком виде вышла из хижины.

Сей-Ман сидел на пне и нарезал стебель ротанга на маленькие полоски для плетения. Покер прогуливался рядом.

– О! – воскликнула я и шагнула к птице.

Та подозрительно попятилась от меня и слегка распустила крылья.

– Ладно, ладно, – я выставила ладони в знак понимания. – Всего лишь хотела тебя поблагодарить, о, великая птица, за твою щедрость!

– Ты о чем? – усмехнулся Сей-Ман.

– Покер принес мне зайца, не дав погибнуть от голода. Он не бросил меня, – вздернув подбородок, заявила я.

Мой подтекст был прозрачной воды.

– А-а-а... – протянул учитель и перевел взгляд на Покера. – Ну, тогда – конечно...

Я с подозрением прищурилась, но Сей-Ман лишь усмехнулся уголками губ.

– Что ты хочешь сделать? – кивнула я на заготовки в его руках.

– Заплечный рюкзак и корзину. Тая, одежда уже высохла. Одевайся, мы выдвигаемся к вершине.

Я напыщенно выпятила грудь, желая с издевкой отдать честь, но в последний момент сдержалась...

Прошло пару недель...

Я чувствовала, что мы по-прежнему общаемся с учителем не так, как раньше, словно эта проклятая яма разделила нашу жизнь на «до» и «после». Конечно, так оно и было, и этот момент не мог пройти незамеченным, но когда-нибудь мы похороним его на окраине наших воспоминаний, и он забудется. С другой стороны – я замечала, что учитель вовсе не изменился, изменилось что-то во мне, и на этом фоне мне казалось, что изменился и он.

Глава 7

– Тая, слишком медленно. Быстрее! Еще быстрее!!! Стоп! – выдохнул Сей-Ман, преврав тренировку. – Послушай, силат – это магия. Порой многие гуру не понимают, откуда берут свою силу. Ты должна действовать быстрее, вкладывать в удар силу, а не просто работать кистью. Смотри – вот так.

Учитель забрал из моих рук длинную палку и молниеносно выполнил серию атакующих упражнений.

– Скорость реакции, чувство дистанции и конечная цель – вот аспекты боя. А ты атакуешь, как размазня. Запомни: поединок не терпит усталости, и пока противник стоит перед тобой – ты не имеешь права сдаваться! В силате исходят из того, что в основе боя должна лежать осязательная чувствительность, благодаря которой реакция на действия противника происходит быстрее, чем ты можешь себе представить. И не забывай про пять дистанций! Кроме ближней, средней и дальней существует еще верхняя прыжковая и нижняя.

Оставалось лишь понуро наблюдать за невероятной скоростью учителя. Что и говорить, я очень расстраивалась, ведь у меня так не выходило.

– Давай еще раз! Попробуй. Ты должна быстрее переставлять ноги, быстрее убирать плечо из-под удара и тут же атаковать. Больше подвижности корпуса! Следи за четкостью траекторий. Ясно?

– Да, – вздохнула я.

Сей-Ман заметил мой упадок духа.

– Подожди. Подойди сюда, – он отошел к камню и присел на него, я же встала рядом, разглядывая под ногами пыль. – Силат нужно изучать в спокойной обстановке. Не нужно переживать, что сейчас не получается. Вера в себя то приходит, то уходит. Особенно – если впереди долгий путь. Сомнения – спутник роста. Это понятно? – он приподнял мой подбородок. – Ну же, выше нос и давай работать!

– Хорошо, – стараясь улыбнуться, кивнула я.

– Делай глубокий вдох и повторяй за мной: Бэтью, Травэ, Морэ...

Втянув глубоко разреженный воздух, я неуверенно повторила:

– Бэтью... Травэ... Морэ... А что это, учитель?

– Не задавай лишних вопросов, делай, что говорю. Повторяй еще раз.

– Бэтью... Травэ... Морэ...

– Отлично. Еще несколько раз – и продолжим.

Я повторила странные слова трижды и почувствовала, как чудесным образом обретаю потерянные спокойствие и гармонию.

– Сей-Ман, вот всегда хотела спросить тебя... Где ты научился пенчак-силату?

– От отца. Он был мастером. Я изучал силат с детства, он помог мне выжить в сложные времена.

– Ясно, – удовлетворенно кивнула я, но слова о «сложных временах» учителя возбудили мой интерес.

– Смотри и запоминай: еще одной особенностью силата является наличие открытых и закрытых поз. Открытая поза служит завлекающим маневром и при атаке сразу превращается в закрытую. Но действовать нужно быстро, только достигнув бешеной скорости при выполнении приемов – так, чтобы противник даже не успел понять, что происходит – ты повышаешь шансы на победу. Для силата характерны быстрые, молниеносные атаки, иногда – подлые удары исподтишка и различные уловки.

– Чтобы без раздумий рвать на куски своего противника любыми доступными способами?

– Тая... – вздохнул учитель. – В силате есть много направлений, в том числе и стиль, основная цель которого заключается не в поиске духовного смысла – как во многих других боевых искусствах – а в том, чтобы за десять секунд забить противника до такого состояния, чтобы он был уже не в силах сопротивляться. Я обучу тебя максимально эффективному реальному бою, но убийцей делать – не стану. Того, что я тебе дам – хватит с лихвой для твоей цели, но вместе с этим ты должна познать и духовное, и искусство выживания, и многое другое. Поняла?

– Хорошо, – кивнула я.

– Рассказываю про еще один важный момент – о работе глаз.

– Это как это?

– Это так это, – передразнил меня шутливо учитель, изобразив на своем лице жуткое удивление.

Неужто секунду назад подобное было отобразено на моем?

– Особая работа глаз – это важно, – продолжал Сей-Ман. – Смотри, взгляд во время боя направлен как бы в землю, избегая контакта с глазами противника, что приводит его в недоумение. Также это делается с целью дегуманизации... Чтобы не видеть глаза...

Сей-Ман запнулся.

– Ну, договаривай, – подначила я.

– Чтобы не видеть глаза жертвы, – быстро произнес он. – Так, давай работать.

Рядом с нами приземлился Покер, и я только сейчас обратила внимание, что нож-кукри, подаренный мне Сей-Маном полгода назад на день рождения – по форме лезвия напоминает крыло птицы.

– Мой кукри похож на его крыло... – указывая пальцем на Покера, обескуражено проворчала я.

Сей-Ман рассмеялся.

– Верно подметила, хотя считается, что форма кукри срисована с крыла сокола.

– Ну, надо же, думала, что мне показалось.

– Нет, – утвердительно ответил он. – Не показалось. Мы, вообще, Тая, много чего берем от животных, и тому прямое доказательство – пенчак-силат с его движениями.

– Правда?

– Да. В силате многие стили основаны на технике, копирующей движения животных, их характер и поведение в бою. Например: Сапик Кало – жало скорпиона. Однако этот стиль основан не на движениях животного, а на его принципах. Скорпион не вступает в борьбу до тех пор, пока его не провоцируют, – многозначительно посмотрел на меня учитель, и я отвела глаза в сторону. – Ладно, оставим разговоры о кукри на потом. А сейчас продолжим... Урок – как использовать захват в защите от нападения с ножом... – Сей-Ман смотрел на меня выжидающе, а я не понимала, чего он хочет. – Я жду, Тая. Ну же, доставай нож, – и Сей-Ман провокационно поманил меня пальцами.

Сегодня у меня на поясе висел куку-макан – серповидный нож с изогнутым клинком, в рукояти которого имелось отверстие под палец. Так как у меня было два ножа-кукри и куку-макан – я могла выбирать, какой из них взять с собой сегодня, словно это были бусы или туфельки.

Достав нож, взяла его, как полагается, обратным хватом и, четко совершив отработанную серию движений, оказалась рядом с учителем.

Неужели он пропустил мой выпад, подпустив меня на опасное расстояние?

Я уже внутренне возликовала, полагая, что оказалась столь быстрой, но тут учитель мгновенно отреагировал: как только я попыталась его ударить, он оказался сзади меня и придавил к земле, обретя моментальный контроль над моим телом.

– Еще раз, Тая, – отпустив меня, произнес он.

– Ну и крепость хвата у тебя, – качнула я головой, в недоумении растирая руку.

– Это – не полная мощь, поверь, – подмигнул учитель.

– Щадишь меня?

– Возможно, – уклончиво ответил он.

– Но почему? – с обидой в голосе произнесла я. – Потому что я слабак в твоих глазах, да? Поэтому?!

– Потому, что сейчас моя цель – не убить, – спокойно произнес он.

– Конечно, мы же тренируемся. Ну вот, а в жизни... Какая может быть другая цель в схватке, если не убить? – не унималась я.

– Тая... – вздохнул Сей-Ман. – Не всегда конечная цель – это уничтожить противника, иногда достаточно пресечь агрессию.

– Это примерно как погрозить пальцем? Ай-ай-ай, не делай так больше, нехороший мальчик, да? – я сморщила нос и показала кончик языка.

– Иди на позицию, – вздохнул Сей-Ман. – Надо посоветовать Лео отдать тебя в цирковое училище, там тебе самое место. В клоунаде.

Я, поджав губы, отошла, но, резко развернувшись, попробовала применить другую схему ударов: теперь я решила быстро подобраться к учителю справа, а затем резким движением опуститься вниз и нанести предполагаемый удар в область живота.

Но Сей-Ман в секунду отразил мою атаку, как только я оказалась у его левого плеча – я не успела даже уйти вниз, как собиралась.

– Еще раз, – терпеливо произнес он...

На протяжении часа я продолжала атаковать Сей-Мана, а он с легкостью отражал любые мои атаки.

– Как тебе удается и не сопротивляться, и не проигрывать? – пытливым взглядом я смотрела на его лицо.

Сей-Ман лишь улыбнулся в ответ на мой вопрос.

– Вернемся к палкам, – спокойно заявил он по завершении этой части занятий. – И потом перейдем на контрасты.

– Я понимаю, что задаю слишком много вопросов, но скажи: для чего мы так часто меняем виды оружия в тренировках?

– Хочу прокачать в тебе готовность работать на разных дистанциях. Ты должна четко понимать: разное оружие – это разные дистанции, и соответственно – разный запас времени. Кроме того, работая в ближней дистанции, отлично нарабатывается быстрый темп атаки, которого тебе так не хватает.

– А если оружия вообще нет?

– Пустые руки – они имеют свои особенности, Тая... Там много работы идет открытыми ладонями. Это – тоже преимущество, так как в экстремальной ситуации ты можешь прихватить противника. И поверь, прихваты – о которых я сейчас говорю, и которые покажу чуть позже – очень важны в ближней дистанции. Тут важно понять: чтобы защитить себя от поражения соперником, крайне желательно лишить его возможности проводить контратаку. Обязательно должен быть принцип контроля. Если ты зашла в ближний бой – не разменивайся ударами, заклинивай сразу движения противника таким образом, чтобы ты могла отвечать, а он имел минимум ответных возможностей. А если уж обмениваешься, то удары должны быть короткие и хлесткие. Ну а если в его руках нож, то в первую очередь необходимо перехватить руку противника с оружием. Сама понимаешь, что обычные удары можно и потерпеть. Поэтому запомни: принцип контроля здесь – главенствующий.

– Да, я понимаю, – я поспешила встать в красивую стойку и сделала обманный выпад вперед, решив спровоцировать учителя этим игривым движением.

Но этот маневр не стал для него неожиданностью – он в момент завладел моим оружием, а я, как беспомощный щенок, оказалась прижата к его мощному телу, и вдобавок мое горло сдавливала палка.

– Силат – не для показа на публику, а чтобы одержать победу в реальном бою, где цена – жизнь, – Сей-Ман медленно отпустил меня и добавил. – Так что постарайся относиться серьезнее к занятиям, – я растерла шею и покорно кивнула, а учитель пояснил. – И еще. Главная формула выживания: предвидеть; по возможности – избежать; и только при необходимости – действовать.

– Попахивает трусостью, – усомнилась я.

– Веет взрослостью, – отозвался учитель.

На открытый намек учителя о моем возрасте и неопытности я глубоко вздохнула. Конечно, Сей-Ман был сто, тысячу, миллион раз прав. Рядом с ним я чувствовала себя уродливым паразитарным эмбрионом с грешными мыслями в то время, когда он был красивой, взрослой особой правильного мира, о котором мне предстояло еще столько всего узнать...

Отработав множество раз приемы с палками, мы приступили к контрастам.

Пожалуй, мне это нравилось больше всего. Хотя у меня порой и не хватало скорости, чтобы успевать перестраиваться от одного образа к другому.

– Тая, давай удар в живот.

Я тут же нанесла удар, который учитель блокировал.

– Танец!

В момент, словно пьяная, я отшатнулась назад, изогнув спину и повернув голову в сторону.

– Отлично! Техника кобры! – скомандовал Сей-Ман. – Быстрее!

Молниеносно двигаясь вокруг учителя, я попыталась нанести два удара и тут же уйти с линии атаки, сделав отскок в сторону.

– Теперь – в лицо!

Я сделала резкий выпад вперед и нацелила кулак в нос учителя.

– Танец! – уклонился он от удара.

Отшатнувшись назад, я снова плавно взмахнула руками.

– Техника тигра! – приказал учитель, не давая мне отдышаться.

В момент я оказалась на четвереньках с атакой Сей-Мана по ногам и в пах.

– Снова – лицо! – делаю резкий выпад, но учитель, поймав мой кулак прямо в полете, произнес. – Хороший удар, хорошее движение, неплохой контроль... – я заулыбалась. – Скоро, Тая, все изменится. Ты станешь быстрее, но и будешь испытывать настоящую боль.

– Я не боюсь. Знаю: силат – искусство причинения боли.

– Для тебя – да.

– А для тебя? – удивилась я.

Но Сей-Ман лишь усмехнулся.

– Добуса, Тая, – это черная магия пенчак-силата. Корень этого искусства – способность блокировать боль. Это как пассанг в силате: движение рук скорее отвлекающее.

– Ничего не понимаю...

– Пока и не надо, – подмигнул Сей-Ман, резко кинул мне палку, которую я все-таки сумела поймать, и сказал. – На сегодня – достаточно!

* * *

– Сей-Ман, что ты там делаешь? – с интересом спросила я, увидев, как учитель нырнул под свои деревянные нары...

Однажды, прибираясь в хижине и сражаясь с паутиной, я обнаружила под ложем учителя пару продолговатых свертков из грубой ткани. Я не решилась залезть в вещи учителя без спросу, но попыталась на ощупь определить, что там такое. Сами свертки были плотными и

мягкими, но внутри прощупывались какие-то твердые предметы, и даже на ощупь – металлические.

Мне было крайне интересно узнать, что хранит учитель под своей кроватью, и как раз в тот момент, когда я ощупывала странные свертки, в хижину неожиданно вошел Сей-Ман.

– Тая! – окликнул он меня так резко, что я от неожиданности ударилась головой о нары и несколько деревянных заноз вонзились в мой лысый череп.

– Ай! Вот же зараза! – я растирала шишку на голове и хмурила брови.

– Что ты там делаешь? – с подозрением прищурился он.

– Убираюсь. Что я еще могу делать? – продемонстрировала я мокрую тряпку в своих руках. – Там, между прочим, полно паутины.

Сей-Ман пристально смотрел мне в глаза, по всей видимости, пытаюсь понять – говорю я правду или пытаюсь его обмануть.

Хотя, надо сказать, до этого он никогда не ловил меня на лжи не потому, что мне везло, а потому, что я всегда была честна с ним.

– Хорошо, продолжай. Только не вздумай прикасаться к тому, что лежит у меня под кроватью.

– И не думала, – недоуменно буркнула я. – Знаешь, меня с детства приучили не трогать чужие игрушки.

Поднявшись с колен, я направилась на улицу, чтобы очистить тряпку.

Но Сей-Ман придержал меня за руку и бесцеремонно развернул к себе.

Такая реакция учителя показалась мне странной...

А он присел передо мной на корточки и, обхватив руками мои ладони, спокойно произнес:

– Послушай, Тая. Однажды эти «игрушки» станут твоими, но пока не вздумай даже прикасаться к ним.

– Я уже сказала, – в моем голосе слышалась обида. – Или ты ждешь клятвы на крови?

– Не говори глупостей.

– Сей-Ман, я умею держать слово.

– Не сомневаюсь, – смягчился он. – Давай осмотрю голову.

Мне претило быть от кого-либо зависимой, даже в таких мелочах. Я привыкла со всем справляться сама, поэтому отмахнулась от предложения учителя, но он настоял.

– Тая, занозы воспалятся, и будет только хуже.

– Хорошо, тогда идем на улицу, там светлее, – сдалась я, прикинув, что самой и впрямь вытащить занозы из затылка будет не так уж и просто.

С тех пор, как Сей-Ман запретил мне прикасаться к странному свертку, хранящемуся под его кроватью, я держала слово и старалась даже лишней раз не лазить туда с уборкой, утопая в догадках насчет содержимого, пока не настал момент...

– Тебе помочь? – отгоняя прочь воспоминания, спросила я.

Он молча вытащил из-под кровати один из загадочных свертков, а когда размотал ткань, – я ахнула от восторга.

Да!!!

Это было оружие!

Настоящая снайперская винтовка Драгунова!

Попросту – «СВД»...

– Только не говори, что...

– Да, Тая, – улыбнулся он. – Пришло наконец время познакомиться с «игрушками» поближе, – с этими словами Сей-Ман развернул еще один сверток, и я увидела настоящий «АК-74»!

– О, да у тебя здесь целый арсенал! – в порыве эмоций я обняла его за шею, но тут же отстранилась. – Прости...

– М-да... – вздохнул Сей-Ман. – Что нужно девушке для счастья...

Я поджала губы, признавая, что он абсолютно прав в своей иронии – меня давно не посещали такие чувства...

Но – к черту рефлексии!

Наконец-то Сей-Ман научит меня стрелять!

Я уже, как мне казалось, прекрасно владела ножом и могла отражать многие виды нападения, но к огнестрельному оружию у меня был особый интерес, правда, пока он не выходил за рамки прочитанных книжных страниц...

Однажды я, когда еще жила при монастыре, попросила Лео привезти мне литературу по оружию. Он, конечно, поначалу был против, но я нашла некие точки давления, и в следующий свой приезд он приволок пару книг и толстый каталог с описанием и историей...

– Можно? – осторожно спросила я, указав на автомат.

– Конечно, – добродушно кивнул учитель.

Я с благоговением взяла в руки оружие. От него шла особая энергетика, точнее даже – энергия. Как будто мне только что вручили недостающую часть моего тела, и вот теперь был полный комплект. Меня била мелкая дрожь от радостного предвкушения, что мы отправимся стрелять.

Повертев автомат в руках, я ненароком направила его на Сей-Мана, сама того не заметив.

Он осторожно положил руку на ствол и медленно опустил его вниз.

– Никогда не направляй оружие на своих! Даже – в шутку, и даже с отстегнутым магазином! Понятно?

– Прости, – потупила я взор.

– Тая, не нужно извиняться. Запоминай. Иногда тебе приходится что-то повторять дважды, но это не тот случай – здесь я не буду повторять.

– Хорошо, учитель, хорошо!

– Смотри: это переводчик, он же – предохранитель. Имеет три положения – блокировка, автоматический огонь и одиночный. Одиночный – вот здесь, в самом низу, видишь?

– Да, вижу. И знаю, для чего одиночный в самом низу, – мое радостное восклицание насторожило учителя.

– М-да? И почему же?

– Потому что им редко пользуются, предпочитая в основном кромсать всех в мелкий винегрет в автоматическом режиме!

– Нет, не для этого, – сдерживая смех сквозь кашель, пояснил учитель. – Хотя такое понятие, как «подавление огнем» – существует. Если активно поливать врага свинцом, можно на время сковать его действия. Особенно в этом деле могут помочь «трассеры».

– Что это?

– Это патроны со специальной пулей. Позже я расскажу тебе, для чего они используются, но у них есть пара минусов: могут выдать твою позицию и коптят ствол. Так что этим особо не злоупотребляй. А вот последние три патрона в магазине забить трассерами будет правильным решением, чтобы для тебя не стал неожиданностью пустой магазин.

– Ясно, – кивнула я.

– Запоминай, Тая, запоминай... Информация – вещь ценная... А возвращаясь к вопросу об одиночном... Внизу он расположен по той простой причине, что если боец в панике резко снимет автомат с предохранителя, то наверняка опустит его до упора и поставит таким образом в режим одиночного огня. Это сделано для того, чтобы испугавшийся до ужаса боец не просадил весь магазин за секунды и не остался без патронов. Теперь тебе понятно? – усмехнулся Сей-Ман.

- А что это за боец такой, который в ужасе пугается? – опешила я.
- Дело не в бойце, Тая... Это – война. И поверь: там особенно остро хочется жить.
- На войне не была, поэтому ничего сказать не могу, – поджала я губы.
- Вот и хорошо. Просто поверь, – Сей-Ман глубоко и прерывисто вздохнул.
- А тебе откуда известно? Ведь ты же не был на войне, – утвердительно предположила я. Разве Сей-Ман мог быть на войне, это же...

– Был. На двух.

Своим ответом Сей-Ман расстрелял мою интуицию в упор.

- О! Но... Как? – выпустила я автомат из рук, но учитель успел вовремя его подхватить.
- Та-ак... Полагаю, что поспешил познакомить тебя с оружием, – хмуро пророкотал он.
- Нет! Нет! Я готова! Просто меня обескуражил твой ответ. Ничто меня не могло навести на мысль, что ты был на войне! Непосвященному человеку трудно понять, – я попыталась оправдаться.

– Непосвященному – во что? – не понял Сей-Ман.

– В твою жизнь! – пожав плечами, задумчиво произнесла я, чем опять вызвала хохот учителя.

– Тая, ну какая же ты смешная, ей Богу! Вот посмотри, какую реакцию в тебе вызвали обычные слова. Что тогда говорить про новобранцев, оказавшихся на войне в самом пекле? Никогда не суди поступки людей, пока не побываешь в их шкуре.

– Конечно, – прикрыв глаза, согласилась я. – Ты абсолютно прав. Просто... Как представила тебя на войне...

– И что?

– Как что? Ведь тебя могли убить... – серьезно сказала я.

– Тая, – Сей-Ман дотронулся до моей щеки. – Но я – здесь. Остальное – в прошлом.

– Согласна, – мне удалось кивнуть, но я пребывала в какой-то заторможенности. – А на каких войнах ты был?

– Послушай, давай уже оставим эту тему...

– Ну, пожалуйста, – попросила я. – Просто скажи, и обещаю, что отстану.

– Афган и Югославия, – отрезал он. – Мы продолжим урок?

Учитель явно не был настроен говорить со мной о войне, после его слов в моей голове крутился жужжащий рой вопросов, они распаляли мой интерес, но...

В конечном итоге я взяла себя в руки.

– Как-нибудь расскажешь об этом? – поспешила я закрыть тему войны, но оставляя этим вопросом лазейку в надежде вернуться к разговору.

– Безусловно, – кивнул Сей-Ман и лязгнул предохранителем. – Слышала этот звук когда-нибудь до этого?

– Нет, но он – достаточно мерзкий, – сморщилась я.

– Точно подмечено... Поэтому если это нужно сделать тихо, оттяни его вот так и плавно переведи в режим нужного огня. Почти всегда это будет одиночный. Без «мелких винегретов». Это понятно?

– Да. Позволь попробовать?

– Держи. И больше, пожалуйста, не роняй оружие.

– Хорошо, тогда и ты не упоминай, пожалуйста, больше о себе и войне, когда оно у меня в руках.

– Я буду говорить с тобой о еще более страшных вещах в момент, когда ты будешь смотреть в линзу ПСО... И только попробуй промахнуться!

На мгновение я задумалась: «А есть ли что-то более страшное для меня на данный момент? Своей смерти – я не боялась, за других – не переживала... Но вот Сей-Ман...»

– А где, кстати, ПСО? – встрепенулась я.

– Хочешь сказать, что знаешь об этом устройстве? – лениво протянул он, но от меня не ускользнуло удивление, промелькнувшее в его глазах.

– Конечно знаю. ПСО – это снайперский прицел. И знаю даже, что на «АК-74» с хорошей кучностью боя можно поставить ПСО от «СВД». На дистанции до двухсот метров у «АК-74» и «СВД» очень близко сопряжены траектории, прицел встанет отлично, и значительно повысит результативность, – поведала я со столь гордым видом, будто у меня за спиной был опыт в пристрелке оружия.

Сей-Ман опешил, словно увидел привидение.

– Откуда у тебя эта информация? – я видела, что сильно удивила его, но он не хотел, чтобы я это заметила.

– Из журналов... Лео привозил, – кратко пояснила я.

– Лео привозил... – растерянно повторил он, стараясь скрыть свою растерянность.

Пора было показывать и свою неосведомленность в некоторых вопросах.

– А это что такое, почему перебинтовано? – ткнула я наугад пальцем.

– Это – антабки, их лучше заранее перемотать изолентой или бинтом, как здесь. Видишь? – к учителю вернулся дар речи, и он пояснил, указав на металлические петли для крепления ремня.

– Да, вижу, но для чего это делать? – мне было интересно все, что касалось оружия – любая мелочь, любой нюанс.

– Чтобы ничего не звенело и не лязгало, передвигаться нужно бесшумно. Также всегда прыгай перед выходом и проверяй, чтобы ничего не бряцало на одежде, карманы тоже должны быть застегнуты.

– Ясно, – кивнула я с нетерпением. – Давай дальше.

– Смотрю,ходишь во вкус, – усмехнулся он и протянул мне разгрузочный жилет, который достал из пыльного мешка. – Надень.

Я послушно накинула на себя жилет, он был явно мне велик, но приятно было другое – Сей-Ман дал мне свою одежду.

– Патрон – в патронник, оружие – на предохранитель. Вот так, затвор отпускаешь резко – иначе зажует. Пальца на спусковом крючке быть не должно, даже если оружие на предохранителе. На маршах кладешь автомат на руки и складываешь их на груди крестом, вот так – чтобы легче нести. При этом большой палец правой руки всегда готов снять оружие с предохранителя, и вскинуть его можно достаточно быстро. Автоматный ремень всегда на шее, запомни.

– Ясно. А для чего?

Сей-Ман улыбнулся, его явно забавляли мои «а почему?» и «а для чего?»

– Если будет подрыв мины и ремня не будет на шее, то ты полетишь в одну сторону, а оружие – в другую. Исход, думаю, ясен.

Сколько же всего Сей-Ман знал!

– Ясно, что еще? – продолжила я свои расспросы.

– Никогда ничего не трогай, особенно – в городе, не открывай незнакомых дверей, не пытайся спасти скулящих, мяукающих животных, закрытых в шкафах, не вздумай поднимать даже сиденье унитаза – все может быть заминировано.

– Ты как будто меня завтра отправляешь на войну, – скосила я глаза.

– Просто делюсь с тобой тем, что знаю, через что пришлось пройти самому.

На мгновенье я представила, через что пришлось за свою жизнь пройти Сей-Ману...

И я все еще ничего толком о нем не знала, а те факты, что всплывали в случайных разговорах, говорили о том, что его жизнь скучной уж точно не назовешь.

– О чем задумалась? – глядя в глаза, спросил учитель, и показалось, что ответ отпечатан на моем лице.

– Скажи, вот... А тебе снятся кошмары с войны?

– Иногда, – отрывисто бросил он.

– Ладно, прости, давай дальше, я вся – внимание.

– Хорошо, – медленно поднявшись на ноги, произнес он. – И так... Плохая идея долго стрелять, не меняя позиции. Всегда пригибайся, – Сей-Ман сцепил руки в замок за спиной и начал расхаживать взад-вперед. – Знать таблицу стрельбы на свое оружие крайне важно! Изучай это заранее. Ты должна понимать, что пуля летит не прямо, а по своей баллистической траектории с повышениями и понижениями. Поэтому грамотное определение расстояния до цели и знание таблицы стрельбы – это хорошая возможность попадать быстро в цель. А значит – снизить риск, что в тебя попадут первой. Запомни это, Тая!

– Я запомню учитель, запомню.

Он машинально растер лоб, устремив взгляд в окно.

– Что там? – насторожилась я.

– Ничего. Покер... И так – ветер влияет на траекторию полета пули. Изучить влияние ветра на свое оружие нужно заранее, а не по ходу боя и на глазок.

– А расскажи про патроны, что знаешь, – осторожно вставила вопрос я.

– Ну-у... А что про патроны?.. По опыту скажу тебе, что кончаются они быстро, особенно – в городе. Поэтому не нужно брезговать пополнять запас от убитых товарищей или врагов. Но вот брать патроны с открытых цинков – захваченных, скажем, у моджахедов – нельзя ни при каких обстоятельствах. Бывали случаи, что вместо пороха они заряжали в патроны тротил. В этом случае результат очевиден – разорвет автомат, выбьет глаза. И вот еще что... Если перемещаешься с группой, то...

– Сей-Ман, – прервала я его. – Я – одиночка. Расскажи лучше про тонкости для этого случая.

– Нет вопросов, – пожал он плечами. – Если уходишь в автономку, то берешь себе триста шестьдесят патронов – это двенадцать магазинов – и еще столько же, но в пачках кидаешь в рюкзак. Запоминай: магазины, расположенные на груди и животе – можно считать дополнительной бронезащитой. Большинство смертей и ранений – это осколки, повесив поверх вот такую разгрузку с магазинами, ты будешь относительно защищенной. И не забывай поднимать всегда ворот – вот так.

– А бронезилет? – решила уточнить я.

– Бронезилет – это хорошо, но – не панацея. Зачастую он спасает от дырки на теле, но энергия от пули, остановленной бронезиловыми элементами, может нанести чудовищную заброневую травму. Ребра ломаются почти всегда, но это – полбеда, возможен и разрыв органов, а это – уже серьезно. Так что, как ты понимаешь, получается, что иногда дырка – предпочтительнее.

– В тебе было их две, верно? – спросила я учителя, вспомнив о двух характерных шрамах на его теле.

Я не решалась спросить раньше, когда видела его по пояс обнаженным, но теперь выдался прекрасный случай.

– Да, Тая. У меня было два ранения, – отрывисто бросил он, смена темы ему явно не нравилась.

– Расскажешь, как это произошло?

– Не сейчас.

– Ладно, – согласилась я. – Какие еще хитрости имеются?

– Всегда внимательно прислушивайся к звукам, чаще «давай тишину».

– Как это?

– Это значит – остановка. Но никогда не продолжай при этом стоять. Остановившись, вставай на колено или ложись. Да, это очень выматывает, но это – вопрос выживания. В дальнейшем тебе потребуются гибкость. Наблюдай за происходящим внутри себя. Не бойся отступать, уходить в тень. Без лобовых атак. И еще... – он сделал паузу, и мы встретились взглядами.

дом. – Если ты кого-то заметила, а тебя – еще нет, это не значит, что нужно резко бросаться в укрытие. Периферическое зрение противника «срисует» тебя мгновенно. Делать все нужно мягко и плавно. Ясно?

– Ясно, – вникая в каждое слово, кивнула я, а Сей-Ман усмехнулся.

– Ладно, достаточно для первого раза, переизбыток информации – не есть хорошо. Это была первая бессистемная беседа, цель которой – пробудить в тебе интерес к оружию, но вижу, что будить здесь нечего, скорее – надо сдерживать твой повышенный интерес в этом вопросе. Мы с тобой будем чередовать теоретические и практические занятия отдельно с каждым видом оружия. Договорились?

– Ну, пожалуйста, – с мольбой в глазах заняла я, и учитель уставился на меня с удивлением.

Никогда прежде я не позволяла себе что-то просить. Для меня это было абсолютно не свойственно. Пожалуй, я и сама удивилась своей просьбе. Но уж больно захватывали меня глубокие познания Сей-Мана.

Поверить не могу, что он побывал аж на двух войнах...

Что еще скрывалось внутри этого человека?

И о чем я даже не догадываюсь?

– Про оружие на сегодня – достаточно. Теперь – про первую медицинскую помощь.

Я тут же скисла, наморщив лоб.

– Тая, это очень важно, – серьезно произнес учитель, заметив резкое угасание моего интереса. – Ты должна это знать.

– Хорошо, – соглашаясь, произнесла я и приготовилась слушать.

– Итак... Ранения бывают разные, соответственно, и кровотечения бывают двух видов – венозные и артериальные. С венозным кровотечением у тебя есть шанс на спасение, ты выдержишься несколько часов. С артериальным – у тебя будет двадцать секунд, чтобы успеть покаяться Богу или быстро наложить жгут поверх раны. Тут – выбирать тебе, дальше – потеря сознания и гипоксия. Поэтому запомни, Тая, это очень важно: жгут всегда под рукой. Запомни – всегда! Не в рюкзаке – он либо намотан на приклад, либо лежит в разгрузке под рукой. С собой всегда нужно иметь два жгута. Это тоже важно.

– Ты так много знаешь, – со вздохом произнесла я.

– Дисциплина – фундамент жизни, Тая. И ты скоро будешь знать много, а дальше все будет происходить на интуиции. Мы все учимся.

– Да, но ты получил свой опыт в настоящих боевых условиях. Полагаю, что и мне нужно отправиться на войну, чтобы испытать себя.

– Не говори глупостей! – насторожился Сей-Ман. – Тая, война – это не романтика, как полагают многие. Это – страшно.

– А я и не романтик.

– Выбрось эти мысли из головы и никогда этого больше не произноси. Понятно? Тем более для современной войны народ не очень-то и нужен, кнопку нажал – и все, полетели «Томагавки» с «Калибрами».

– Это верно, – вздохнув, согласилась я.

– Ну, вот и хорошо. Пойдем, – произнес он, забирая у меня из рук автомат.

– Куда? – встрепенулась я.

– Покажу, как бывает громко на войне.

– О! Мы идем стрелять?!

– Да, твой первый урок по стрельбе.

Я сжала от радости кулаки, а Сей-Ман поджал губы и насупился.

Он заметил неподдельный энтузиазм в моих глазах к огнестрельному оружию, да и к оружию вообще – один мой восторг чего стоил, когда Сей-Ман вручил мне кукри на шестнадцатилетие, и сейчас он, видимо, не понимал: радовал его такой настрой как учителя, или...

Огорчал как человека.

* * *

Прошло еще несколько месяцев моего активного обучения...

На закате Сей-Ман частенько усаживался на краю вершины и безмолвно созерцал завершение дня, а я – с удовольствием присоединялась, наизусть изучив уже его персональную тишину. Эти минуты нравились мне не меньше, чем проведенные в тренировках часы...

– Тая, – бесшумно возник рядом учитель, и я вздрогнула, сидя в растяжке на воздушном шпагате между двух деревянных бревен. – Медитируешь? Прости, напугал тебя, – Сей-Ман положил руку мне на поясницу, слегка надавил, отчего я прогнулась, и он улыбнулся. – Ты – молодец.

– Спасибо, – тихо произнесла я.

– Послезавтра я покину тебя. Приезжает Лео, я спущусь в пещеру, чтобы провести с ним несколько дней. Ты не хочешь отправиться со мной?

– Нет, – отрезала я так резко, что Сей-Ман непонимающе сдвинул брови. – Не хочу. Позанимаюсь здесь, подожду тебя... – уже спокойно и непринужденно заявила я, не желая, чтобы учитель додумывал о наших с Лео натянутых отношениях.

– Тая, но Лео наверняка хочет увидеть тебя. Я не могу, конечно, заставлять, но ты подумай.

– Хорошо, обещаю, – заверила я. – Когда ждать тебя обратно?

Сей-Ман рассмеялся.

– Смотрю, уже подумала.

– Прости, но я действительно хочу остаться здесь, если позволишь.

– Позволю. Но вернись не скоро.

– Почему? – со смятением в голосе прошептала я, и Сей-Ман коснулся моей щеки, сказав как-то неопределенно:

– Мне нужно кое о чем подумать.

– И что для этого нужно? Заблудиться в пампасах?

– Нет. Достаточно будет одинокого затворничества.

– Ты ведь бежишь от меня, верно? – я опустила взгляд.

– Вовсе нет, Тая. С чего ты взяла?

– Мне кажется... Ты не понимаешь, что движет тобой.

Сей-Ман приподнял мой подбородок, заставляя смотреть ему в глаза.

– Самоуверенно, – хмыкнул он. – Давай так: когда мне будет интересно твое мнение – я обязательно поинтересуюсь.

– Ладно, но...

Учитель поднял ладонь.

– Это – осознанное отшельничество. Как и все в моей жизни.

Сей-Ман четко обозначил мне мое место.

– Надолго? – решив более не докучать учителю своими догадками, я задала вопрос по существу.

– Я вернусь через несколько месяцев.

– Несколько месяцев?! – воскликнула я и свалилась с бревен. – Вот глупости какие!

Отплевываясь от пыли, я с тревогой всматривалась в лицо учителя.

Сей-Ман «прижал» меня жестким взглядом к земле, и я прикусила язык.

– Тебя что-то пугает? – стараясь быть сдержанным, спросил он. – Ты знаешь, как раздобыть воду и пищу, с оружием – ближе, чем на «ты». Справишься. Сомневаюсь, правда, что

оно тебе пригодится, стрелять тут не в кого, сама видишь – сюда даже хищники не суются... – учитель помолчал, наблюдая за моей реакцией. – Попрошу тебя лишь об одном – не забывай кормить Скурудж и забирать у нее молоко.

– Забирать? Легко сказать... Как будто это так просто – взять и забрать. Я никогда не доила этого демона!

Учитель протянул мне руку дружественным хватом, и я поднялась с земли.

– Завтра покажу – это несложно, – усмехнулся он и потрепал меня по лысому затылку.

– Ладно, как скажешь, – произнесла я, смирившись. – Постараюсь выжить...

Неожиданное поведение учителя стремительно подхватило поток моих мыслей и унесло по витиеватым тропам раздумий...

Этот человек каким-то непостижимым образом незаметно прорастал в меня своими крепкими корнями, и я была абсолютно не против.

«Опасно!» – нашептывало подсознание, но, пожалуй, я впервые не желала его слушать, хотелось втянуть в себя эту личность без остатка, перемолоть, «разобрать ДНК на молекулы» и оставить образцы в архивах хранилища.

Я старалась чаще напоминать себе свое же правило: не интересоваться жизнью других людей.

Но в этом человеке процветало то, что будоражило мой интерес и стирало внутренние границы любопытства. Я выходила за них, минуя собой же расставленных часовых, не чувствуя никакой опасности. И приняла решение: когда учитель вернется – обязательно расспрошу его о прошлом, чтобы утихомирить свой интерес.

Не захочет отвечать – не станет, но...

Но я – попытаюсь...

Глава 8

Сей-Ман преодолел последний уступ и оказался на небольшой площадке перед входом в пещеру.

Лео уже был там – оттуда тянуло теплом и жареными овощами. В углу его друг склонился над очагом, который на тот момент представляла газовая горелка с шипящей на ней сковородой. Он поднялся навстречу Сей-Ману, едва тот переступил порог.

– Приветствую, дорогой! – радостно воскликнул Лео.

Мужчины по-дружески обнялись, похлопав друг друга по плечам.

– Как добрался? Опять притащил запасов на полгода моей отшельнической жизни? – спросил Сей-Ман. – Я же тебе говорил, что у меня есть все необходимое, да и монастырь поддерживает.

– Вот скажи... Живем вроде рядом, горы видим одни и те же, а объезжать приходится черт знает сколько – двое суток в пути каждый раз! – сокрушенно воскликнул Лео и изменился в лице, поняв, что Сей-Ман пришел один. – Ох уж эта политика, границы и страны...

– Она не пришла, – заметив озабоченность друга, произнес Сей-Ман

Лео понуро кивнул головой: обижаться было бессмысленно.

– Я уже понял.

Возникла пауза, каждый не знал, что сказать.

Первым все же взял себя в руки Лео:

– Знаешь... Сбился со счета, сколько раз твердил себе, что это – в последний раз, и каждый раз поднимаюсь сюда снова. Не без труда, силы уже не те, что раньше, как-никак – полтинник, – он демонстративно потряс в руке пачкой «Диакарба».

– Уф, – удивленно засмеялся Сей-Ман, глядя на таблетки. – Стареем, конечно, ничего не попишешь. Но, знаешь, что скажу: завязывал бы ты со своим бизнесом и перебирался сюда – люди в горах живут дольше, болеют реже, чем на равнине, а доживая до глубокой старости, сохраняют бодрость духа и ясность ума. Да и к Тая будешь ближе. Вижу, подарки ей принес, – кивнул Сей-Ман на лежащий в углу рюкзак.

– Догадливый... Как она? – Лео заглянул другу в глаза.

Сей-Ман уловил печаль на уставшем лице приятеля. Он понимал его как нельзя лучше, но помочь ничем не мог. Тая решила остаться наверху – и он принимал ее выбор.

– Не переживай, она в полном порядке, – улыбнулся он и прошел к очагу.

– Надо же, добралась! До сих пор не верю, – покачал головой тот, уставившись в бурю стену пещеры и сморщился, словно только что съел лимон. – Хоть и говорил, что путь не близок и опасен, но она и слушать не хотела... Вот же упорство...

– Да, добралась... – повторил загадочно Сей-Ман, вспоминая, какой перед ним предстала Тая при их первой встрече. Но, конечно же, не стоило об этом рассказывать другу, чтобы вконец его не расстраивать. – Стойкий оловянный солдатик эта девочка. Ее упорство достойно восхищения.

– Что думаешь по поводу нее? – Лео уцепился за последнюю фразу Сей-Мана.

Мужчины сели на циновки, и Лео протянул приятелю миску с жареным кабачком.

– Ох, ты ж... Откуда такая роскошь? Неужто ты тащил это в рюкзаке сюда, чтобы порадовать меня?

– Не тебя.

– Хм, прости, не подумал, – с грустью заявил Сей-Ман. – Не переживай, я уверен – в следующий раз она обязательно придет.

– Знаешь, она с детства их любит, – Лео кивнул на еду в миске. – Помню, как совсем маленькой скакала вокруг гриля на лужайке рядом с отцом и тоненьким голоском все восклицала

цала: «Кабачи! Кабачи!» Потом принеслась ко мне, обняла мои колени своими крохотными ручонками и завизжала: «Дядя Леня, дядя Леня, а папа жарит кабачи! Ты любишь кабачи? Я их обожаю!» – и закатывала глазенки, чтобы подчеркнуть степень этого обожания.

Сей-Ман лишь улыбнулся, перед его глазами предстала визжащая малышка в ажурном платьице и розовых сандаликах.

– Мне не удалось уже этого застать. Только маленького Петьку подкидывал к потолку, а потом, сам знаешь, уехал на Тибет и все пропустил, – с легкой досадой в голосе произнес Сей-Ман. – До сих пор не верится, что с Андрюхой и его семьей такое произошло, – сокрушенно покачал он головой. – Больше всего мне хотелось бы знать: кто же все-таки это мог быть?.. – прищурившись, перевел он взгляд в пространство, словно желая увидеть там ответ. – Кто же мог быть... – повторил он.

Сей-Ман замолчал, опустив голову, а Лео произнес:

– Да, страшно все получилось... Слава Богу, что Тая осталась жива... Сейчас сам видишь, какая жизнь, поэтому следующего раза может и не быть, – печально вздохнул он и резко подпрыгнул на месте, когда в огне раздался резкий щелчок от прогорающего полена.

– У тебя проблемы? – насторожился Сей-Ман.

– Чувствую, что кольцо вокруг сжимается. Мне ли тебе рассказывать, что все мы ходим под одним куполом, – Лео указал наверх. – И кто подглядывает за нами через линзу прицела – одному Всевышнему известно.

Сей-Ман качнул головой и спросил:

– Ничего не хочешь рассказать?

– Пока – все под контролем, не бери в голову. Лучше скажи: как Тая? Искра жизни так и не появилась в ней? – с надеждой в голосе спросил Лео.

– Увы, нет, – скривил уголки губ Сей-Ман. – Иногда задумываюсь: способна ли она вообще когда-нибудь оттаять.

– Так все же... Что думаешь насчет нее?

– Ты о чем-то конкретном? – Сей-Ман закинул кружок кабачка себе в рот и неспешно прожевал.

– Она все еще одержима своими глупостями? М-м... Надеюсь, ты не торопишься ее обучать?

– Да нет, конечно, каждый день ей монотонно объясняю, что нет смысла ввязываться в рукопашный бой с превосходящим тебя по силе противником, если можно просто незаметно подкрасться к нему и перерезать сухожилия, – широко улыбнулся Сей-Ман, заметив, как у друга при этих словах отпала челюсть. – Леня, – он отложил вилку в сторону и серьезно добавил. – Ты же знаешь, что я ничего не делаю наполовину.

Лео закрыл глаза и уточнил:

– Хочешь сказать, что пошел у нее на поводу?

– Да брось! Какой там – на поводу! У девчонки в голове столько шлака, и избавляться от него она не торопится. Там вкладывать-то некуда, пространство забетонировано – пару лет отбойным молотком надо работать, чтобы очистить коробочку.

– Вот и прекрасно, пусть подольше будет забито. Ты его не разгребай там, не надо. Надеюсь, что твой молоток в ремонте.

Сей-Ман усмехнулся.

– Знаешь: она либо кончит в сточной канаве, либо поднимется очень высоко – такие, как она, не зависают на середине.

Лео собрался что-то ответить, но настороженно замер с вилкой в руке уставившись в сторону выхода.

– Хотелось бы избежать и того, и другого, середина меня устроила бы больше. Ведь она – обычная девчонка.

– Она – не обычная, – задумчиво пожал плечами Сей-Ман.

– Тебе что-то известно больше, чем мне? – насторожился Лео, с подозрением глядя на друга: уж не о способностях ли Таи внедряться в чужое сознание сейчас говорил Сей-Ман?

– Не думаю, – уклончиво ответил тот.

– Вот и я не думаю, что ее бредовые идеи нужно рассматривать всерьез.

– Но ты не можешь за нее решать вечно. Однажды ей здесь станет тесно, и она захочет покинуть Тибет, как когда-то захотел Пашка. И нет разницы, что станет ключевым моментом решения – месье или скука. Пойми: мало кто с радостью готов прожить здесь всю жизнь. Это может быть только осознанный выбор. Миллионы – посещают эти места, тысячи – возвращаются вновь, желание остаться навсегда – изъясняют единицы. Тем более мы говорим о вершине, где все пропитано аскетизмом, который разве что только зайцы да птицы не замечают.

– Ну-у... Пашка сам знаешь почему сбежал отсюда, – поник Лео, расстроившись. – Были бы письма от матери – сидел бы здесь, как миленький. Но я не мог больше скрывать от него, что матери нет в живых. А дальше – сам помнишь... Весь наш с Катюхой первоначальный план рухнул к чертям собачьим, – от огня щеки Лео покраснелись, и он поправил ворот свитера. – Ведь я же надеялся, что если сын и не останется тут навсегда, то, по крайней мере, не вернется в Россию. Задумка-то была сделать ему позже документы и отправить жить куда-нибудь в цивилизацию. Ведь мы ему с матерью объясняли, что для всех он «погиб», разбившись в той аварии на мотороллере. И точка! Он обязан был зарубить это у себя на носу и понять, что ни при каких обстоятельствах ему нельзя будет возвращаться обратно. Мы это сделали с Катюхой ради его же безопасности, чтобы уберечь от возможного покушения, которое, как ты знаешь и случилось, и унесло жизнь Кати. Страшно представить, как все обернулось бы, не отправь мы Пашку тогда сюда, – мрачно выдохнул Лео.

– Да, помню... Что ты оправдываешься, Лень? Все понимаю и помню, – Сей-Ман отхлебнул глоток чая. А Лео продолжил свою исповедь

– В планах ведь было: когда жена родит, и малышка чуток подрастет – отправить семью на Тенерифе. Я рассказывал тебе, что Катюха всегда мечтала поселиться на побережье?

– Нет, – мотнул головой Сей-Ман.

– Так вот, и Пашку хотел туда перевезти с Тибета. А видишь, как все вышло... Катюха погибла, а Пашку я не рискнул забрать к себе в Бутан – он был бы уязвим рядом со мной, – Лео сделал паузу. – А с Таей... Ну когда я решал за нее? Она закрыта в себе с самого детства. Хорошо, что хоть говорить стала, думал, что так и останется немой. Но врачи уверяли, что заговорит – раз не сразу онемела. Знаешь, какие слова она произнесла, прежде чем замолчать?

– Нет, – тихо произнес Сей-Ман, несколько удивленный сегодняшней разговорчивостью друга.

– Там, на корабле... когда я нашел ее на предрассветной палубе – она лежала, свернувшись комочком на огромной бухте каната, дрожа всем телом. Я взял ее на руки, – Лео прикрыл веки и покачал головой. – До сих пор аж мурашки по телу... Она тогда очень по-взрослому произнесла: «Я обязательно найду его!» – он прищелкнул языком и тряхнул шевелюрой. – Да и потом, у черного камня в монастыре... Тая взяла с меня обещание – не препятствовать ее целям ни при каких обстоятельствах, а я и пообещал, как дурак. Подумать не мог, что она, оказывается, вынашивает свои замыслы долгие годы! И что только внутри нее творится? Ума не приложу... Вот думал: может тебе – благодаря внутренним вибрациям – удастся распознать. Но, смотрю, там действительно амбарный замок размером со слоновью голову на входе...

Сей-Ман молча приподнял брови, продолжая слушать друга.

– Я хочу удержать ее от того, кем она задумала стать, – с тревогой в глазах пояснил Лео. – Ты же понимаешь, что она хочет изучить силат не просто так. Она хочет найти и убить того, кто убил ее семью!

– Ну и пусть ищет, – равнодушно пожал плечами Сей-Ман.

Лео уставился на друга в недоумении.

– Ты в своем уме?

– Да в своем, в своем. Пусть ищет убийцу сама, даже если у нее на это уйдет вся жизнь. Тебе же не удалось найти эту тварь? Не удалось со всеми своими связями!

– Не удалось, – сказал Лео на выдохе. – Если бы нашел – уже все давно было бы решено. Поэтому меня не отпускают мысли, что Тая все еще в опасности, – он встал и нервно заходил по хижине. – Да эти еще ее мечты... Пойми: она одержима! Ну слишком! Ничего и никого не хочет слушать! Она с детства была настоящим революционером со своей обостренной интуицией и безграничной любознательностью. А уж о силе воли и буйном характере – я вообще молчу!

Сей-Ман откинулся на стену, неведомо откуда возникло чувство, что Тая – эта маленькая девочка – вполне может добиться справедливости, о которой грезил. Пока ее характер был нестабилен, иной раз она не знала к себе жалости, а иной раз по-детски надувала губы и обижалась как ребенок. Но ее упорство и решительность смело давали почву для таких размышлений.

– Что посоветуешь в этой ситуации? – Лео пробрался в мысли Сей-Мана, и тот, все еще опираясь затылком на стену, кратко изрек:

– Ничего.

– Вот так и откажешь другу в совете? – грустно усмехнулся Лео.

Сей-Ман кинул на него скептический взгляд, давая понять, что тот не похож на человека, нуждающегося в советах и просящего помощи.

– Какой совет?.. Тебе решать. Но ты должен понимать: она не остановится. Выпустить ее в мир незащищенной – такой как сейчас – это все равно, что вложить ей в руку гранату, но без запала, оглушить такой – можно, а взорвать – не получится...

– Сем, говори как есть, что ты все ходишь вокруг да около!

– Я и говорю... Если хочешь, чтобы она задержалась на этом свете, то лучше дать ей то, что она хочет. По крайней мере, сможет за себя постоять. Она усвоит силат полностью, я не сомневаюсь. Пойми: это неизбежно! Вопрос только в том, когда начнется отсчет. Придет время, она избавится от своих глупых наваждений и вберет в себя реально необходимое. А пока... Пока, как я уже сказал, там столько шелухи в голове, что нет места для нового – все забито предрассудками. Но, несмотря на это, ее решения весьма глубоки и кардинальны. Слишком глобально оценивает мир, себя и не принимает советов извне – уж больно самостоятельна. Поэтому – основная проблема в том, что ее оценки разделены на диаметрально противоположные цвета: есть белое и есть черное, остального не существует, и черное, как ты понимаешь – преобладает.

– А может, все же тебе удастся переубедить ее, а?

Сей-Ман вздохнул и отвел на мгновение взгляд от прозорливых глаз Лео.

– Даже если и так, то почему не делать это параллельно с обучением? Сам говоришь, что жизнь – непредсказуема... Переубедится – так отлично: напялит фартук и пойдет стряпать мужу котлеты и подтирать детям сопли! Нет – будет по крайней мере готова во всеоружии предстать перед этим гнусным миром.

– Ой, она – не напялит, – с нотками трагизма в голосе отмахнулся Лео, который стал отчетливо понимать, что эта тема обречена на корню.

– Не понял? – Сей-Ман вопросительно поднял бровь.

– Передник не напялит, говорю. Я предлагал ей другую жизнь – университет, развлечения, но ей по душе одиночество, и даже парни тут не помогут, – пояснил Лео.

– Ну-у... Не делай поспешных выводов – малышка просто пока не знает вкус современного цивилизованного мира. Да и откуда ей? Она столько лет провела на «крыше мира», что ты хочешь? Ты должен дать попробовать ей этой жизни, глядишь – и понравится. Отправь ее вниз, приставь к ней «случайно» какого-нибудь своего красавчика, пусть вскружит девчонке голову,

поухаживает красиво, устроит прогулки под луной, но, разумеется, строго без всяких глупостей... Может – и переосмыслит жизнь. Вот где бы твой Пашка сейчас пригодился! Парень вырос настоящим красавцем, он еще в детстве заставлял вздыхать по себе половину школы, да и...

Тут Сей-Ман почувствовал неприятный осадок внутри после сказанных им же слов и резко замолчал.

– Не верю, что это советуешь мне ты! Человек, сбежавший от мирского! – Лео по-актерски возвел руки к потолку пещеры.

– Видишь ли... Я – это другое, – протянул Сей-Ман. – Давай сейчас не будем обо мне... Давай – о Тае.

– Хорошо, – согласился Лео. – Так вот, я и говорю... Нет, она не спустится – пока не почувствует в себе силу. А спустится лишь с одной целью: найти своего врага и обезглавить. Да ты и сам это знаешь, что я тебе рассказываю...

– Значит – она еще долго не спустится... Поверь мне, – вздохнул с улыбкой Сей-Ман.

– Это было бы прекрасно, Сем.

Мужчины протянули друг другу руки, и их ладони в дружественном захвате застыли над столом.

– Когда она в любом случае уйдет отсюда и окажется внизу – планируешь ли ты открыть ей, что брат жив? – неожиданно спросил Сей-Ман. – Кстати, как он?

Лео поджал губы, но нехотя ответил:

– Да нормально все... Пока в Бийске по-прежнему с матерью моей живет. Скоро придется его в Москву перетаскивать, хоть в нормальное заведение пойдет учиться. А там что? Жизни нет... Мать ведь пожилая уже, боюсь, что не доглядит, возраст у парня сейчас опасный: вдруг – наркотики, то да се...

– Легко, – согласился Сей-Ман.

– Ох, не знаю, поймет ли меня Тая, что скрыл от нее.

– Не поймет, – качнул головой Сей-Ман, подтверждая сомнения друга.

– Но ты же знаешь, я скрывал это не для того, чтобы причинить ей боль, а чтобы она оставалась здесь и не сорвалась в мир, не подвергла себя опасности.

– Я-то – знаю. Но она не поймет.

Лео после долгой паузы, как бы прокручивая слова друга в голове, спросил:

– И что посоветуешь? Молчать?

Сей-Ман растер лоб и болезненно поморщился.

– Ох, не знаю, Леня... Все это так сложно... Здесь я тебе не советчик. Надежда, конечно, не должна зависеть от обстоятельств, как бы трагично они ни складывались. Но, боюсь, здесь ты зашел слишком далеко.

– Ладно, время покажет...

– Однозначно, – подтвердил Сей-Ман.

– Кстати, Пашка мне недавно звонил, – неожиданно заявил Лео, и его губы растянулись в довольной улыбке.

– Да ну! – радостно воскликнул Сей-Ман и выстучал барабанную дробь пальцами по столу. – Видишь, я же обещал, что он повзрослеет и поймет. Что говорил?

– Рассказывал, что живет в Лондоне. Что дела у него идут хорошо. Работает. Ага... Будто я этого не знал!

– Эй, ты там только не засветись, что шпионил за ним все эти годы, а то опять заморозишь отношения на всю оставшуюся жизнь. Про Катю он не упоминал?

– Нет, про мать – ни слова.

– Видимо, в избытке все вылил на тебя еще тогда.

– Лучше и не вспоминать... – Лео устало повесил голову и пробежался ладонью вперед по волосам. – Сполна он мне тогда наговорил дерзостей: и мать убили из-за меня, и деньги для меня важнее, чем семья... Да что говорить... – махнул рукой он. – Вспоминать не хочется.

– Долго он на тебя держал обиду из-за матери, ничего не скажешь.

– Да уж... – вздохнул Лео. – Надеюсь, что теперь все будет по-другому. Главное – чтобы с Таей тоже наладилось. Она, кстати, перед тем как уйти на вершину, попросила меня взять ее однажды в дело, ознакомить, так сказать, с «темной стороной» этого мира, обтесаться в нем, чтобы быстрее адаптироваться. А вот теперь представь: она, спустившись в мир, не забыла этого и...

– Эй! – Сей-Ман резко перебил друга. – Не вздумай ее впутывать в свой грязный бизнес. Я не позволю.

– А ты что так волнуешься за нее? – насторожился Лео, закидывая обе руки за затылок, и по примеру Сей-Мана откидываясь на грубую колючую стену в ожидании ответа.

– Ладно, давай о делах... Что там внизу происходит? – Сей-Ман тут же сменил тему разговора.

Не желая больше обсуждать дальнейшую жизнь Таи, он знал, что его предложение поговорить о делах захлестнет Лео в момент. И он не ошибся: глаза друга вспыхнули, и Лео тут же перешел на новости бизнеса.

– Да в бизнесе – как на американских горках: то шатко, то гладко. Папуасы бунтуют уже не в первый раз, мне начинает это не нравиться. Не пойму, что они там задумали... То им товар не такой, то не досчитались они нескольких ящиков. Каждый раз поставки в тот регион добавляют мне головной боли. Туземцы – одним словом. Думают, что могут надуть «белого брата». И нашего пилота, и самолет последний раз продержали у себя черт знает сколько, сорвали мне сделку с арабами. В общем: хотел уже к ним своих «неандертальцев» прислать, чтобы они пообрезали к чертовой матери этим чудикам их пенисы в бамбуковых чехлах, но вроде те вовремя смекнули – собаки кучерявые! – что придет большой «белый папаган» и взгреет их черные жопы. Пилота отпустили, но обстановка остается мутной. Пробить бы, что у них там на уме. Ты же понимаешь: это другой разум, практически иная цивилизация. Точнее – полное ее отсутствие.

– Да, верно. Но этих ребят можно понять: твой бизнес сполна изуродовал их континент перекрестными шрамами. Они устали от бесконечных войн, столкновений, распрей. Фронты освобождения... Войны за независимость... Думаешь, что они в восторге от всего этого? Полагаешь, что такой ценой им нужна эта независимость? Человеку свойственно жить в покое, даже если у него перья на бедрах вместо штанов. Но у них нет выхода.

– Вообще бы с ними не связывался, но эти черти хорошо платят своими алмазами, понимаешь? Тебе ли не знать...

– Боюсь, не понимаю, – не согласился Сей-Ман.

– Тибет сильно изменил тебя, Семен... – Лео вкрадчиво разглядывал друга.

– Надеюсь.

– Раньше ты бежал с нами в одной упряжке, был в теме, ворочал миллионами, тратил их направо и налево, а потом...

– А потом я порвал дорожную упряжь и предпочел свободу, – отрезал Сей-Ман.

– Хм, да... – вздохнул Лео. – И это – твое право, тут ничего не попишешь.

– Лень, ты прав, это мой выбор, так что давай не будем разбирать на слагаемые мою жизнь... А если хочешь совета, как поступил бы я, то сделай следующее: проигнорируй пару их заказов, но проигнорируй напрочь, и увидишь, как в следующий раз будут и честь отдавать, и ковер красный раскатывать. Но я не сторонник всего этого, так что уверен, сам разберешься с проблемой, без меня. Ты лучше расскажи, какие новости на западе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.